

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 1 (7), 2017

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2017

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 1 (7), 2017

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Manotskova Nadezhda Vasilyevna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 1 (7), 2017

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Ино-
странные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

Iskarinova S.I.
PROFESSIONAL MOTIVATION IN LEARNING FOREIGN LANGUAGE
AT NON-LINGUISTIC FACULTIES OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS 8

Lenintseva V.A., Tokhta-Khodzhaeva M.V.
FUNCTIONING OF THE PERSONAL NAME SYSTEM IN ANCIENT CHINA 11

Pulatova Z.A.
THE ROLE OF READING STRATEGIES IN TEACHING ENGLISH 15

Rakhimova G.A.
INTERMEDIARY LANGUAGE FOR TRANSLATION: PRO AND CONTRA 17

Rakhimova U.S.
ORGANIZING COOPERATIVE CLASSROOM MANAGEMENT IN FOREIGN CLASSES 20

Ungureanu M., Gînsac A.-M.
DIGITAL PROCESSING OF THE OLDEST ROMANIAN BIBLE (BUCHAREST, 1688) 22

Literary Studies

Litvinenko N.A.
PUNISHMENT AND CRIME IN S. KING'S 1922 28

Tsaturyan Ye.I.
CHRONOTOPE OF AUTOBIOGRAPHIC NOVEL
(ON THE MATERIAL OF N. ABGARYAN'S *MANYUNYA* TRILOGY) 32

Russian Literature

Babicheva Yu.G.
MODERNISTIC DISCOURSE OF M. SHISHKIN'S PROSE 36

Zhilenko I.R.
THE WORLD OF A CHILD AND TEENAGER
IN FLASH FICTION BY ZINAIDA GIPPIUS IN THE PERIOD OF EMIGRATION 40

Literature of Peoples of the Foreign Countries

Daskalova Y.N.
HAUNTING ROMANTICISM: DAYDREAMING AND OBSESSIVE
IMAGERY IN THE WORKS BY EDGAR ALLAN POE AND PEYO YAVOROV 44

Maznyak M.M.
PORTUGAL IN THE BALANCE OF EUROPE – PHILOSOPHIC AND POLITICAL TREATISE
BY J.B. DE ALMEIDA GARRETT AS A BASIS OF HIS NOVEL *TRAVELS IN MY HOMELAND* 52

Shoev A.A.
NAKIBKHON TUGRALI AHRORI AND TURKIC BILINGUAL POETS 56

Literary Theory. Textology

Borisova-Yurkovskaya E.S.
ON IMPRESSIONISTIC STYLE OF K. BALMONT'S
ARTICLES (K. BALMONT'S *JAN KASPROWICZ. POET OF POLISH SOUL* CASE STUDY) 60

Linguistics

- Mambetova G.J.*
SEMANTICS OF SOME HYDRONOMY INDICATORS IN KARAKALPAK..... 65
- Semenova Yu.O., Abdulmanova A.Kh.*
BORROWING OF LOVE VOCABULARY IN MIDDLE ENGLISH PERIOD:
ETYMOLOGICAL ASPECT (THE CASE OF GEOFFREY CHAUCER'S POETRY)..... 67

The Russian Language

- Turanova A.Yu.*
EXPLETIVE CONSTRUCTIONS IN BIOGRAPHIC
PROSE BY D. BYKOV (V. MAYAKOVSKY'S BIOGRAPHY CASE STUDY) 72

Languages of Peoples of the Russian Federation

- Sulygova M.M.*
LEXICAL HOMONYMS IN THE INGUSH LANGUAGE..... 75
- Shamilova Z.M.*
ON THE ISSUE OF STATUS OF VERB FORMS HAVING ADJECTIVE FUNCTIONS IN RUSSIAN 78

Germanic Languages

- Karimova R.Kh.*
ON SEMANTIC TRANSFORMATION OF THE ADJECTIVE *FAUL* IN THE GERMAN LANGUAGE 81

Linguistic Theory

- Dolzhenkov V.N.*
TEXT IN COMMUNICATIVE ENVIRONMENT AS A SUBSYSTEM OF VERBAL COMMUNICATION..... 85
- Yagenich L.V.*
LINGUISTIC MARKERS IN WRITTEN ENGLISH MEDICAL DISCOURSE 87

Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics

- Zavrumov Z.A.*
SEMANTIC CLASH AS CONDITION OF IRONIC DISCOURSE IMPLEMENTATION 89
- Shigapova F.F., Salakhutdinova G.N.*
CONTRAST-BASED ANALYSIS OF *МЕНЕДЖЕР* AND *MANAGER* IN RUSSIAN AND ENGLISH 92

Applied and Computational Linguistics

- Kozdra M.*
PRINCIPLES OF LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION
IN THE RUSSIAN-POLISH DICTIONARY OF LEXICAL PARALLELS..... 95

Languages of Peoples of European, Asian, African countries, Aborigines of America and Australia

- Chironov S.V.*
RHEMATIC ADVERBS IN THE ARGUMENTATION STRUCTURE IN JAPANESE 101

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

<i>Искаринова С.И.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ ВУЗОВ.....	8
<i>Ленинцева В.А., Тохта-Ходжаева М.В.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЛИЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ	11
<i>Пулатова З.А.</i> РОЛЬ СТРАТЕГИЙ ЧТЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	15
<i>Рахимова Г.А.</i> ПЕРЕВОД ЧЕРЕЗ ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК: НУЖЕН ИЛИ НЕТ?.....	17
<i>Рахимова У.С.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	20
<i>Унгурияну М., Гынсак А.-М.</i> ЭЛЕКТРОННАЯ ОБРАБОТКА СТАРЕЙШЕЙ РУМЫНСКОЙ БИБЛИИ (БУХАРЕСТ, 1688)	22

Литературоведение

<i>Литвиненко Н.А.</i> НАКАЗАНИЕ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ПОВЕСТИ С. КИНГА «1922»	28
<i>Цатурян Е.И.</i> ХРОНОТОП АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ ТРИЛОГИИ Н. АБГАРЯН «МАНЮНЯ»).....	32

Русская литература

<i>Бабичева Ю.Г.</i> МОДЕРНИСТСКИЙ ДИСКУРС ПРОЗЫ М. ШИШКИНА	36
<i>Жиленко И.Р.</i> МИР РЕБЕНКА И ПОДРОСТКА В МАЛОЙ ПРОЗЕ ЗИНАИДЫ ГИППИУС ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ	40

Литература народов стран зарубежья

<i>Даскалова Я.Н.</i> ЗАПОМИНАЮЩИЙСЯ РОМАНТИЗМ: МЕЧТАТЕЛЬНОСТЬ И ЧРЕЗМЕРНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭДГАРА АЛАНА ПО И ПЕЙО ЯВОРОВА	44
<i>Мазняк М.М.</i> «ПОРТУГАЛИЯ НА ВЕСАХ ЕВРОПЫ» – ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ Ж.Б. ДЕ АЛМЕЙДЫ ГАРРЕТТА КАК ОСНОВА ЕГО РОМАНА «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО МОЕЙ ЗЕМЛЕ».....	52
<i>Шоев А.А.</i> НАКИБХОН ТУГРАЛИ АХРОРИ И ТЮРКСКИЕ ДВУЯЗЫЧНЫЕ ПОЭТЫ	56

Теория литературы. Текстология

<i>Борисова-Юрковская Е.С.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИМПРЕССИОНИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ СТАТЕЙ К. БАЛЬМОНТА (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ К. БАЛЬМОНТА «ЯН КАСПРОВИЧ. ПОЭТ ПОЛЬСКОЙ ДУШИ»).....	60
--	----

Языкознание

- Мамбетова Г.Ж.*
СЕМАНТИКА НЕКОТОРЫХ ГИДРОНИМИЧЕСКИХ ИНДИКАТОРОВ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ65
- Семенова Ю.О., Абдульманова А.Х.*
ЗАИМСТВОВАНИЕ ЛЮБОВНОЙ ЛЕКСИКИ
В СРЕДНЕАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖЕФФРИ ЧОСЕРА)..... 67

Русский язык

- Туранова А.Ю.*
ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
Д. БЫКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ БИОГРАФИИ В. МАЯКОВСКОГО)..... 72

Языки народов Российской Федерации

- Султыгова М.М.*
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОМОНИМЫ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ 75
- Шамилова З.М.*
К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ,
ВЫСТУПАЮЩИХ В АДЪЕКТИВНЫХ ФУНКЦИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 78

Германские языки

- Каримова Р.Х.*
К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО FAUL В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ 81

Теория языка

- Долженков В.Н.*
ТЕКСТ В КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ КАК ПОДСИСТЕМА РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ 85
- Ягенич Л.В.*
ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ В ПИСЬМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ 87

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

- Заврумов З.А.*
СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ КАК УСЛОВИЕ ПРОДУЦИРОВАНИЯ ИРОНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА89
- Шигапова Ф.Ф., Салахутдинова Г.Н.*
КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВ МЕНЕДЖЕР И MANAGER В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ92

Прикладная и математическая лингвистика

- Коздра М.*
ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ
В РУССКО-ПОЛЬСКОМ СЛОВАРЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ..... 95

Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии

- Чиринов С.В.*
РЕМАТИЧЕСКИЕ НАРЕЧИЯ В СТРУКТУРЕ АРГУМЕНТАЦИИ НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ..... 101

УДК 372.881.111.22:378.4

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ В ОБУЧЕНИИ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ ВУЗОВ****С.И. Искарнинова**, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена вопросу поддержания положительной мотивации в изучении иностранного языка как непрофилирующей учебной дисциплины у студентов младших курсов неязыковых факультетов вузов. Профессиональная мотивация является ведущей в подготовке будущего специалиста, ее формирование происходит в определенных условиях.*

***Ключевые слова:** мотивация, иностранный язык, неязыковые факультеты, профессионально-ориентированное обучение иностранному языку.*

Отношение студентов к учебному предмету определяется мотивацией его изучения или отсутствием таковой.

Проблема мотивации является актуальной для преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах, где «Иностранный язык» является непрофилирующей дисциплиной и изучается только на младших курсах. Так, например, студентами-бакалаврами неязыковых факультетов педагогических вузов иностранный язык изучается на 1-2 курсах с занятиями по 2 академических часа в неделю.

Сделать занятие интересным, изучение иностранного языка привлекательным, владение языком важным для студента – эта работа требует от преподавателя энергии и сил, серьезной подготовки и умения мотивировать студента. Вопросам мотивации, повышения интереса к предмету «Иностранный язык» уделялось и уделяется сегодня много внимания как в психологии, так и в методике обучения иностранным языкам [1, с. 8; 2, с. 37; 3, с. 65-72; 4, с. 22-25 и др.].

Мотивация обучения неизбежно сказывается на качестве знаний. Мотивы изучения иностранного языка студентами неязыковых факультетов весьма разнообразны. Итоги опроса показывают, что отношение к дисциплине «Иностранный язык» определяется как внешней, так и внутренней мотивацией.

Внешние мотивы связаны с внешними обстоятельствами. Среди них как положительные: осознание возможности контактировать с носителями изучаемых языков, получение высшего образования, социальный престиж, ожидание поощрения в виде похвалы, одобрения, хорошей / отличной оценки, повышенной стипендии и др. – так и негативные: стремление избежать порицания, замечания или нежелательной оценки, боязнь оказаться в роли слабоуспевающего члена учебной группы, остаться без стипендии и т.д. Внешние мотивы являются важным стимулом к учебной деятельности.

Внутренняя мотивация – это заинтересованность студента в самом процессе изучения, овладения иностранным языком, в использовании его как средства коммуникации. Внутренние мотивы – основной стимул к учебной деятельности. При наличии внутренней мотивации процесс изучения иностранного языка становится осознанным, осмысленным, поддерживается интерес к учебной деятельности.

Существенные факторы, препятствующие успешному изучению иностранного языка, – это сложность предмета, неумение распределять время самостоятельной подготовки к учебным занятиям, низкий уровень предшествующей школьной подготовки, отсутствие мотивации, отсутствие среды общения на изучаемом иностранном языке. И если студент не справляется с этими проблемами, теряется внутренняя и внешняя мотивация изучения иностранного языка. Эти барьеры являются причиной того, что у студента формируется негативное отношение к предмету. Если студенту постоянно не хватает времени для подготовки домашних заданий, доминируют негативные мотивы.

Результаты опроса студентов 1 курса неязыковых факультетов на самых первых учебных занятиях показывают, что лишь немногие студенты осознают роль иностранного языка в их будущей профессиональной деятельности.

Между тем, уже в старших классах школы ведущим должен являться мотив, связанный с выбором будущей профессии. И.А. Зимняя указывает, что для учащихся разного возраста актуальны разные мотивы. Для учащихся старшей ступени обучения ведущим становится ориентация на будущую профессию, заинтересованность в получении знаний, которые будут востребованы в будущей профессиональной деятельности. У старшеклассников

начинают доминировать мотивы, связанные с предстоящим выбором профессии и, в связи с этим, определенным значением каждого предмета для избранной профессии [3, с. 185].

И если в школе у учащегося сформировалась внутренняя мотивация, то у студентов 1 курса этот интерес не снижается, а напротив, сохраняется или даже возрастает, а внутренняя мотивация доминирует над внешней. Студент уже осознает необходимость овладения иностранным языком и готов продолжать учебную деятельность по его изучению, что является залогом успешности этой деятельности.

Если же профессиональная мотивация не была сформирована на старшей ступени обучения в школе, то эту задачу решает преподаватель с самых первых учебных занятий в вузе. Преподаватель должен организовать профессионально направленное обучение иностранным языкам в русле общей профессиональной подготовки будущих специалистов.

Большое значение для профессиональной мотивации имеют вводные беседы о значении иностранных языков для конкретной специальности: модернизация образования и связанные с этим растущие требования к профессиональным качествам, возможность контактов с зарубежными коллегами с целью обмена профессиональным опытом, ознакомления с зарубежными источниками по специальности в оригинале и т.д. Нередко преподавателю приходится сталкиваться со сложившимся в обществе представлением о важности владения иностранным языком только для отдельных профессий. Следовательно, он должен уметь аргументировать необходимость овладения иностранным языком именно для данной профессии для того, чтобы быть конкурентоспособным.

Учебный материал должен быть связан с будущей профессиональной деятельностью студентов. Это, например, тексты познавательного характера для изучающего и ознакомительного чтения о крупнейших ученых, изобретателях, выдающихся представителях данной профессии, великих событиях в науке, открытиях в данной специальной области, содержащие полезную для будущей профессиональной деятельности информацию. Начинать следует с более простых, небольших по объему текстов и далее усложнять с учетом принципа доступности. Это тексты для чтения как на занятии, так и дома. Рекомендуется составление словариков.

Учебный материал должен содержать профессиональную лексику. Объем терминологии различен, зависит от специальности. Рекомендуемая лексика усваивается как для устной, так и для письменной коммуникации.

В связи с тем, что у студентов 1 курса различный уровень языковой подготовки, на 1 курсе особенно важна индивидуализация обучения, с учетом их индивидуальных возможностей [5, с. 8]. К одному и тому же учебному материалу студенты получают разные задания, разного уровня сложности.

Практика показывает, что мотивация повышается при создании возможности самостоятельной творческой работы, соревновательной атмосферы. Студенту должна быть отведена активная позиция в учебном процессе, в работе над проблемными заданиями. Этому способствуют использование творческих форм работы на занятии и творческих домашних заданий, активных форм проведения занятий с применением современных технологий и средств обучения (интерактивные формы обучения должны составлять не менее 20 % всех аудиторных занятий). Профессиональной мотивации способствует создание условных ситуаций профессионального общения. Задания должны быть интересными, вызывать интерес.

Студент должен получать удовольствие от владения языком. Это происходит, если он видит результаты своей учебной деятельности, если на занятиях царит творческая, доброжелательная атмосфера.

Создание вышеперечисленных условий необходимо для профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, формирования профессиональной компетенции будущего специалиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-в и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений/ Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 4е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 336 с. – ISBN 978-5-7695-3802-2.
2. Гез, Н. И. Методика обучения иностранным языкам в средней школе: учебник / Н. И. Гез, М. В. Ляховицкий, А. А. Миролубов и др. – М.: Высш. Школа, 1982. – 373 с.
3. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. – М.: Просвещение, 1991. – 222 с. – ISBN 5-09-001716-6.
4. Кузовлева, Н. Е. Профессиональная ориентация как один из факторов формирования мотивации в обучении иностранным языкам / Н. Е. Кузовлева// Иностранные языки в школе. – 1986. – № 4. – С. 22 – 25.
5. Образцов, П. И. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: учебное пособие / П. И. Образцов, О. Ю. Иванова / Под ред. П. И. Образцова. – Орел: ОГУ, 2005. – 114 с.

Материал поступил в редакцию 15.12.16.

**PROFESSIONAL MOTIVATION IN LEARNING FOREIGN LANGUAGE
AT NON-LINGUISTIC FACULTIES OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS**

S.I. Iskarinova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University, Russia

***Abstract.** The article deals with the issue of sustain of positive motivation in learning foreign language as not major branch of knowledge at junior students of non-linguistic faculties of higher educational institutions. The professional motivation leads in the training of the future expert, its formation happens in certain conditions.*

***Keywords:** motivation, foreign language, non-linguistic faculties, profession-oriented teaching foreign language.*

УДК 80

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЛИЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

В.А. Ленинцева¹, М.В. Тохта-Ходжаева²¹ кандидат культурологии, доцент кафедры китайского языка,² старший преподаватель кафедры китайского языка

Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Россия

Аннотация. В статье рассматривается явление табу, что означает запрет на совершение определенных действий. Для этого последовательно показано табуирование имен и фамилий и особенности запретов, возникших в общественной жизни. Проведен анализ правил табу в разные эпохи и пути расширения сфер табуирования. В работе доказывается, что с давних времен люди верили в сакральное, сверхъестественное назначение слова и в возможность воздействия на окружающую действительность посредством языка. Поэтому с уверенностью утверждается, что табу – это не только этнографическое понятие, оно также может распространяться и на факты языка.

Ключевые слова: табу, лингвокультурологические и лингвокоммуникативные особенности, личные наименования, запрет, влияние имени на судьбу человека.

Цель исследования состоит в изучении системы личных наименований в древнем Китае, включая имена и фамилии. Для этого были рассмотрены лингвокоммуникативные и лингвокультурологические особенности функционирования данных единиц на основе выработанных китайскими и российскими лингвистами принципов выделения данных единиц.

Система личных наименований в Древнем Китае, включая имена и фамилии, достаточно сложна. Явление табу, которое изучает этнография, представляет собой запрет на определенное поведение, основанный на вере в то, что то или иное действие или выражение является слишком священным и неприкосновенным для обычного обывателя, или же слишком опасным. Также существовала вера в то, что нарушение такого рода запрета непременно повлечет за собой наказание или проклятие [3]. Табу означает запрет, который возникает в сфере общественной жизни на разных ступенях человеческого развития. Первоначально понятие табу применялось только для обозначения особого рода запретов на совершение определенных действий и самих этих запретных действий [2, с. 83].

В Китае самые ранние табу появились в эпоху Хань. В то время табуировались, в основном, имена монархов и людей, старших по возрасту или положению, их имена заменялись на омонимичные или же записывались другими иероглифами, например, иероглифом, в котором не хватало одной черты. Например, имя первого императора династии Хань Лю Бана было заменено на Го; имя ханьского императора Лю Хэна на Чан; личное имя суйского императора Янди было Гуан, его изменили на Бо; имя танского императора Шиминь также изменили: Ши заменяли Дай и Си, а Минь заменяли Жэнь. В результате замены личного имени императора приходилось также заменять его имя и во всех именах собственных, где оно фигурировало – в названиях книг, географических названиях и т.д.

Кроме имен монархов табуировались и имена старших родственников. Так, имя отца Сыма Цяня было Сыма Тань, когда Сыма Цянь в «Исторических записках» пишет про царедворца ханьского императора Вэньди Чжао Тяня, он заменяет Тань на Тун, чтобы избежать употребления имени своего отца. Имя отца ханьского императора Лю Аня было Чжан, оно было изменено на Сю.

После эпохи Троецарствия сфера табуирования не только расширилась, но правила табуирования стали еще строже. Теперь нужно было избегать не только иероглифов, входящих в состав имен императоров или уважаемых людей, но даже одинаково или близко звучащих иероглифов. Так, имя отца суйского императора Вэньди было Чжун 忠, поэтому стали избегать использования даже омонимичного иероглифа 中, его стали заменять на Нэй 内. Имя отца великого поэта танской эпохи Ли Хэ было Цзиньсу, так как иероглиф Цзинь 晋 созвучен с 进, Ли Хэ не мог участвовать в экзамене на получение ученой степени цзиньши 进士, где употребляется этот иероглиф.

Начиная с эпохи Тан стали использовать еще один способ табуирования – вместо замены иероглифа в существующем иероглифе имени просто убрали одну черту, например, в имени танского императора Ли Шиминя в иероглифе Ши 世 убрали нижнюю горизонтальную черту; в иероглифе Хэн 恒, которым записывалось имя сунского императора, также убрали нижнюю горизонтальную черту. После эпохи Тан в иероглифе Цю 丘, которым записывалось личное имя Конфуция, начали убирать правую горизонтальную черту и т.д.

До эпохи Воюющих царств один и тот же человек мог иметь несколько личных наименований, с наступлением же этой эпохи личные наименования начали постепенно приходить в более-менее стабильную систему. Эта система после эпох Цинь и Хань в целом напоминает существующую в наше время.

В древности существовали не только семейные фамилии 氏, но и родовые названия 姓. Родовые названия были общими для всех членов какого-либо рода или клана, а фамилия относилась к ответвлениям внутри рода, примерно соответствующим современным семьям. Например, внутри рода Ци в эпоху Чжоу могли существовать семьи Мэн, Ци, Сунь и т.д.; в древнем государстве Ци существовал род Цзянь, который подразделялся на семьи Шэнь, Люй, Сюй, Цуй, Ма и прочие.

В период после Воюющих царств китайцы все чаще стали использовать фамилию вместо родового названия, эти два понятия постепенно сливались в одно. Однако фамилии могли иметь далеко не все члены общества, а преимущественно аристократия, рабы же фамилий иметь не могли.

С наступлением эпохи Хань всеупотребительными стали именно фамилии, родовые названия вышли из употребления. Фамилии теперь имели все, начиная с императора и заканчивая простыми бедняками.

До эпохи Воюющих царств мужчины именовались по фамилии, а не по родовому названию, женщины же наоборот. В аристократических семьях особенно родовое название для женщины было важнее личного имени. Когда женщины из одного рода готовились выйти замуж, перед родовым именем в целях конкретизации ставилась еще и фамилия, например: Мэн Цзянь, Бо Ци, Чжун Ци, Шу Ци и т.д. После того как они выходили замуж, опять же в целях конкретизации, использовались следующие способы наименования:

1. Перед родовым названием ставилось название государства, из которого происходила эта женщина, или же фамилия: Цинь Ин, Чжэн Ци, Цзинь Ци, Ци Цзянь. В первом примере это означало, что женщина происходила из рода Ин государства Цинь; во втором примере из рода Ци в государстве Чжэн и т.д.

2. Если женщина выходила замуж за правителя другого государства, перед ее родовым названием ставилось название этого государства, например: Тан Цзянь, Цинь Ци и т.д. Здесь Тан и Цинь являются названиями тех удельных земель, правителями которых были мужья этих женщин.

3. Когда женщина выходила замуж за представителя высшего чиновничества, перед ее родовым названием ставилась фамилия мужа или название его феодального удела, например: Кун Ци, Чжао Ци и т.д. Первая была женой сановника царства Вэй Кун Юя, а вторая женой министра царства Цзинь Чжао Шуя.

4. После смерти женщина получала собственное посмертное имя или посмертное имя мужа, которые также располагались перед ее родовым именем, например: Вэнь Цзянь, жена Лу Хуаньгуна, Вэнь это ее собственное посмертное имя; У Цзянь была женой Чжэн Угуна, У является посмертным именем ее мужа.

Когда в древности умирали цари, князья, министры и высшие чиновники, в соответствии с нормами морали феодального общества им давались посмертные имена согласно их поведению при жизни, с учетом их прижизненных заслуг. Посмертных имен было ограниченное количество, из которого и выбиралось одно для конкретного усопшего. Посмертные имена могли иметь позитивную и негативную семантику. Их можно разделить на три вида:

1. Имеющие позитивную семантику: 文 Вэнь, 武 У, 景 Цзин, 惠 Хуэй, 孝 Сяо и т.д. Например, ханьские императоры Вэньди и Цзинди проводили политику укрепления государства, установления порядка в обществе, они предпочитали развитие сельского хозяйства войне, при них государство достигло процветания, за что они и получили эти посмертные имена.

2. Посмертные имена с негативной семантикой, такие как 灵 Лин, 幽 Ю, 厉 Ли и т.д. Так, в эпоху Чжоу Ю Ван, чтобы рассмешить любимую наложницу Бао Сы (чье родовое название было Сы, а происходила она из государства Бао), которая была не склонна к смеху, многократно разжигал сигнальные костры, тем самым приводя в смятение своих вассальных князей, думающих, что приближается враг. Эта забава в конце концов привела к гибели государства, за что он и получил такое посмертное имя. Другой пример: император династии Суй Ян Гуан получил посмертное имя Янди. Это был известный тиран, о злодеяниях которого сохранилось множество записей в исторических источниках. Он был известен своим пристрастием к казни путем сожжения, то есть человека заставляли ходить по раскаленной огнем докрасна железной решетке, почему он и получил соответствующее посмертное имя.

3. Посмертные имена со значением симпатии

В конце эпохи Воюющих царств правитель царства Чу Сюнь Хуай из-за того, что он не послушался советов Цюй Юаня, а поверил клевете, погубил свое государство, за что и получил посмертное имя 怀 Хуай (сомневающийся).

Обычно в древности посмертные имена состояли из одного иероглифа, но могли иногда состоять и из двух, например: Ци Хуаньгун, Цзинь Вэньгун, Цинь Мугун, Чжоу Вэй Леван, Чжао Сяо Вэйван.

В последующие эпохи в посмертных именах использовались два иероглифа (кроме имен императоров), например: Чжун Ухоу (Чжугэ Лян), У Муван (Юэ Фэй), Чжао Минтайцзы (Сюань Тун).

В древности существовали так называемые первое и второе имя. Первое имя давалось отцом через три месяца после рождения ребенка. Когда сыновья достигали возраста 20 лет, проводился обряд совершеннолетия, во время которого на голову юноши возлагалась шапка. Во время этого обряда ему давалось второе имя. Дочерям второе имя давалось по достижении ими пятнадцатилетия – возраста вступления в брак, когда проводился обряд инициации. Первое и второе имя часто были связаны по смыслу, так у поэта Цюй Юаня первое имя было 平 Пин, а второе имя 原 Юань (平原 равнина); первое имя ученика Конфуция 冉耕 Жань Гэн, второе имя 伯牛 Бо Ню, для пахоты (耕) использовались буйволы (牛); 宰予 Цай Юй (еще один ученик Конфуция), второе имя 子我 Цзы Во, в древнекитайском языке 予 и 我 были синонимами.

В эпоху Чжоу пред вторыми именами знатных людей часто употреблялись такие слова как 伯 Бо (старший брат), 仲 Чжун (средний брат), 叔 Шу (младший брат), 季 Цзи (самый младший из братьев), которые указывали на порядок по старшинству в семье. После второго имени для различения пола часто ставились слова 父 (отец) или 甫 (отец; батюшка), например: Бо Циньфу, Бо Шаньфу, Чжун Нифу.

В эпоху Весны и Осени распространенной формой образования второго имени у мужчин была поставка иероглифа 子, который являлся уважительным наименованием: Цзы Чань, Цзы Сяо, Цзы Ю, Цзы Ню.

Помимо имен и фамилий у древних китайцев были также 别号 прозвища. Прозвища могли состоять из трех и более иероглифов. Например, Тао Цянь, прозвище У Лю сяньшэн (господин Пять Ив); поэт Ли Бо, прозвище Цин Лянь цюши (отшельник Синий Лотос); поэт Бо Цюи, прозвище Сян Шань цюши (отшельник с Ароматных гор). Однако наиболее распространенные прозвища состояли из двух иероглифов, такие как Тао Ю, прозвище Фан Вэн; знаменитый государственный деятель Ван Аньши, прозвище Бань Шань (половина горы); поэт и художник Су Ши, прозвище Дун По (Восточный склон) и т.д.

Современные китайцы имеют 乳名 (小名) детское (молочное, уменьшительное) имя, 学名 школьное имя, а также могут иметь 笔名 творческий псевдоним (связанный с литературной деятельностью или искусством). Когда китайцы выбирают имя для себя или своих детей, они выбирают благозвучные иероглифы с позитивной семантикой. Для дочерей молодые родители выбирают имена, записываемые иероглифами со значением 文雅 «изящный; культурный; благовоспитанный», 善良 «добрый», 温柔 «ласковый, нежный, мягкий», 美好 «прекрасный, чудесный»; для сыновей же имена со значением 强壮 «сильный; крепкий», 勇猛 «смелый; дерзкий; бесстрашный», 有为 «активный; способный». Так как в китайском языке морфемы, как правило, односложны, и могут свободно сочетаться друг с другом, их часто соединяют в одно имя, имеющее благоприятное значение: 万里 («десять тысяч ли»), 康庄 («процветание, благополучие» + «поля, посевы; поместье; деревня»), 天翼 («небо» + «крылья») и т.п.

В системе имен в Китае существовало интересное явление – давать ребенку неблагозвучное имя, вызывающее у людей отрицательные эмоции. Это делалось для того, чтобы, по поверью, ребенка не унесли злые духи. Такое явление получило название 贱名易养 «уничужительного имени». Такого рода наименования появились, по крайней мере, уже в эпоху Хань. Так, детским именем писателя Сыма Сянжу было «Собачий сын». В наше время подобное явление распространено еще шире в сельской местности, где встречаются такие имена как 狗儿 «Щенок», 狗蛋 «Сукин сын», 狗屎 «Собачье дерьмо», 黑蛋 «Сволочь, мерзавец», 秃子 «Плешивый» и т.д. Такие имена часто можно встретить в литературных произведениях, необходимо понимать из контекста, что речь идет о людях, а не о животных.

Однако следует отметить, что в результате экономического развития, повышения уровня жизни, повсеместного распространения санитарии и гигиены число таких «молочных имен» в деревне постепенно уменьшается, а в городе они, фактически, перестали употребляться.

Развитие общества ведет к изменению общественной психологии, особенно в периоды социальных потрясений, в переломные исторические моменты. Это касается и системы антропонимов. В 1983 г. в журнале «Сатира и юмор» был опубликован список имен, появившихся в разные десятилетия после образования КНР:

До 1948г.: 贾德宝 孙发财 姚有禄 庞天佐
 1949-1950гг.: 郑解放 叶南下 秦建国 向天明
 1951-1953гг.: 司马图 郑援朝 朱抗美 靳停战
 1954-1957 гг.: 刘建设 申互助 童和平 叶志方
 1958-1959 гг.: 孟跃进 潘胜天 戴红花 王铁汉
 1960-1963 гг.: 伍坚强 冯抗洪 齐移山 赵向党
 1964-1965 гг.: 高学锋 钱志农 艾学雷 方家进
 1966-1967 гг.: 董文革 张要武 刘永红 邢卫兵
 1976-1983 гг.: 韩振华 李跃华 宋永富 赵文明 [4]

Нетрудно заметить, что имена в каждый из этих исторических периодов отличаются своими особенностями. До 1948г. Китай находился в периоде так называемого «старого общества», в то же время в стране царил беспорядок, не прекращались войны, жизнь народа была невыносимой, поэтому люди надеялись на 平安 мир и спокойствие, 德宝 (омоним 得宝), 发财 достижение богатства, 天佐 (老天保佑) покровительство Неба, избежание невзгод военного лихолетья, спасение жизни.

1949-1950гг. были временем освобождения, образования нового китайского государства, отсюда и появление таких имен как «Освобождение», «Создание государства».

В период 1951-1953гг. Китай оказывал поддержку Северной Корее в борьбе с США, возникли такие имена как «Поддержка Кореи», «Сопrotивление Америке», а также «Прекращение войны», в которых отразилось отношение народа к этой войне и их надежды на мир.

1954-1957гг. были начальным периодом строительства социализма, в китайской деревне появились бригады взаимопомощи, кооперативы, что также оказало влияние на личные имена китайцев.

1958-1959гг. были временем печально известного «Большого скачка», когда перед народом была поставлена задача во что бы то ни стало за несколько лет построить коммунизм. На производстве возникли различные виды соревнований между трудовыми коллективами и работниками, типа «сравнивать, учиться, нагонять, помогать, превосходить», это тоже отразилось на именах.

В 1960-1963гг. в Китае в течение трех лет происходили природные бедствия, значительное снижение производства зерна, в некоторых районах урожай полностью погиб, в 1963г. в Северном Китае случилось огромное наводнение. В это время появились имена со значением бесстрашия, негибаемого духа китайского народа.

1964-1965гг. – время, когда прославился Лэй Фэн, национальный герой. Во всей стране возникло движение «учиться у Лэй Фэна», он стал героем в глазах людей, у него было множество поклонников, на имена это оказало свое влияние.

1966-1976гг. – период «Культурной революции», разгула хунвэйбинов, лозунгов типа «нам не по душе наряды и украшения, мы предпочитаем оружие». Все эти высказывания и лозунги, наводнив всю страну, не могли не коснуться и имен.

1976-1983гг. – время окончания «десятилетия великих потрясений», Китай вновь встал на путь нормального развития. В этот период основной задачей было развитие экономики, улучшение жизни стало насущным желанием широких народных масс, все это прослеживается в именах людей.

В современном Китае также существуют определенные табу, пусть и не такие строгие как в прошлом. В повседневной жизни табуированию подлежат имена родителей и старших. Например, как дома, так и в общественных местах дети не называют имен своих родителей и представителей старшего поколения, ученики не называют имени учителя, нижестоящие – имени своего начальника и т.д. В противном случае могут подумать, что человек невоспитан, не знает правила поведения в обществе. Такое проявление вежливости в современном обществе имеет глубокие исторические корни.

Влияние имени на судьбу человека осознавалось во все времена. Выбор имени не потерял до сих пор своего магического оттенка. История имен, фамилий, прозвищ людей, кличек животных, географических названий пронизана глубоким смыслом именованья как сакрального действия [1, с. 62]. Но время шло и изменения в системе китайских имен стали отражать изменения в идеологии и психологии китайского народа. В современном Китае провозглашено равенство мужчин и женщин, поддерживаемое китайским правительством. Это привело к существенному изменению семейного и социального статуса женщины. Из служанки мужчины, которой она исторически была на протяжении веков, женщина превратилась в независимого, самостоятельного человека, твердо стоящего на ногах. Раньше ребенок мог носить только фамилию отца, теперь же дети часто имеют фамилии и отца, и матери. Например, фамилия отца Кун, фамилия матери Лю, ребенок носит двойную фамилию Кун Лю. Некоторые семьи идут еще дальше и просто дают ребенку фамилию матери. Хотя это еще не стало массовым явлением, все же такая ситуация отражает коренные изменения в психологии китайцев в области антропоники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007.
2. Чжан Чань. Соотношение понятий табу и эвфемизм на материале русского и китайского языков / Чжан Чань // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2012. – № 6. – С. 83-87.
3. 汉语委婉语词典/张拱贵主编. –北京: 北京语言文化大学出版社, 1996. –346页。Словарь эвфемизмов китайского языка /под ред. Чжан Гунгуя. –Пекин: Изд-во: Пекинского университета языка и культуры, 1996. – 987页。
4. 讽刺与幽默»报. Сатира и юмор. Режим доступа: <http://opinion.people.com>

Материал поступил в редакцию 27.12.16.

FUNCTIONING OF THE PERSONAL NAME SYSTEM IN ANCIENT CHINA

V.A. Lenintseva¹, M.V. Tokhta-Khodzhaeva²

¹ Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of the Chinese language,

² Senior Teacher of the Department of the Chinese language
Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Russia

Abstract. In this article the taboo phenomenon is considered, which means a prohibition on commission of certain actions. For this purpose, there is consistently presented taboo enforcement of names and surnames and its prohibition features, which arose in public life. The analysis of taboo rules during different eras and ways of expansion of taboo enforcement spheres is carried out. It is proved in the article, that for a long time people have believed in sacral, supernatural purpose of the word, possibility to influence on surrounding reality through the language. That's why it is with confidence approved, that taboo is not only ethnographic concept, but it can extend to the language facts.

Keywords: taboo, linguoculturological and linguocommunicative features, personal names, prohibition, name influence on person's fate.

UDC 81

THE ROLE OF READING STRATEGIES IN TEACHING ENGLISH

Z.A. Pulatova, Teacher
Urgench State University, Uzbekistan

Abstract. *The article deals with the issue of working out useful and effective ways and some methods of teaching and developing students' reading skills in English foreign language classes.*

Keywords: *reading, strategy, skills, learning, effective, useful, developing.*

Language instructors are often frustrated by the fact that students do not automatically transfer the strategies they use when reading in their native language to reading in a language they are learning. Instead, they seem to think reading means starting at the beginning and going word by word, stopping to look up every unknown vocabulary item, until they reach the end. When they do this, students are relying exclusively on their linguistic knowledge, a bottom-up strategy. One of the most important functions of the language instructor, then, is to help students move past this idea and use top-down strategies as they do in their native language¹.

It is absolutely provable by the fact that effective language instructors show students how they can adjust their reading behaviour to deal with a variety of situations, types of input, and reading purposes. They help students develop a set of reading strategies and match appropriate strategies to each reading situation.

Strategies that can help students read more quickly and effectively include:

Previewing: reviewing titles, section headings, and photo captions to get a sense of the structure and content of a reading selection.

Predicting: using knowledge of the subject matter to make predictions about content and vocabulary and check comprehension; using knowledge of the text type and purpose to make predictions about discourse structure; using knowledge about the author to make predictions about writing style, vocabulary, and content.

Skimming and scanning: using a quick survey of the text to get the main idea, identify text structure, confirm or question predictions.

Guessing from context: using prior knowledge of the subject and the ideas in the text as clues to the meanings of unknown words, instead of stopping to look them up.

Paraphrasing: stopping at the end of a section to check comprehension by restating the information and ideas in the text.

Language teachers can help students learn when and how to use reading strategies in several ways:

By modelling the strategies aloud, talking through the processes of previewing, predicting, skimming and scanning, and paraphrasing. This shows students how the strategies work and how much they can know about a text before they begin to read word by word.

By allowing time in class for group and individual previewing and predicting activities as preparation for in-class or out-of-class reading. Allocating class time to these activities indicates their importance and value.

By using cloze (fill in the blank) exercises to review vocabulary items. This helps students learn to guess meaning from context.

By encouraging students to talk about what strategies they think will help them approach a reading assignment, and then talking after reading about what strategies they actually used. This helps students develop flexibility in their choice of strategies.

Here, we can affirm that when language learners use reading strategies, they find that they can control the reading experience, and they gain confidence in their ability to read the language.

Furthermore, teachers need to free themselves from methodological dogmatism and cultural stereotypes and look for alternatives that blend the best practices from their own culture and the culture that their students are bringing with them into the classroom. Apart from the above-mentioned concepts, some bridging strategies are suggested here basing on Chinese experience, which we are going to consider:

1. To alleviate the tension for the students, instructors should help them recognize the merit inherent in the communicative approach, be aware of the need to shift gradually from their previous learning models to communicative methods, thus adapting step by step to the Irish school culture. In the meantime, teachers should make explicit the usefulness of this adaptation.

2. Teachers need to adapt classroom materials to make them user-friendly for students and to help them to express themselves freely without feeling embarrassed when they make mistakes. Another suggestion is to use class materials that are not purely culture-based, such as television advertisements or soap operas, or Western pop idols.

3. Teachers often use video and film to enrich learners' target cultural knowledge. One of the advantages of using videos / films as a teaching tool is that they may function as a springboard, leading to a variety of meaning-focused

speaking and writing activities in class. As such, video or film would lend itself well to the meaning focused communicative approach and hence stimulate learners' enthusiasm for the communicative approach. In this process, teachers need to provide learners with proper scaffolding in order that learners will understand the content and be prepared for follow-up activities. For instance, Zhou and Miao (1996 cited in Song, 1998, p. 143) suggest three-stage activities for a video/film lesson. They are:

Pre-watching stage: to arouse learners' interest, activate their schemata and provide a purpose for watching. At this stage, classroom activities focus on prediction of content, vocabulary, introduction of background information, asking questions.

While-watching stage: activities focus on true or false questions, sequencing of events, which should be simple and easy so as not to interfere with the watching process.

Post-watching stage: to reflect an integrated approach to develop four target language skills through meaning-focused tasks, such as group or pair discussion based on the given questions, role play, writing of summary, reinventing the ending, or asking students to add an ending to the story being watched, reading reviews or other related literature.

4. Good rapport also needs to be built between teachers and learners. In China, a good relationship between teachers and students is very important to keep harmony and show respect for teachers from students—a sort of “family relationship” that places emphasis on respect, harmony, and caring. If teachers are concerned about nothing but teaching English in the classroom, students might feel disappointed when they face this style of relationship.

Here we can summarize in the relevance to reading that it is important as basically you really need it for everything in any sphere of your life. It is necessary as if you are going shopping, in a restaurant, obviously in education, while you are reading the newspaper, or reading a book or in everyday life, you will need this.

Note

¹ URL : <http://learning.blogs.nytimes.com/2009/11/09/skimming-and-scanning-using-the-times-to-develop-reading-skills/>.

REFERENCES

1. Approaches and Methods in Language Teaching. – URL : www.teachingenglish.org.us/think/methodology/lesson-planning.
2. Hu Qian. How I Teach Large Classes / Hu Qian // The English Forum. – The USA : Longman, 2006. – P. 12–20.
3. Rodgers, T. S. Getting a Student to Talk. The English Forum / T. S. Rodgers. – Washington DC : The US Government Printing Office, 2003. – P. 12–19.
4. Rogova, G. V. Methods of teaching English / G. V. Rogova. – Л. : Просвещение, 1975. – 306 p.
5. Teaching reading in English. – URL : <http://www.critical-reading.com/>.2009.

Материал поступил в редакцию 01.12.16.

РОЛЬ СТРАТЕГИЙ ЧТЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

З.А. Пулатова, преподаватель

Ургенчский государственный университет, Узбекистан

Аннотация. В статье рассматривается вопрос разработки полезных и эффективных путей и некоторые методы обучения и развития навыков чтения студентов на уроках английского языка на иностранном языке.

Ключевые слова: чтение, стратегия, изучение, эффективный, полезный, развивающий.

УДК 80

ПЕРЕВОД ЧЕРЕЗ ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК: НУЖЕН ИЛИ НЕТ?

Г.А. Рахимова, свободный исследователь кафедры французской филологии
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Ташкент), Узбекистан

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы художественного перевода через язык-посредник, в частности перевод повести Гектора Мало «Без семьи» с русского на узбекский язык, являющиеся автором многих книг, предназначенных как для старших, так и для детей и юношества. Повесть «Без семьи» переведена на многие языки мира, где-то перевод осуществлен прямо с оригинала, а где-то через вторые языки, т.е. через языки-посредники. К таким переводам и относится узбекский ее перевод, сделанный Сурайё Сайдалиевой в 1965 году с русского варианта повести, выпущенного Казахским государственным издательством в 1960 году. Если не обратить внимания на некоторые просчеты, узбекский перевод повести почти полностью соответствует ее русскому тексту. Однако при сопоставлении двух переводов с оригиналом выяснились некоторые интересные моменты.

Ключевые слова: повесть, перевод, язык-посредник, текст, абзац, предложение, семья, скитание.

До независимости Республики Узбекистан узбекский читатель в основном знакомился с шедеврами мировой литературы посредством русских переводов, а произведения иностранной литературы переводились на узбекский язык через язык-посредник, каковым был русский. Мы знаем великолепные переводы через русский язык на узбекский таких произведений, как «Гамлет» Шекспира, осуществленного Чулпаном еще 30-е годы прошлого века, «Илиада» Гомера (переводчик К. Мирмухамедов), «Король забавляется» В. Гюго (Э. Вахидов), «Божественная комедия» Данте (А. Арипов), «Милый друг» Мопассана (И. Гафуров) и многих других.

В данной статье речь пойдет о переводе повести «Без семьи» известного французского писателя Гектора Мало (Hector Malot, 1830-1907) на русский и узбекский языки. Г. Мало является автором многих книг, предназначенных как для старших, так и для детей и юношества. Повесть «Без семьи», опубликованная во Франции в 1878 году, принесла писателю большую популярность и признание.

Повесть «Без семьи» переведена на многие языки мира, где-то перевод осуществлен прямо с оригинала, а где-то через вторые языки, т.е. через языки-посредники. К таким переводам и относится узбекский ее перевод, сделанный Сурайё Сайдалиевой в 1965 году с русского варианта повести, выпущенного Казахским государственным издательством в 1960 году. Если не обратить внимания на некоторые просчеты, узбекский перевод повести почти полностью соответствует ее русскому тексту. Однако при сопоставлении двух переводов с оригиналом выяснились некоторые интересные моменты.

Человек, сопоставивший узбекский перевод с оригиналом повести, будет намного удивлен «мастерством» переводчика. Однако из-за того, что на узбекский язык она была переведена с ее русского варианта, правильнее будет анализировать русские и узбекские тексты. К сожалению, в русском варианте повести переводчик не указан, а есть лишь автор предисловия, Ю. Кондратьева. И в русском, и в узбекском варианте перевода многие художественные особенности произведения не переданы. Тут не надо винить узбекского переводчика, так как узбекский вариант повести был осуществлен с его русского текста. Русский переводчик не сумел найти необходимый тон изложения. Чувствуется отсутствие необходимой подготовки к переводу, верного толкования текста, героев, обстановки, быта, одежды. Все это привело к тому, что основные моменты рассказа смазаны, а порой и просто не поняты переводчиком и искажены. Здесь присутствует упрощение художественной значимости, художественных достоинств оригинала. Может быть, это происходило из недостаточности его опыта и мастерства или это сделано из идеологических соображений эпохи. Ведь когда-то В. Жирмунский писал, что «Переводная литература решает задачи той литературы, на язык которой она переводится» [1]. Об этом говорится и в предисловии Ю. Кондратьевой, названном «Гектор Мало и его повесть «Без семьи»:

«Внимательно следя за судьбой Реми, мысленно путешествуя вместе с ним по стране, читатель многое узнает о жизни французского народа, о нравах и обычаях того времени. Крестьяне, шахтеры, бродячие актеры, мошенники и честные люди, богатые и бедные – все эти персонажи, составляющие пестрый фон, одновременно имеют большой самостоятельный интерес. «Без семьи» дает разнообразный материал, рисующий тяжелую жизнь народа в капиталистической стране. Именно эта сторона книги будет несомненно поучительна для советских ребят» [5 – выделено нами – Г.Р.].

Из-за того, что перевод назначен для советских ребят, переводчик от души постарался переводить повесть слишком понятным языком. Перевод сильно искажает оригинал. Часто встречаются оставленные без перевода места (пропуски), невнимание к национальным приметам. Так, ни в русском и ни в узбекском варианте повести нет посвящения Люси Мало, дочери писателя. В нем говорится о том, что в процессе работы над книгой автор все время думал о ней:

«Работая над этой книгой, я постоянно думал о тебе, мое дитя и в каждую секунду твое имя звучало в моих устах – Поймет ли Люси это? – Заинтересует ли это Люси? Все время Люси, Люси. Твое имя, повторенное

все время, должно быть написано во главе этих страниц – я не знаю, какая судьба их ждет, но что бы ни было, они мне дадут ту радость, которая превзойдет все мои успехи – удовольствие о том, что ты будешь их читать и радость, что их я посвящаю тебе» [2, 6].

Переводчик вносит в текст некоторые фразы от себя. Так, в первой главе книги, названной «В деревне» (Au village) во французском оригинале нет предложения, существующего в русском и узбекском вариантах: «Если гроза заставляла меня в то время, когда я пас нашу корову на пустырях, она выбегала ко мне навстречу и, стараясь укрыть от дождя, набрасывала мне на голову и плечи свою шерстяную юбку» [3].

Французское предложение «Quand j'avais une querelle avec un de mes camarades, elle me faisait conter mes chagrins, et presque toujours elle trouvait de bonnes paroles pour me consoler ou me donner raison» переведено на русский язык как «Я рассказывал ей о своих огорчениях, о ссорах с товарищами, и немногими ласковыми словами она всегда умела успокоить и образумить меня» [8], и на узбекский как «Мен унга уз кайгуларим, уртоқларим билан жанжаллашганим тугрисида гапириб берардим, у эса бир-икки огиз ширин гап билан мени тинчлантирар, насихат киларди» [4].

Французский оригинал предложения должен был переведен на русский как «Когда я ссорился с кем-нибудь из моих товарищей, она спрашивала меня о моих обидах и почти всегда находила ласковые слова, чтобы меня успокоить и дать советы». Здесь не Реми жалуется матери, а она спрашивает о его проблемах. Это имеет большое значение при переводе, так как искажает характер героя у читателей, как русского, так и узбекского вариантов.

Следующее французское предложение «Par tout cela et par bien d'autres choses encore, par la façon dont elle me parlait, par la façon dont elle me regardait, par ses caresses, par la douceur qu'elle mettait dans ses gronderies, je croyais qu'elle était ma mère» также неправильно переведено на русский язык и отсюда на узбекский. В переводах оно сокращено и звучит так: «Ее постоянные заботы, внимание и доброта, даже ее воркотня, в которую она вкладывала столько нежности, – все заставляло меня считать ее своей матерью» [2, 6]. Тут упущено «Par tout cela et par bien d'autres choses encore, par la façon dont elle me parlait, par la façon dont elle me regardait, par ses caresses», а вместе него добавлено «Ее постоянные заботы, внимание и доброта» [3] на русском, и «Доимий гамхурлиги, эътибори, сахийлиги» на узбекском [4].

Переводчик сокращает сложные абзацы, имевшиеся во французском оригинале, либо из-за некомпетентности, либо ради того, чтобы маленькому читателю было понятно. Реми рассказывает о том, как он узнал, что является приемным сыном, и о деревне, где они живут. О деревне в оригинале говорится:

«Mon village, ou, pour parler plus justement, le village où j'ai été élevé, car je n'ai pas eu de village à moi, pas de lieu de naissance, pas plus que je n'ai eu de père et de mère, le village enfin où j'ai passé mon enfance se nomme Chavanon; c'est l'un des plus pauvres du centre de la France.

Cette pauvreté, il la doit non à l'apathie ou à la paresse de ses habitants, mais à sa situation même dans une contrée peut fertile. Le sol n'a pas de profondeur, et pour produire de bonnes récoltes il lui faudrait des engrais ou des amendements qui manquent dans le pays. Aussi ne rencontre-t-on (ou au moins ne rencontrait-on à l'époque dont je parle) que peu de champs cultivés» [2, 6].

Выше приведенные два абзаца французского текста сведены к двум предложениям и в русском и узбекском вариантах повести. Они выглядят так, в русском варианте: «Деревушка Шаванон, где я вырос и провел свое раннее детство, – одна из самых бедных деревень центральной Франции... Почва здесь крайне неплодородна и требует постоянного удобрения» [3], в узбекском тексте: «Мен катта булган, ёшлигим утган Шаванон кишлоги марказий Франциядаги энг кашшок кишлоклардан бири... Бу ернинг тупроги жуда унумсиз, доимо угитлаб туриш керак эди» [4].

Между двумя этими предложениями в обоих вариантах перевода включены нижеследующие, отсутствующие в оригинале тексты: «Поэтому обработанных и засеянных полей в этих краях чрезвычайно мало, и повсюду тянутся огромные пустыри. За пустырями начинаются степи, где обычно дуют холодные резкие ветры, мешающие росту деревьев; оттого деревья встречаются тут редко, и то какие-то малорослые, чахлые, искалеченные. Настоящие, большие деревья – красивые, пышные каштаны и могучие дубы – растут только в долинах по берегам рек» [3, 4].

Следующее французское предложение: «C'est dans un repli de terrain, sur les bords d'un ruisseau qui va perdre ses eaux rapides dans un des affluents de la Loire, que se dresse la maison où j'ai passé mes premières années» [2, 6] переведено на русский как: «В одной из таких долин, возле быстрого полноводного ручья, стоял домик, где я провел первые годы своего детства» [8], а на узбекский как: «Шундай водийлардан бирида, тез оқар анхор якинида бир уй бор, менинг болалик йилларим ана шу уйда утган» [4]. Здесь у нас есть замечания как по русскому переводу, так и по узбекскому. Во-первых, русский переводчик кроме того, что опустил французское «un ruisseau qui va perdre ses eaux... dans un des affluents de la Loire – на берегу ручья, которая впадает в один из притоков Луары», перевел «dans un repli de terrain – неровная местность» как «в одной из таких долин» и «un ruisseau – ручей» как «полноводный ручей». А его узбекская коллега превратила «полноводный ручей» в «тез оқар анхор – быстротекущий канал».

Реми жил в этом домике. Французский текст выглядит так: «Jusqu'à huit ans je ne jamais vu d'homme dans cette maison, cependant ma mère n'était pas veuve, mais son mari, qui était un tailleur de pierre, comme un grand nombre d'autres ouvriers de la contrée, travaillait à Paris...» переведено на русский и, в последствии на узбекский, также с сокращением и искажением. Вот как оно выглядит в переводах.

В русском: «Мы жили в нем только вдвоем с матерью; муж ее был каменщиком и, как большинство крестьян этой местности, жил и работал в Париже» [3], а в узбекском: «Бу уйда атиги икки киши: ойм билан мен яшардик; унинг эри тош терувчи эди ва шу атрофдаги дехконларнинг купчилиги сингари Парижда ишлар, уша ерда яшарди» [5, выделено нами – Г.Р.].

В переводах опущена часть предложения: «Jusqu'à huit ans je ne jamais vu d'homme dans cette maison, cependant ma mère n'était pas veuve», которую на русский язык можно перевести как «До восьми лет в этом доме я не видел ни одного мужчину, однако, моя мать не была вдовой». Вместо него вставлено придуманное русским переводчиком предложение «Мы жили в нем только вдвоем с матерью». А муж матери не был крестьянином, а каменщиком «и, как большинство местных, работал в Париже». В обоих переводах «рабочий-каменщик» превращается в «крестьянина», и строит дома в Париже!?

В предисловии говорится, что «... книга будет несомненно поучительна для советских ребят». Каждый переводчик по-своему интерпретирует, комментирует подлинник. «Глубокое восприятие переводимого произведения обусловлено осведомленностью переводчика обо всех фактах, от знания которых зависит правильное понимание оригинала» [4]. Такой перевод и несет в себе определенную познавательную ценность. Еще К. Чуковский говорил о преимущественно познавательном отношении к литературам всех стран и народов и сравнивал хорошего переводчика с талантливым актером. Но «познание бывает не только научным, доставляющим информацию, но и эстетическим, а если противопоставить эти две формы познания друг другу, то читатель перевода явно проиграет, получив информацию, но не эстетическое удовлетворение» [1]. Поэтому, когда мы говорим о познавательной функции перевода, речь идет не о справочнике жизни «иных народов и эпох», а о произведениях высокой художественности в сочетании с высокой смысловой точностью.

После сопоставления переводов лишь первой главы на русский и узбекский языки произведения «Без семьи» возникает вопрос: нужен ли вообще перевод через язык-посредник? Ответ однозначен. В идеале диалог литератур должен вестись без посредников, как любая беседа, когда можно взглянуть друг другу в глаза. Ныне Узбекистан располагает кадрами переводчиков, владеющих многими мировыми языками. Качественно и количественно увеличиваются прямые переводы со многих развитых языков. Однако не может быть приостановлена и работа по переводу через язык-посредник, особенно через русский, так как с самыми лучшими произведениями литератур многих народов мира узбекский читатель знакомится в первую очередь через их перевод с русского варианта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимирова, Н.В. Развитие узбекской прозы XX века и вопросы художественного перевода / Н.В. Владимирова. – Т.: Фан, 2011. – С. 10–163–265.
2. Гачечиладзе, Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Г. Гачечиладзе. – М.: Советский писатель, 1980.
3. Мало, Гектор. Без семьи [Электронный ресурс] / Гектор Мало. – Режим доступа: Lib.ru.html – С. 2–10.
4. Мало, Гектор. Сайёк труппа («Бродячая труппа») / Гектор Мало. – Т.: Издательство «Ёш гвардия», 1965 г. / Перевод с русского Сурайё Сайдалиевой с издания Казахского государственного издательства 1960 года. – С. 9–10–288.
5. Malot, Hector. Sans famille [Ressource électronique] / Hector Malot. – Québec : BeQ. La Bibliothèque électronique du Québec, Collection *À tous les vents*. Volume 9 : version 1.2 Edition de référence Le Livre de Poche. – p. 5–9.
6. Malot, Hector. Sans famille [Ressource électronique] / Hector Malot. – Livre électronique. Edition du groupe «Ebooks libres et gratuits», 1878. – p. 7–11.

Материал поступил в редакцию 11.01.17.

INTERMEDIARY LANGUAGE FOR TRANSLATION: PRO AND CONTRA

G.A. Rakhimova, Free Researcher of Department of the French Philology
National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent), Uzbekistan

Abstract. *This article deals with the issues of literary translation by means of the intermediate language in particular the translation of “Sans famille” from Russian into Uzbek. “Sans famille” is the story written by Hector Malot, who is the author of many books intended both for seniors, and for children and youth. This story is translated into many languages, some of the translations are made directly of the original text and others made by means of the intermediate language. Translation by Surayo Saydaliyeva of this work in 1965 from the Russian version issued by Kazakh State Edition in 1960 also belongs to such translations. Despite the certain errors, the Uzbek translation of the story shows the best correlation with the Russian translation. However, the comparison of the original text and two translations gives some interesting moments.*

Keywords: *story, translation, intermediate language, text, paragraph, sentence, family, evagation.*

UDC 81

ORGANIZING COOPERATIVE CLASSROOM MANAGEMENT IN FOREIGN CLASSES

U.S. Rakhimova, Teacher, Interfaculty Department of Foreign Language, Philology Faculty
Urgench State University, Uzbekistan

Abstract. *This article outlines a few techniques I used to organize my large classrooms and allow the learners to move fluidly from whole-class discussions to individual and group work without the customary time constraints and chaos that occur when these instructional factors are not planned out in advance.*

Keywords: *group work, cards, classroom management, “healthy noise”.*

There are many reasons for students to work in small groups in any class, but when the focus is on teaching them a language, the need to do so multiplies. During my time as a teacher and teacher trainer, I have heard many reasons why teachers do not want to use group work, and it seems to boil down to a feeling of being unable to control the class. Fortunately, my first few years of teaching were in a program where small-group and whole-class interactions were expected. Small classes gave students many opportunities to practice the target language and receive feedback from their peers and instructions. Years of experience in such program left me very confident in my teaching skills.

However, when I decided to teach at TTI, during my first day as a trainer of high school English teachers my eyes were opened to the complications of large-classroom managements. When I told my colleagues that I would be using communicative language teaching and lots of collaborative group work, many of them declared that the approach would not work. As I struggled through my first week, I started to doubt myself. I was beset by the pitfalls of using group work in a large classroom: I could not be in all the places at the same time, so I could not hear what all the teams were discussing; I could not control what language they were using; I could not tell if one student had been doing all the talking or if everyone had the opportunity to participate; and most importantly – the noise! Though it was “healthy noise”, as we like to say in the language classroom, it was loud, and as group members tried to hear one another over the voices of the other groups, the volume periodically increased to a deafening level. I had arrived with so much confidence and was still sure that I could train these teachers to be excellent language teachers, but something had to change. So I stepped back and thought about everything I had learned in my many years of teaching and teacher training, and I mentally slapped myself for not doing the thing that I had been telling teachers of large classrooms to do for years: give the students some responsibility for their own learning. As I tried to decide how best to handle the larger number of students, I thought carefully about what I was teaching them. I wanted to not only train them to be good teachers, but I also wanted them to participate in a classroom environment that they could use as a model for their own classrooms. I was sure that they could learn effectively in a large classroom, but it was going to take much more organization than I was used to providing.

For several reasons, researchers and practitioners conclude the ideal size for a group is four students (Richards and Bohlke 2011; Kagan and Kagan 2009). One is that if you want the students to do pair work, they are already seated next to or across from a partner; another reason is that with groups larger than four, it becomes harder for all students to hear and at the same time it becomes easier for a student to pull back from the group and let the others do most of the discussing. One reason I like groups of four is that if one student is absent, I still have a “group” rather than a pair. In a previous class, I had one or two students who were frequently absent because of the other responsibilities, so I made sure to put them in groups with four members so that their absence had less impact on the remaining students. Most of the time, I like to create well-mixed groups. To do this, I place students with the same field of study, hometown, gender, likes / dislikes, etc. into different groups. One way to find out this information is to collect it from the students on the first day of class. Some instructors have information sheets that they have fill out; however, I prefer to have students complete individual cards so I can re-arrange groups by placing the cards on my desk and dealing them out like a deck of cards. Here is the information that I like to have on the cards:

- Name and preferred name
- Study buddy
- Hometown
- Field of study
- E-mail / phone
- Interests
- Goals

The information collected on the cards is vital to forming heterogeneous groups and also helps teacher make connections among students. I like students to have the opportunity to work with different classmates throughout the term, which makes it necessary to track who has worked together before. To do this, I mark the cards so that I know who was in the previous group; this information allows me to quickly arrange students into new groups. For example, I put an “A” at the top of four cards for the first group, a “B” at the top of the four cards for the second group, and so on.

When I want to switch groups later, I can see which students have worked together previously.

Some instructors advocate assigning a specific person to be the spokesperson for a group; however, I feel it is more helpful to rotate speakers to ensure that all students are participating and contributing to the class. One way to organize this is known as “Numbered Heads Together” (Kagan and Kagan 2009). I prefer color instead of numbers because I think that psychologically, having a number “1” student in each group may identify that student as somehow superior, even though for these purposes it is just a number. To organize the colors, which match the rainbow, one student in each group is RED, another is ORANGE, another is YELLOW, and the fourth is GREEN. Then I say them to sit the same colors together. The use of colors work well with students who are reluctant to volunteer to speak and need encouragement. Although I like to start with colors, we would all get bored if we used them throughout the entire term. Therefore, when I switch the teams, I usually also switch the titles of the roles. We have the four directions (North, South, East and West) and the four seasons, but it is most interesting when I let the students decide. My students this semester have chosen such things as musical instruments and countries. The more I let them have fun with the roles, the more creative they become.

Starting with tasks that are easy to do helps students learn to enjoy and look forward to group work, especially if they are given time to get to know their group members well. I like to keep students together for extended periods of time and change groups at natural breaks, such as at the end of a unit. Students get to know one another better and are able to work together more easily if they have several opportunities to discuss the course topics both in and outside the course topics both in and outside class. One criticism I often hear from teachers is that their class is too large for group work. My response is that the larger the class is, the more important it is to use group work, especially in language classes. One of my main objectives is for students to practice English during class time. They will rarely have this opportunity if the class is mostly teacher-centered. By organizing my classes – no matter what the age or objectives – using the techniques discussed in this article, I can effectively work with my students and they can learn from one another easily.

REFERENCES

1. Abram, S. The learning pyramid. – URL : <http://stephenslighthouse.com/2010/02/26/>. – 2010.
2. Booth, C. Deconstructing the learning pyramid / C. Booth. – Berkeley : University of California? 2009. – URL : www.slideshare.net/charbooth/deconstructing-the-learning-pyramid-1425460.
3. Kagan, S. Kagan cooperative learning / S. Kagan, M. Kagan. – San Clemente, CA : Kagan, 2009.
4. Richards, J. C. Creating effective language lessons / J. C. Richards, D. Bohlke. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011.

Материал поступил в редакцию 02.12.16.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

У.С. Рахимова, преподаватель, межфакультетская кафедра иностранных языков, факультет филологии
Ургенчский государственный университет, Узбекистан

***Аннотация.** В данной статье рассматривается несколько методов, которые мы использовали, чтобы организовать наши большие классы, и которые позволяют учащимся двигаться по текучей среде от целого класса дискуссий к индивидуальной и групповой работе без обычных ограничений по времени и хаоса, которые происходят, когда эти инструктивные факторы не планируются заранее.*

***Ключевые слова:** групповая работа, карточки, классное руководство, «здоровый шум».*

UDC 801.82

DIGITAL PROCESSING OF THE OLDEST ROMANIAN BIBLE (BUCHAREST, 1688)

M. Ungureanu¹, A.-M. Gînsac²^{1,2}Scientific Researcher, PhD, Department of Interdisciplinary Research – Humanities and Social Sciences, “Alexandru Ioan Cuza” University of Iași, Romania

Abstract. *The first complete version of the Bible in Romanian, printed in Bucharest in 1688, has recently come out in a modern philological edition, result of the most important project of Romanian philology over the last decades. Published in 25 volumes, the edition is accompanied by an electronic version, in which the text of each biblical book is morphologically and semantically annotated. The article presents the stages and results of text processing by means of computational linguistics.*

Keywords: *Bible, Romanian, 17th century, digital processing, electronic edition.*

1. Introduction

1.1. The first complete version of the Romanian Bible came out in Bucharest in 1688 (BIBL.1688). It appeared rather late, considering the fact that the oldest printed Romanian book kept to date is attributed to mid 16th century (*Evangeliarul de la Sibiu/ The Book of Gospels*, 1551-1553) and that translations of other similar works into Romanian were also circulating during the first half of the same century¹. A single initiative to translate the biblical text is attributed to the period before 1688, which materialised into the translation of the *Pentateuch*, of which only the *Genesis* and the *Exodus* were printed (PALIA 1580-1581).

If the Bible was translated into Romanian relatively late, this is not the case for the liturgical books. As early as the first half of the 16th century, there was an intense translation and printing activity into Romanian of Orthodox or Protestant liturgical books (lectionaries of the New Testament, psalteries, catechisms, the gospels, the molitvenik, and homilies²). The biblical text was not used entirely in the church during the religious ceremony, nor did it present any interest for personal reading (like the psalteries, the apostles or the gospels); moreover, the literate people, few in number, were familiarized with the Slavonic, the language used in administration in Moldavia and Wallachia, and in church throughout the Romanian territory. The use of the Slavonic in church was, however, intensely promoted by the Orthodox Church, while the translation of liturgical books into the language of the people was received with reluctance. In this respect, Patriarch Dositheos of Jerusalem suggested, in 1672, that the religious service not be held in vernacular³ [5, p. 55].

It should be also mentioned that the text of the New Testament was translated before that of the Old Testament. This could be explained by the fact that the texts of the New Testament are used more widely in the divine service, through the lectionaries that contain them (gospels, apostles), while pericopes from the Old Testament are read only during the vespers of important holidays throughout the year (especially from certain biblical books: the prophetic books, the *Genesis* and the *Proverbs*)⁴. In Romanian, the oldest complete version was published in Alba Iulia, in 1648, and it was initiated by the Metropolitan Simion Ștefan. The revised text of this version was included in BIBL.1688.

The first complete translation of the Old Testament was carried out by Nicolae Spătarul Milescu (1636-1708), a Romanian polyglot scholar, with a very rich and varied scholarly activity. His translation, revised by another Moldavian scholar, presumably Metropolitan Dosoftei of Moldavia (1624-1693) [12, p. 456], is preserved in manuscript (*ms. 45*) at the Romanian Academy Library – Cluj-Napoca Branch. After a new and substantial revision, this manuscript version was included in the first printed Romanian Bible (Bucharest, 1688) [6, p. 284-285], with no reference to the first translator, probably on political grounds [1]. This translation, as mentioned in the preface of *ms. 45* (attributed to the reviewer), used as source-text a version of the *Septuagint* published in Frankfurt in 1597 (SEPT.1597), to which other unmentioned Latin and Slavonic sources are added. Additionally, the same preface attributed to the reviewer points to the source he himself used (another version of the *Septuagint*, published in London in 1653).

A second translation of the Old Testament dates back also to the second half of the 17th century. It is the work of an anonymous scholar, carried out using the Bible printed in Ostrog in 1681 (OSTROG), the *Vulgata* published in Antwerp in 1565 (or maybe a later edition) [1, p. 26] as well as the Milescu's translation, in its unrevised version (see *supra*). The text of the translation carried out by Daniil Panoneanul is preserved in the Romanian manuscript no. 4389 (*ms. 4389*) at the Romanian Academy Library in Bucharest. This translation was attributed to the period 1665-1672 [3, p. 131]⁵.

Therefore, from the second half of the 17th century there are three complete versions of the Old Testament: the translation from *ms. 45*, the one from *ms. 4389* and the one published in BIBL.1688. The links between BIBL.1688 and *ms. 45* are well known; the ones between *ms. 4389* and *ms. 45*, as well as the presumed links between *ms. 4389* and BIBL.1688 still require clarifications⁶.

1.2. A special feature of the Romanian culture consists in the fact that it was written, down in its old period, almost exclusively with the help of the graphic system provided by the Cyrillic alphabet. Writings in the Latin alphabet

are very few in number before early 19th century (the replacement of the Cyrillic alphabet with the Latin one was decided upon, at government level, in 1860). Therefore, one of the main concerns of Romanian philologists consisted in ensuring access to the written culture of the old period. The modern editions of the Romanian texts in the old period are aimed especially at copying the Romanian Cyrillic texts into the Latin alphabet⁷.

The most important of the philological Romanian editions over the last decades is that of the 1688 Bible. Edited along with other versions of the biblical text from 17th century (for the Old Testament, the two manuscript translations mentioned above, and for the New Testament, the version printed in Alba Iulia in 1648), this philological edition was published in 24 volumes, between 1988 and 2015, at the Publishing House of the “Alexandru Ioan Cuza” University of Iași, in the series “Monumenta linguae Dacoromanorum” (MLD). The texts as such, reproduced in interpretative transcription, on parallel columns, aligned with the verse, are accompanied by a contemporary translation of the *Septuagint*. The Edition also contains: (a) philological notes, which record erroneous or uncertain writing, unusual graphic forms and marginal notes in the manuscripts; (b) a section of complex philological commentaries to the edited texts; (c) an index of words and forms. To these sections is added, for the first eight volumes, a section dedicated to the comparative study of the linguistic phenomena characterising the three texts, meant to provide an insight into the development of the literary Romanian reflected in each of them [2].

The 1688 Bible from the MLD series is important not only because it facilitates simultaneous access to three large and highly important texts for the old period of the Romanian culture and language, but also because it provides an index of words and forms created with the text digital processing means provided by computational linguistics – a premiere for the Romanian philology.

2. Index of words and forms. Digital processing

The *Index of words and forms* of each volume in the MLD series comprises all the common names in a biblical book, their form, their attestation in Romanian, as well as their contextual equivalents in German and French. Its creation required competency both in the field of linguistics and in the field of informatics. The working method was based on the lemmatisation and the morphological annotation of all words in their context, obtaining thus an *annotated electronic corpus*. This operation was carried out starting with the 7th volume⁸ of the MLD series. The index of common nouns was gathered only for the text of the 1688 Bible and it was carried out in three stages, described below.

2.1. The stage of automatic pre-processing of the text

The *blind corpus* is lemmatised (see *Fig. 1*), i.e. each word (column *Cuvant [Word]*) is attached a tag with a lemma (column *Lema [Lemma]*), represented by the basic form of the word [10, p. 51-60]. The automatic analysis is carried out taking into account the previously established lemma, which means that if the lemma is established erroneously, the recognition of the part of speech will most likely be wrong. There are resources for conducting this operation for modern Romanian, but, given the specificity of the old Romanian language, errors inevitably occur. Therefore, the correction of these errors in an online interface (allowing validation from several linguists), which also takes into account the contexts, is even more important, since the annotation system is based on automatic learning. This means that the frequent errors were corrected and eliminated from one volume to another [7, p. 137].

2.2. Text correction in an online interface

The text thus processed is morphologically and syntactically annotated by linguists. This operation is done taking into account the context of each word. *Fig. 1* represents a sequence from the online interface of *MLD. Pars XIV (Daniel)*, in which a biblical verse (*Daniel 6:1*) displayed in the horizontal line is analysed word by word, contextually. The numeric index placed in front of each word is important for marking the connections between instruments (column *Instr.*) and regents, for instance: the auxiliary *au* [“have”] (line 7) is connected to the form *pus* [“put”] of the verb *a pune* [“to put”] (line 8), in order to mark the Romanian equivalent of the English Past Tense Simple form *au pus* [“have put”]⁹; the definite article *lui* (4) is connected to the proper noun *Dărie* (5), to mark the genitive form of the name; the grammatical instrument *să* (13) is linked to the form *fie* [“be”] (14) of the verb *a fi* [“to be”], to mark the subjunctive form *să fie* [“be”], etc. The voice was also marked for each verb (column *Diateza [Voice]*). In *Fig. 1*, the already existing corrections are marked by a red tag. Moreover, the program allowed marking the glosses (column *Glosa [Gloss]*) for all the words depending on each individual context.

Cuvant	Lema	Glosa	Analiza	Diateza	Legat de	Instr.	N.P.
1 Și	și		conjunctie coord.				
2 plăcu	plăcea		verb indicativ perfect simplu 3 sg.	Activa			
3 înaintea	înainte		prep.				
4 lui	lui		pron. pers. 3 masc. sg. gen./dat. acc.		5. Dării		
5 Dării	Darius		subst. propriu masc. sg. gen./dat. art.		(4)		
6 și	și		conjunctie coord.				
7 au	avea		verb aux. 3 sg.		8. pus		
8 pus	pune		verb indicativ perfect compus 3 sg.	Activa	(7)		
9 preste	peste		prep.	Activa			
10 împărăție	împărăție	„Reich“ : „royaume“	subst. comun fem. sg. nom./ac. neart.	Pasiva			
11 domni	domn		subst. comun masc. pl. nom./ac. neart.	Reflexiva			
12 ca	ca		conjunctie subord.				
13 să	să		conjunctie subord.		14. fie		
14 fie	fi		verb conjunctiv prezent 3 sg.	Activa	(13)		
15 ei	ei, ea		pron. pers. 3 masc. pl. nom./ac. acc.				
16 întru	întru		prep.				

Fig. 1.

The proper names are marked on the column N.P. (proper noun) and hence, eliminated from the common nouns index. These could be extracted separately, in an index of proper nouns, useful in the analysis of the proper names occurring in the analysed texts. Such an index has not been created within the volumes of the MLD series.

2.3. Generating the Word format of the index and establishing its final form

Generating the Word format of the index resulted in a working form in which every word (lemma) corresponds to all the forms in the text, the first attestation in Romanian, the equivalents (in German and French), as well as the number of occurrences, as it can be seen below in the two extracts from *MLD. Pars XXI (I-III Machabaeorum)*. A final revision was required for validating the online annotation.

VICLENÍ [“to plot, to betray”] [(a) LEMMA] : (early 16th PS. H.) [(b) ATTESTATION] : v. IV [(c) GRAMMATICAL INFORMATION] : “verraten, hintergehen, überlisten” : “trahir, tromper” [(d) EQUIVALENTS IN FRENCH AND GERMAN] : (6x) [NO. OF OCCURENCES]

au viclenit verb indicative, present perfect 3 pl. [3] 7, 10;
au viclenit verb indicative, present perfect 3 sg. [2] 5, 11;
s-au ficlenit verb indicative, present perfect 3 pl. [1] 11, 43;
să să fie ficlenit verb, past conditional 3 sg. [2] 13, 23;
să va vicleni verb indicative, future, 3 sg. [1] 13, 16;
să viclenise verb indicative, past perfect, 3 pl. [1] 11, 14.

MEȘTEȘUG [“1. tool; 2. craft”] : (1559-1560 BRATU) : s. n. : “1. Maschine, Werkzeug, 2. Weisheit” : “1. machine, ustensile, 2. habileté” : (12x)

meșterșug common noun, neutral, sg. Nom./ Acc., no art. [2] 14, 29;
meșterșuguri common noun, neutral, pl. Nom./ Acc., no art. [1] 5, 30; 6, 20; 6, 31; 6, 37; 6, 51;
meșteșuguri common noun, neutral, pl. Nom./ Acc., no art. [1] 9, 64; 13, 43; 13, 44;
meșterșugurile common noun, neutral, pl. Nom./ Acc., art. [1] 6, 52; 9, 67;
un meșterșug common noun, neutral, sg. Nom./ Acc., art. [2] 13, 5.

(a) LEMMA. According to the norms of the *Romanian Academy Dictionary (DLR)*, the lemma comprises all the graphic and phonetic versions of the lexeme, as indicated by the two examples above taken from *MLD. Pars XXI (I-III Machabaeorum)*: VICLENÍ – ficleni, MEȘTEȘUG – meșterșug.

(b) ATTESTATION. Each word from BIBL.1688 is accompanied by its first attestation in Romanian. The solutions provided by the main academic Romanian dictionaries (e.g. DLR, RDW) were used with some modifications. To this purpose, the sources indicated by the dictionaries were directly consulted, and the bibliography of the index was updated with recent editions of the old texts.

As regards the text of the Old Testament, the oldest attestations indicated by the academic Romanian dictionaries are from BIBL.1688. The editing of the two manuscript versions of the Old Testament, *ms. 45* and *ms. 4389*, prior to the 1688 Bible, led to the modification of the first attestation of some words, attestation established in 1688 or even after that date. For instance, the verb *a piștî*, meaning ‘to flow, to gush’, attributed in DLR to BIBL.1688, appears earlier, in *ms. 45* (311²): “și piștiia sîngele de la rană în sînul carului”¹⁰ (3 Kings 22:35). The common noun *străjniță*, meaning ‘watchtower’, attributed in DLR to BIBL.1688, also occurs in *ms. 45* (303¹): “și zidi cu iale împăratul Asá tot muntele Veniamin și strajniță”¹¹ (3 Kings 15:22). First registered in Romanian in 1834 (DLR), the noun *suferire*, meaning ‘affliction, agony’,

is recorded much earlier, in *ms. 45* (778¹): “Cu sudalmă și cu certare să cercăm pre el, pentru ca să cunoaștem împlindzirea lui și să judecăm suferirea răului”¹² (*Wisdom of Salomon* 2:19). For other few examples, see [7, p. 138].

(c) GRAMMATICAL INFORMATION always indicates the part of speech represented by the word in the lemma.

(d) GLOSSES. Each word in the index was provided equivalents in German and French, depending on their meaning and context of occurrence. Therefore, we resorted to translations of the *Septuagint* in other modern languages, e.g.: (1) *La Bible d’Alexandrie*, traduction et annotation des livres de la *Septante* sous la direction de Marguerite Harl *et al.*, Les Éditions du Cerf, Paris, 1986-; (2) *Septuaginta Deutsch*, Das griechische Alte Testament in deutscher Übersetzung, in Zusammenarbeit mit Eberhard Bons *et al.*, Deutsche Bibelgesellschaft, zweite, verbesserte Auflage, Stuttgart, 2010; (3) *A New English Translation of the Septuagint*, Albert Pietersma, Benjamin G. Wright (ed.), Hardback, New York, 2007.

The glosses record all the meanings of each word from the text. They are distinguished between by means of numbering, e.g.: MEȘTEȘUG [“tool; craft”]: (1559-1560 BRATU) : s. n. [noun, neutral gender]: “1. Maschine, Werkzeug, 2. Weisheit”: “1. machine, ustensile, 2. habileté”; LUNĂ [“moon; month”]: (1467 DERS / in *Luna*): s. f. [noun, feminine]: “1. Mond, 2. Monat”: “1. lune, 2. mois”. In some cases, the equivalence was made by means of brief definitions, e.g.: ÎMPĂRĂȚI [“to proclaim king”]: “zum König machen”: “proclamer qqn. empereur”; ÎMBOGĂȚI [“to enrich”]: “reich machen”: “enrichir”.

Fig. 2.

3. Index post-processing stage

This stage involves linking the electronic index to the text. As it can be noticed *supra*, in Fig. 2, which represents a sequence from the index comprised in *MLD.Pars XX (Sapientia, Ecclesiasticus, Susanna, De Belo sive Dracone Babylónico)*, this allows accessing the information in several ways: (a) alphabetic search, based on the alphabetic index (first column); (b) search by chapter and verse (fourth column); (c) viewing occurrences in their context, as follows: selecting a certain occurrence (e.g. *să lipêste* – verb, indicative, present 3 sg. [2] 19, 2) from the second column, the third column is positioned against the verse containing it, and the mere positioning of the pointer on the word displays information concerning the lemma and its grammatical analysis.

4. Conclusions

The amplest project of Romanian philology over the last decades – the editing of the *Bible of 1688*, at the same time with two other complete versions of the Old Testament, dating back to the 17th century, respectively the New Testament printed in Alba Iulia in 1648 – constitutes a novelty by the fact that it relies on methods belonging to the field of computational linguistics in order to provide a complete index of words and forms. On the one hand, this is a very important resource for the Romanian lexicography and for the study of the history of the Romanian language. On the other hand, the program used for generating the index, grounded in constant automatic learning, can be used for the morphological annotation of other corpora of old Romanian language texts, with increasing accuracy.

Notes

¹ The oldest Romanian translations kept to this date, all manuscripts, are the so-called “rhotacist texts”, a group formed of three psalms and one codex containing the *Acts* and a few epistles of the *Apostles*. Of them, three were attributed to the second half of the 16th century, while researchers talk about one translation dating back before 1550; anyway, the well established fact that they are copies of an older translation shows that the translation activity should be placed on the Romanian territory in the first half of the 16th century, or even the second half of the 15th.

² Regarding the confessional, political and cultural context governing the transposition of liturgical books into Romanian, see [9, p. 15-24].

³ Consequently, some of the liturgical books printed at the time were published only with indications in Romanian, the texts of the sermons as such being preserved in Slavonic (see, for instance, the *Triodion* of 1697).

⁴ This fact also accounts for the low interest in the lectionary of the Old Testament (prophetologium), which circulated only as manuscript, not only in the Romanian space, but also in the Byzantine and Slavonic one, and disappeared in the 17th century.

⁵ The whole discussion referring to the dates of the first Romanian translations of the Old Testament is resumed by A. Andriescu [1].

⁶ Some specialists argue that the version from *ms. 4389* was also used in the elaboration of the version published in BIBL.1688 [4, p. 61-68].

⁷ Most specialists opt out, in this respect, for the method of interpretative transcription, which suggests the rendition of a pronunciation as close as possible to the original one, as it is reflected graphically. An older method was the transliteration, according to which, each symbol in the Cyrillic alphabet univocally corresponded to a symbol in the Latin alphabet, providing a highly accurate transcription. Considering the fact that the two types of alphabet do not coincide (the Cyrillic alphabet has more symbols than the Latin one, and some of them have several values; conversely, there are also different Cyrillic letters used with the same phonetic value), modern Romanian philology gave up this method.

⁸ The parsing and annotation programme was created for *Pars VII. Regum I, Regum II* (coord. Gabriela Haja), in collaboration with the Institute for Artificial Intelligence of the Romanian Academy [8, p. 5].

⁹ The Romanian ‘perfect compus’ tense, equivalent to the English Present Perfect.

¹⁰ “and he shed blood from the wound into the hollow of the chariot”.

¹¹ “and with the King Asa built all the hill of Benjamin and the watchtower”.

¹² “Let us afflict him with insult and torture, that we may learn how reasonable he is and may put his forbearance to the test”.

Acronyms

BIBL.1688 – *Biblia adecă Dumnezeiasca Scriptură a Vechiului și Noului Testament*, tipărită întâia oară la 1688, în timpul lui Șerban Vodă Cantacuzino, Domnul Țării Românești (...). București, 1688.

BRATU – *Codicele popii Bratul (1559-1560)*, grafie și fonetică, morfologia, vocabularul, textul facsimilat, indice de cuvinte și forme românești de C. Dimitriu. Iași: Casa Editorială “Demiurg”, 2006.

DERS – *Dicționarul elementelor românești din documentele slavo-române: 1374-1600*, redactor responsabil Gh. Bolocan. București: Editura Academiei, 1981.

DLR – *Dicționarul limbii române* (Romanian Academy Dictionary), vols. I-XIX (edition comprising the old and the new series). București: Editura Academiei Române, 2010.

MLD – (1) P. Miron, A. Andriescu, V. Arvinte, I. Caproșu (coord.), *Monumenta linguae Dacoromanorum. Biblia 1688 [Pars I. Genesis, 1988; Pars II. Exodus, 1991; Pars III. Leviticus, 1993; Pars IV. Numeri, 1994; Pars V. Deuteronomium, 1997; Pars VI. Iosue, Iudicum, Ruth, 2004]*. Iași: Editura Universității “Alexandru Ioan Cuza”, 1988-2004;

(2) G. Haja (coord.), *Monumenta linguae Dacoromanorum. Biblia 1688. Pars VII. Regum I, Regum II*. Iași: Editura Universității “Alexandru Ioan Cuza”, 2008;

(3) E. Munteanu (coord.), *Monumenta linguae Dacoromanorum. Biblia 1688 [Pars VIII. Regum III, Regum IV, 2012; Pars IX. Paralipomenon I, Paralipomenon II, 2011; Pars X.1. Esdrae I, Nehemiae (Esdrae II), Esther, 2015; Pars XII. Proverbia, Ecclesiastes, Canticum Canticorum, 2015; Pars XIV. Ieremias. Lamentationes Ieremiae, 2014; Pars XIII. Isaias, 2015; Pars XV. Ezechiel, 2015; Pars XVII. Osee, Ioel, Amos, Abdias, Ionas, Michaelas, 2015; Pars XIX. Libri apocryphi: [Psalmus 151], Tobias, Iudith, Baruch, Epistola Ieremiae, Laudes Trium Iuvenum, Esdrae III, 2015; Pars XX. Sapientia. Sirach. Susanna. De Belo sive Dracone Babylonico, 2014; Pars XXI. Machabaeorum I, Machabaeorum II, Machabaeorum III, 2015; Pars XXII. Iosephus ad Machabaeos, 2012; Pars XXIII. Novum Testamentum I: Evangelia, 2015; Pars XXIV. Novum Testamentum II: Actus Apostolorum, Pauli Epistolae, Catholicae Epistolae, Iudae Apocalypsis Ioannis, 2015]*. Iași: Editura Universității “Alexandru Ioan Cuza”, 2009-2015. – URL: http://consilr.info.uaic.ro/~mld/monumenta/stadiul_actual.html.

ms. 4389 – Romanian Academy Library, Bucharest, Romanian manuscript no. 4389. It contains the translation of the Old Testament made from Slavonic and Latin sources in the second half of the 17th century.

ms. 45 – Romanian Academy Library, Cluj-Napoca Branch, Romanian manuscript no. 45. It contains the translation of the Old Testament following the *Septuagint* in the second half of the 17th century.

OSTROG – *Библія сиречь книги Ветхаго и Новаго Завета по языкоу словенскоу* (...). Ostrog, 1581.

PALIA 1580-1581 – *Palia de la Orăștie (1581-1582)*, text, facsimile, indice, ediție îngrijită de Viorica Pamfil. București: Editura Academiei Române, 1966.

PS. H. – *Psaltirea Hurmuzachi* [înc. sec. XVI], vol. I-II, studiu filologic, studiu lingvistic și ediție de Ion Gheție și Mirela Teodorescu, indice de cuvinte de Rovena Șenchi. București: Editura Academiei Române, București, 2005.

RDW – H. Tiktin, *Rumänisch-deutsches Wörterbuch*, überarbeitete und ergänzte Auflage von Paul Miron und Elsa Lüder, vol. I-III. Wiesbaden/ Cluj-Napoca: Clusium, 2000-2005.

SEPT.1597 – *Τῆς Θείας Γραφῆς, Παλαιάς Δηλαδῆ καὶ Νέας Διαθήκης ἀπάντα. Divinae Scripturae nempe Veteris ac Novi Testamenti*, omnia, recens a viro doctissimo et linguarum peritissimo diligenter recognita, et multis in locis emendata, variisq; lectionibus ex diversorum Exemplarium collatione decerptis, et ad Hebraicam veritatem in Veteri Testamento revocatis aucta et illustrata, Frankofurti, apud Andreae Wecheli heredes, Claudium Marnium et Ioan. Aubrium, MDXCVII.

REFERENCES

1. Andriescu, A. *Locul Bibliiei de la București în istoria culturii, literaturii și limbii române literare* / A. Andriescu. – În *MLD. Pars I. Genesis*. – Iași: Editura Universității “Alexandru Ioan Cuza”, 1988. – p. 7-45.
2. Arvinte, V. *Studiu lingvistic asupra primei cărți (Facerea) din Biblia de la București (1688) în comparație cu ms. 45 și ms. 4389*, în *MLD. Pars I. Genesis* / V. Arvinte. – Iași: Editura Universității “Alexandru Ioan Cuza” din Iași, 1988. – p. 47-119.
3. Căndea, V. *Traducerea integrală a Vechiului Testament*, în *Rațiunea dominantă* / V. Căndea. – Cluj-Napoca: Editura Dacia, 1979. – p. 106-171.
4. Dima, E. *Vechiul Testament nella versione di Daniil Panoneanu e la Biblia de la 1688* / E. Dima // “Text și discurs religios”. – 2013. – Vol. V. – p. 61-68.

5. Gheție, I. *Originile scrisului în limba română* / I. Gheție, M. Alexandru. – București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1985.
6. Gheție, I. (coord.). *Istoria limbii române literare. Epoca veche (1532-1780)* / I. Gheție (coord.). – București: Editura Academiei Române, 1997.
7. Gînsac, A.-M. *Les premières traductions roumaines de la Septante (XVIIe siècle). Le projet «Monumenta linguae Dacoromanorum. Biblia 1688»* / A.-M. Gînsac, M. Ungureanu // “Journal of Septuagint and Cognate Studies (JSCS)”. – 2015. – Vol. 48. – p. 129-145.
8. Haja, G. *Monumenta linguae Dacoromanorum. The 1688 Bible Project* / G. Haja, M. Eugen // “Clarín Newsletter”. – 2008. – No. 8 (December). – p. 4-5.
9. Munteanu, E. *A Brief History of the Romanian Biblical Tradition* / E. Munteanu, // “Biblicum Jassyense. Romanian Journal for Biblical Philology and Hermeneutics”. – 2012. – Vol. III. – p. 15-53.
10. Patraș, V.S. *Resurse lingvistice în format electronic. “Biblia 1688. Regi I, Regi II”. Probleme, soluții* / V.S. Patraș, G. Pavel, G. Haja. – In Ionuț Cristian Pistol, Dan Cristea, Dan Tufiș (eds.), *Resurse lingvistice și instrumente pentru prelucrarea limbii române*. – Iași: Editura Universității “Alexandru Ioan Cuza”, 2008. – p. 51-60.
11. Ursu, N.A. *Activitatea literară necunoscută a lui Daniil Andrean Panoneanu, traducătorul Îndreptării legii (Tîrgoviște, 1652)* / N.A. Ursu. – In *Contribuții la Istoria culturii românești în secolul al XVII-lea. Studii filologice*. – Iași: Editura Cronica, 2003. – p. 7-133.
12. Ursu, N.A. *Noi informații privitoare la manuscrisul autograf și la textul revizuit al Vechiului Testament tradus de Nicolae Milescu (I)* / N.A. Ursu // “Limba română”. – 1988. – T. XXXVII. – No. 5. – p. 455-468.

Материал поступил в редакцию 09.01.17.

ЭЛЕКТРОННАЯ ОБРАБОТКА СТАРЕЙШЕЙ РУМЫНСКОЙ БИБЛИИ (БУХАРЕСТ, 1688)

М. Унгуряну¹, А.-М. Гынсак²

^{1,2} научный сотрудник, PhD

Отдел Междисциплинарных Исследований – Социально-гуманитарное направление
Университет им. Александру Иоана Кузы (Яссы), Румыния

Аннотация. Первая полная электронная версия Библии на румынском языке, напечатанная в Бухаресте в 1688 году, недавно вышла в современном филологическом издании, которое является результатом самого важного проекта в области румынской филологии за последние десятилетия. 25-томное издание сопровождается электронной версией, в которой тексту каждой библейской книги сопутствуют комментарии, касающиеся его морфологии и, частично, семантики. Данная статья представляет этапы и результаты обработки вышеупомянутого текста с использованием приёмов компьютерной лингвистики.

Ключевые слова: Библия, румынский язык, XVII век, электронная обработка, электронное издание.

Literary Studies
Литературоведение

УДК 82

НАКАЗАНИЕ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ПОВЕСТИ С. КИНГА «1922»

Н.А. Литвиненко, доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежных литератур
Московский государственный областной педагогический университет, Россия

***Аннотация.** В статье анализируются особенности поэтики повести С. Кинга «1922», связи автора с литературными традициями в разработке центральных мотивов и проблематики произведения. Показано, как писатель, рисуя метаморфозы зла, смешивает «реальность» и фантастику, формируя дискурс саморазоблачения и осуждения героя.*

***Ключевые слова:** литература ужаса, детектив, преступление, наказание, мораль, беллетристика, фантастика, реальность.*

Повесть (long story) «1922» была опубликована в 2010 году и вошла в один из последних сборников малой прозы С. Кинга, автора «Оно» (1982), «Темной башни» (1982 – 1986), «Страны радости» (1913), «Лавки дурных снов» (2015) – создателя различных модификаций литературы horror.

Писатель обращается к традициям классического сюжета и почти «реалистического» письма. История строится как окрашенный исповедальностью рассказ повествователя – главного героя, сопровождается эпилогом, из которого читатель узнает об обстоятельствах его смерти... Временной охват событий – восемь лет. Атмосфера, окружающая героя, быт и обстоятельства его жизни описаны подробно, по видимости вполне обыденны и заурядны.

В центре произведения – тема преступления и наказания, имеющая в своем многовековом художественном пространстве бесчисленные пласты традиций. Это архетипическая модель сюжета, по-разному разрабатывавшаяся от Библии и мифов до современности, на разных этапах развития культуры менявшая этическую парадигму, лежащие в ее основе представления о добре и зле, о предательстве и долге, о жизни и смерти. Она обладает собственной генеалогией в литературе ужасов, детективном жанре, в психологическом романе.

Однако «1922», как очевидно, не детектив, разгадки тайны читатель не ждет, поскольку уже в первых строках преступник сам рассказывает о совершенном убийстве, и читатель наблюдает за тем, как он изобретательно и успешно сначала совершает, а потом скрывает свое преступление от полицейского и окружающих, какими последствиями оборачивается то, что он совершил.

Стремясь изобразить «обычных людей в необычных обстоятельствах» [6], писатель бытовизирует готические элементы сюжета – преступление совершается не в замке, не в загадочном и сверхъестественном пространстве, а на одной из множества ферм штата Небраски; вводит множество уточняющих примет, деталей, характеризующих эпоху и условия жизни героя. Возникает резкий стилистический диссонанс: страшное и ужасающее описано как обыденное, в контексте обыденного.

Уилфред Лиланд Джеймс – не закоренелый преступник, он не одержим криминальным инстинктом или патологическими фобиями. Первые строки произведения содержат точно обозначенный факт и датировку событий: «В июне 1922 года я убил свою жену». Это не развязка, а зачин изображаемой трагедии, содержащей не только признание героя. О судьбе четырнадцатилетнего сына, ставшего соучастником убийства, рассказчик «сожалеет (regret) даже больше, чем о самом преступлении» [7]. Здесь же, в первых строках произведения, повествователь объясняет самое главное – мотив преступления: «Поводом к убийству и осуждению на вечные муки моей души послужило сто акров хорошей земли в Хемингфорд-Хоуме, штат Небраска» [7]. Сюжет раскрывает логику и последовательность обозначенной повествователем трагической коллизии – преступления, в основе которого не метафизические, не интимно-психологические, а социально-психологические, вполне материальные причины. Писатель вынес в название романа дату 1922 год – это преддверие Великой депрессии, которая окончательно разорит героя.

Зло вырастает из неполноты добра. Социально-психологическая мотивировка преступления связана с положительными качествами героя – любовью к земле, к фермерскому труду. Это та почва, которая породила жизненную энергию Скарлет в «Унесенных ветром», разрыв с которой определил катастрофу семьи Джоудов в «Гроздьях гнева» Дж. Стейнбека. Это архетип животворящей силы, издревле присущей человеку как homo sapiens. Но в это чувство, в этот инстинкт угрожающе врывается буржуазный прогресс, порождая неразрешимый

конфликт в сознании героя: он не хочет покинуть родные места, продать злополучные акры и переехать в город по желанию жены, поскольку ненавидит компанию, которая, как он считает, превратит рядом протекающую реку в русло для сброса свиных отходов скотобойни. В конце повести рассказчик признает, что можно было избежать трагедии, но это произойдет слишком поздно. И эта ненависть, одержимость целью становится причиной продуманного и жестокого убийства женщины, с которой герой прожил много лет. Это решение предстает как данность, оно лишено какого-либо мистического смысла.

Современность – вторая половина XX в. сформировала постмодернистскую философию симулякров, разрушающую различие между реальным и воображаемым, породила стратегии утешения, «опровержения предшествующих ценностей и идеалов» [1]. Герой Кинга – в пограничной зоне, он не наделен нравственным императивом совести. Писатель воспроизводит вариант «хладнокровного убийства» (тема, которую читатель находит в романе Т. Капота «In Cold Blood» (1966). Однако за «ледяной поверхностью», характеризующей стилистику отдельных пластов повествования «1922», скрывается психологический подтекст, дистанция во времени – восемь лет, которые отделяют героя от совершенного им преступления, сознание неотвратно приближающейся развязки.

В то же время по контрасту повествование обнаруживает напряженный драматизм длящегося кошмара, в котором участвуют мертвая Арлетт и крысы, превращающие реальность существования героя в метафизический ужас, все глубже размывающий грань между «действительностью» и ирреальным пространством воображения и самоощущения героя.

Рассказчик представлен как «средний», «обыкновенный», относительно начитанный и думающий персонаж (упоминает Пандору, Эльпис, Ахелюю, Шерлока Холмса, «Дом о семи фронтонах» Готорна, героя «Собора Парижской богородицы» Гюго), он наделен здравым смыслом, не склонен к самообману. Недаром на завершающем этапе жизни – последние четыре года он работает библиотекарем, пусть и с поддельными рекомендациями. Благодаря выбору такого героя писатель формирует стилистику аналитического объективированного письма, которое адресовано не к эмоциям, а к сознанию читателя.

В традиции литературы *noir* тема преступления в произведении Кинга развернута в длинный каскад следующих друг за другом последствий. Подобно тому, как у Достоевского убийство старухи-процентщицы влечет за собой убийство беременной Лизаветы, у Кинга убийство Арлетт влечет за собой убийство беззащитного существа – коровы – части того самого мира, который так дорог герою, а затем смерть юных влюбленных – Гарри и Шеннон, уже не от руки героя, но по его вине.

В соответствии с присущим писателю интересом к страшному, к исследованию жестокости, которая заложена в человеческой природе и приобрела новые изощренные формы в литературе XX – XXI вв., вошла в качестве читательского запроса в массовое сознание, Кинг делает чудовищно безобразным и жестоким, вселяющим ужас самый процесс убийства. Подробное описание убийства жены и сокрытия в колодце ее останков, однако, не самоцель, а способ самоутверждения и косвенного саморазоблачения героя, но и средство «агрессивного» воздействия на воображение читателя.

Подобно Достоевскому, в соответствии с жанровым канонами детектива, Кинг не вызывает читательской симпатии к жертве, рассказчик акцентирует внимание на вульгарном, грубом, жестоком отношении Арлетт к сыну, на ее склонности к алкогольным излишествам. Но надо учесть, что портрет Арлетт, предвещающий сцену убийства, представлен ретроспективно, в восприятии и оценке, с комментариями убийцы, стремящегося оправдать себя.

Психологический мотив наказания разработан в нескольких направлениях. Прежде всего, он связан с восприятием окружающего мира героем, который постепенно становится чуждым и чужим всем, кто его окружает. Совершенное преступление погружает его в состояние реально-фантастических видений. В картинах длящегося ужаса появляются не безобидные существа, а одна из наиболее мерзких тварей – крысы, которые, как будто глумясь над убийцей, уродуют, поедают труп убитой жены. Особую роль в этой связи играют детали, которые выполняют роль лейтмотива, нагнетающего напряжение. Писатель щедро разнообразит поэтику «страшного» и отвратительного.

Тема вездесущности крыс по мере развития сюжета все более настойчиво заполняет сознание героя. Кинг использует прием двойного зрения, двойственной мотивировки – поскольку крысы – естественный спутник описываемых процессов, но в то же время – способ метафоризации текста, способ выхода за пределы реальности в пространство фантазийного дискурса. Писатель «играет» двойственностью этого мотива. Крысы объективированы как некая природная реальность, но в то же время они – субстанция фантазмагорического мира, материализуют не столько пространство совести, сколько распада сознания героя. В конце с ними связана двойственная развязка – то ли убийство то ли самоубийство героя¹.

Мотив крыс, их связи с природным миром и личностным сознанием связан с историческим опытом литературных традиций, отдаленно с поэтической и трагической иронией Гамельнского Крысолова, непосредственно – с Оруэлловской антиутопией «1984», где осмыслен как крайняя, чудовищная пытка, которая окончательно деформирует, разрушает личность героя.

Опирающаяся на разнообразные литературные традиции, поэтика страшного в произведении Кинга [5, с. 40-64], как и крысы, – не знак языческих культов, «призрачного ужаса», неизбывного, иррационального зла, скрывающегося под поверхностью современного цивилизованного мира, как в рассказе Лавкрафта «Крысы в стене» (1924).

Стилистика «hoggor», заданная автором в повести, по генезису скорее восходит к традициям романтика Э. По, чем Лавкрафта, хотя не только, – но и Достоевского, с его подпольным человеком. В произведении современного американского писателя этот принцип – раздвоения сознания связан с дистанцией, отделяющей событийное время от времени рассказа о произошедшем. «I believe that there is another man inside of every man, a stranger, a Conniving Man. And I believe that by March of 1922, when the Hemingford County skies were white and every field was a snow-scrimmed mudsuck, the Conniving Man inside Farmer Wilfred James had already passed judgement on my wife and decided her fate... I am not a monster. I tried to save her from the Conniving Man» [9]. Феномен «коварного человека» в описании преступления возникает неоднократно, Кинг вводит его монологи, таким образом диалогизирует, драматизирует внутренний мир героя, художественное пространство текста. На этой основе у читателя возникает аллюзия со «Странной историей мистера Джекиля и мистера Хайда» (1931), где двойничество строится на противопоставлении добра и зла. У Кинга мотив раздвоения – результат более поздней рефлексии, самооценки героя, и он связан по существу – с раздвоением зла.

Как и в других своих романах и рассказах, писатель воспроизводит, детализирует реальность, постоянно вторгаясь в «запредельную» зону зла, которое вырывается из глубин бессознательного и разрушает жизнь людей. Комментарии повествователя обладают отчетливым и нарастающим по мере развертывания событий оценочным подтекстом – вне морализации, вне дидактизма, но нравственно недвусмысленным, постепенно углубляя трагическое звучание темы.

Центральная коллизия матерееубийства, восходящая еще к мифам, «Орестее», сначала выполняет в повести как будто вспомогательную функцию – Генри помогает отцу в реализации задуманного плана. Подобно отцу, он тоже не хочет переезжать в город, но за этим нежеланием стоит не привязанность к ферме, а страх разлуки, первая нежная, трогательная любовь. Подростковая обида и грубо оскорбленное первое чувство – в словах, репликах, непристойных жестах пьяной Арлетт, как и любовь к отцу, создают ту совокупность импульсов и причин, которые делают его соучастником преступления.

Именно с загубленной судьбой сына связана тема второй части произведения – наказания: гибнет Генри, его избранница и их нерожденный ребенок, в завершение – сам рассказчик – Уилл. Он отслеживает, угадывает по газетным заметкам, свидетельствам полицейских и призрака Арлетт судьбу Генри и Шеннон – детей – подростков, с изображением которых связана тема влюбленных бандитов, бандитов поневоле – вариант истории Бонни и Клайда, но структурированный иначе – не гангстерским призванием персонажей, а стремлением не разлучаться, любить, выжить, уйти от преследования. Недаром в связи с этими персонажами эхом прозвучал мотив Ромео и Джульетты, только Ромео Кинга наделен опытом убийства, – что предопределило трагическую развязку.

Тема отцов и детей, ответственности за тех, кого ты «приручил», кого любишь и кто любит тебя, вырастая из атмосферы чудовищного, заполняющего пространство жизни героев, не разрабатывается масштабно, но отчетливо звучит в произведении Кинга.

«1922» входит в цикл «Тьма, – и больше ничего». В оригинале «Full dark, no stars». Русские переводчики сборника (2015) внесли в название открытую аллюзию на «Ворона» Э. По, знаменитый рефрен, завершающий одну из строф поэмы: «Darkness there and nothing more». У Кинга эта аллюзия скрыта, буквально в заглавии звучит: «Полная тьма, без звезд (нет звезд)». Названные, но отсутствующие звезды – знак их существования в пространстве смыслов. В основе сборника рассказов – другая тьма, в ней нет высокого и трагического духовного запроса, устремленности к абсолюту, которая есть у Э. По. В ней – опыт другого времени и другой эстетической парадигмы – трагедия беспросветного зла, порой овладевающего человеком. Но нравственная доминанта произведения Кинга включает и мотив денатурализации и разоблачения зла, и этот мотив не менее важен, он вносит слабый, но неугасимый мерцающий лучик света в изображаемую беспросветную тьму.

В предисловии к «Лавке дурных снов» («The Bazaar of Bad Dreams», 1915) Кинг писал об особенностях малой эпической формы, о «более сжатом, более насыщенном опыте», который запечатлен в его рассказах, – опыте «вдохновляющем и бодрящем, иногда – ошеломляющем» [2]. В повести «1922» писатель создает выверенную эпическую конструкцию, без побочных сюжетных линий, без избыточного дробления на эпизоды, концентрируя в сжатой форме проблематику, которая в романах и романых циклах писателя жанрово развертывается в большие самостоятельные или связанные между собой сюжетные и композиционные пласты. В малой прозе – в повести писатель варьирует, обновляет клишированные мотивы: ужаса, преступления, двойника, зла, которое при определенных условиях может пробудиться в человеке. Это опыт психологический, в изображении Кинга ошеломляюще «реальный».

В автобиографическом сочинении «Как писать книги» («On Writing», 2000) Кинг говорит о важности для него как писателя «найти внутреннюю правду жизни в сотканной паутине выдуманного рассказа» [4], в послесловии к сборнику «Full Dark, no Stars» он настаивает на том, что писатель не должен раболепствовать и заискивать перед Модой, – он «ищет правду только в своем сердце» [6]. Размышляя о значении чтения для выработки писательского мастерства, Кинг подчеркивает необходимость черпать у своих предшественников уроки стиля, изящества повествования, мастерства в развитии сюжета, создания правдоподобных персонажей и «умения говорить правду» [6], называя в этой связи разные имена, среди которых – Дж. Оруэлл, роман которого «1984» потряс тринадцатилетнего Кинга, Фрэнк Норрис, которого писатель называет своим кумиром.

Произведения Кинга принадлежат широкому контексту современности, вписываются в традиции,

связывающие писателя с романтизмом и реализмом, вбирают опыт более позднего времени – натурализма и постмодернизма; с другой стороны, – готического и детективного, фантастического повествования, современной массовой литературы, для которой характерно смешение и совмещение разнородных стилей и жанров.

В послесловии к сборнику «Тьма и больше ничего» Кинг, никогда не скрывавший своего стремления «развлекать» читателя, пишет о серьезных задачах, стоящих перед подобной литературой: «Беллетристика во все не легкая игра воображения и отнюдь не утратила злободневности. Она позволяет нам понять жизнь и тот зачастую ужасный мир, в котором мы живем. С ее помощью мы отвечаем на вопрос: «Почему подобное возможно?» Беллетристика помогает осознать, что причина для каких-то жутких событий порой действительно существует» [6]. Беллетристику, по мысли Кинга, должны отличать напористость и агрессивность (assaultive) [6]. Писатель сознательно использует соответствующие приемы

Обращаясь к «физиологии» ужасного, «безвыходным ужасам жизни» (выражение М. Волошина), писатель обнаруживает в нем насилие, которое «вплетено в натуру человека проклятой красной нитью», неизбывную силу зла, неотвратимо влекущего к катастрофе («Моральные принципы», 2009). Помещая своих героев в зыбкое пространство рушащихся ценностей и ориентиров, писатель пробуждает ностальгию по ним. Кинг признается, что он не из тех писателей, которые «стремятся заставить читателя думать». Рисуя «обычных людей в необычных ситуациях», он хочет вызвать у читателя эмоциональную реакцию, реакцию потрясения (in get in your face, in shouts in your face), однако, «если сюжет хорош, а герои узнаваемы, то на смену эмоциям обязательно придут мысли...» [6], – полагает писатель.

Произведения Кинга пробуждают рефлексии – размышления о природе человека, метаморфозах и границах добра и зла, о катастрофах, которыми оборачиваются уступки злу. Используя поэтику «ногго», писатель-беллетрист преподносит своим читателям урок «шокотерапии», основанный не на игре призрачных смыслов, а на парадоксальном и «фантастическом» познании «реальной» жизни, вызывая не катарсис, но отдаленное предостережение его. Своими произведениями писатель пробуждает трудный и мучительный импульс очищения от жестокости и зла.

Кинг открывает темные стороны души, познание которых углубляет понимание «царящей повсюду в мире жестокости» (Ж. Бодрийяр), трагичности человеческого бытия, – и рождает сознательную или бессознательную потребность – в новых смыслах, возможно, – звездах и свете.

Примечание

¹ Автор одного из читательских отзывов пишет об «обветшалости» (dilapidated) мотива крыс в литературе ужасов. См. о читательской интерпретации страшного в «1922». [8]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Тула, 2013. – 204 с.
2. Кинг, С. Лавка дурных снов / С. Кинг. – М., AST Publishers. 2016. http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18306768&lfrom=201227127
3. Кинг, С. Тьма, – и больше ничего / С. Кинг. – М.: АСТ – 478 с.
4. Кинг, С. Как писать книги / С. Кинг. – <http://dramafond.ru/wp-content/uploads/2014/11/Кинг.-Как-писать-книги.pdf>
5. Эрлихман, В. Стивен Кинг / В. Эрлихман. – М.: «Вече». – 2013. – С. 40-64. – 334 с.
6. King, St. Afterword / Full Dark, no Stars / St. King. – www.holder.co.uk
7. King, St. Full Dark, no Stars / St. King. – www.holder.co.uk
8. Wayne C. Rogers. An Extensive Examination of Stephen King's 'Full Dark, No Stars' / Wayne C. Rogers. – <https://horrornovelreviews.com/2013/01/31/an-extensive-examination-of-stephen-kings-full-dark-no-stars/#mh-comments>

Материал поступил в редакцию 06.12.16.

PUNISHMENT AND CRIME IN S. KING'S 1922

N.A. Litvinenko, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of World Literature History
Moscow Region State Pedagogical University, Russia

Abstract. *The article analyzes the features of the poetics S. King's story "1922", the author's connection with the literary traditions in the development of the central motives and problems of the work. It is shown as a writer, picturing the metamorphoses of evil, mixes the reality and fiction, creating a discourse of self-exposure and condemnation of the hero.*

Keywords: *horror, detective, crime, punishment, morality, fiction, fantasy, reality.*

УДК 1751

ХРОНОТОП АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ ТРИЛОГИИ Н. АБГАРЯН «МАНЮНЯ»)

Е.И. Цатурян, магистр

ФГБОУ ВО Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия

***Аннотация.** Писательская активность в последние десятилетия XX века свидетельствует о стремлении авторов найти новые литературные формы репрезентации культурно-исторического и личного опыта. Автобиографический роман становится одним из доминирующих жанров в общей жанровой системе. Он является объектом разносторонних авторских исследований, так как его гибкая и постоянно изменяющаяся структура позволяет отразить противоречия современной действительности, воплотить в себе богатство авторских художественных решений и представить личность автора.*

***Ключевые слова:** автобиография, роман, хронотоп, «Манюня».*

Проблемы жанровой природы автобиографической художественной прозы в современном литературоведении относятся к числу сложных, дискуссионных. Основные проблемы, которые находятся в центре внимания литературоведов, критиков, писателей, работающих в этом жанре, следующие: соотношение исторической правды и художественного вымысла, документальность автобиографических сведений, роль авторского начала в художественной интерпретации жизни и деятельности героя и другие. Эти проблемы обусловлены тем, что очень широки критерии жанра автобиографического романа, диапазон его понимания. Очевидно, объяснение этому нужно искать в синкретичности жанра, его постоянной эволюции, взаимодействии с другими литературными жанрами.

Проблема художественного пространства-времени оказалась одной из отличительных черт литературоведения XX в., что обусловлено как произошедшими в начале и первой половине столетия изменениями в общенаучной картине мира (новые представления о космосе и микрокосме, в частности, теория относительности, принцип дополнительности и т.п.), так и одновременным перемещением центра внимания наук об искусстве с исторического процесса на феномен произведения. На этом фоне комплекс идей Бахтина, сформировавшийся в 1920-е – 30-е гг., выделяется своей причастностью не только к этим переменам в науке (в его работах присутствуют ссылки на упомянутые концепции, а также на лекцию А.А. Ухтомского о хронотопе в биологии в 1925), но в меньшей степени и к религиозно-философской мысли эпохи. Отсюда в его концепции, во-первых, изначальная органическая связь категории хронотопа с взаимоотношениями автора-творца и героя, а вместе с тем – с понятием точки зрения («теория кругозора и окружения»); во-вторых, – выявление ценностной природы пространственно-временных образов в искусстве; в-третьих, анализ мира персонажей во взаимосвязи пространственных и временных его аспектов (подходы П.А. Флоренского [9, с. 230]), а не в их раздельности (как в исследованиях на аналогичные темы Д.С. Лихачева [4], Ю.М. Лотмана [5, с. 251-292], В.Н. Топорова [8, с. 227-284]). В результате формы художественного времени и пространства рассматриваются Бахтиным в тесной связи с проблемой жанра, в частности – со спецификой романа [7].

М.М. Бахтин выделяет три античных романских хронотопа [3]: «авантюрный роман испытания»; «авантюрно-бытовой роман»; «биографический роман».

Художественное время в тексте в целом обусловлено взаимодействием трех темпоральных «осей»: календарного времени, отображаемого преимущественно лексическими единицами с семей «время» и датами; событийного времени, организованного связью всех предикатов текста (прежде всего глагольных форм); перцептивного времени, выражающего позицию повествователя и персонажа (при этом используются разные лексико-грамматические средства и временные смещения). Слияние этих трех аспектов и обеспечивает «сопряжение» (термин Л. Толстого) пространственно-временных координат, достигающее в романе художественного совершенства.

В данной статье мы подробно рассмотрим хронотоп «автобиографического романа» на примере трилогии Н. Абгарян «Манюня».

Наринэ Юрьевна Абгарян родилась 14 января 1971 года, в городе Берд (город в Тавушской области Армении) – русская писательница армянского происхождения, блогер. Окончила Ереванский государственный лингвистический университет им. В.Я. Брюсова, с 1993 года живёт в Москве.

Стала известна после публикации автобиографической книги «Манюня» (2010). С этой книгой стала лауреатом Российской национальной литературной премии «Рукопись Года» в номинации «Язык». Вошла в длинный список номинантов на премию «Большая книга» 2011 года.

В 2011 году вышла вторая часть историй о Манюне: «Манюня пишет фантастический роман». В 2011 году вышел автобиографический роман (или, точнее, сборник коротких историй) «Понаехавшая», получивший гран-при премии «Рукопись года». В 2012 году вышла третья и заключительная часть о Манюне: «Манюня, юбилей Ба и прочие треволнения».

Повесть «Семён Андреич» вышла в свет в сентябре 2012 года. Летопись в каракулях». В апреле 2013 года Наринэ Абгарян получила премию «BABY-НОС» (Новая русская словесность). «Семён Андреич. Летопись в каракулях» был признан лучшей детской книгой последнего десятилетия.

Рассмотрим особенности хромотопа в трилогии Н.Абгарян «Манюня».

Конкретные исторические даты (Геноцид армян в Османской империи, 782 г. до Рождества Христова – основание Еревана), приуроченные к тому или иному событию, в романе даны всего дважды, и связаны с происхождением и историей маленького армянского города Берд. В контексте всего романа это несет важную смысловую нагрузку, поскольку позволяют понять значимость истории своего рода, знание корней в формировании и становлении главной героини романа Манюни, а также для читателя и автора – в понимании специфики национальной ментальности.

Пространство сужается до «дома» и «двора» – это приметы «малого» мира, в рамках которого разворачивается огромная жизнь.

В автобиографической прозе с её установкой и на «поиски утраченного времени, и на преодоление времени» [6, с. 344] темпоральная организация и перспектива выполняют две роли: смысловую и структурообразующую.

Все три части «Манюни» выстроены по законам мифологизации, того далёкого прошлого, которое мы помним и бережно храним в своей памяти. Автор рисует дом своего детства, призывая картинки из прошлого: индийское кино, манная каша, семейный альбом, папино ружьё, скрипка, амулет Ба.

Давнопрошедшее время детства существует только в творческом сознании автора, поэтому иногда оно способно видоизменяться; за воспоминаниями следуют другой временной срез, в котором уточняются конкретные факты: «Я помню, как однажды к нам в дверь позвонила цыганка. Она курила сигарету и поминутно громко смеялась хриплым смехом» [1, с. 65].

Подруга Наринэ жила в большом двухэтажном каменном доме с несколькими лоджиями. «Зачем им столько лоджий?» – лихорадочно соображала Наринэ, пока шла по двору, но спросить об этом постеснялась. Её внимание привлекло большое тутовое дерево, раскинувшееся в непосредственной близости от дома. Под деревом стояла длинная деревянная скамья.

Дом, достаточно большой снаружи, внутри оказался компактным и даже маленьким. Девочки шли по длинному, узкому коридору, который упирался в холл. Слева была деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Напротив стоял большой комод из черного дерева, увенчанный двумя латунными семисвечниками, на полу лежал ковер с тонким восточным рисунком, вся стена над комодом была увешана фотографиями в рамках» [1, с. 16].

Немалое значение для уточнения времени и пространства имеет реалистичность описания, например, «Ба варила абрикосовый джем. На абрикосовый джем Ба слетались все пчелы с окрестных пазух, бабочки кружили за окном, радуга раскидывалась над домом Ба и связывала противоположные концы горизонта разноцветной подарочной лентой.

Природа регулировала температуру так, чтобы было не очень жарко, но и не слишком прохладно, а чтобы самое оно – градуса двадцать два, и легкий ветер колыхал ажурные занавески и деликатно постукивал ставнями открытых окон. Ибо даже природа старалась угодить Ба, когда она варила абрикосовый джем» [1, с. 63].

Описываемое действие является не просто повторяющимся, а случающимся через определенные промежутки времени. Автор подчеркивает обыденность, повторяемость событий: для хозяек середина лета – жаркая пора. Черешня, абрикосы, малина, ежевика... Нужно непременно успеть сварить варенье и приготовить джем. Для каждой хозяйки нужно успеть закатать в банки лучик летнего солнца.

«Когда Ба приходила к нам в гости, она первым делом просила чаю. Мама вынимала сахарницу и торжественно водворяла ее на чайный столик» [1, с. 47].

«Каждое лето моя семья выезжала в горы, где на макушке поросшего лесом холма, в маленьком дачном поселке, у нас имелся свой домик» [1, с. 74].

«Дядя Сурен ежедневно гнал мимо нашего домика стадо по виду совершенно армянских, мосластых, тонконогих, широкозадых и, если вы позволите мне такое выражение, – носатых коров» [1, с. 75].

Такая конкретизация времени помогает писателю буквально по часам расписать спокойный, мирный быт этой семьи. С помощью такого точного, подробного описания Наринэ Абгарян добивается предельной ясности в обрисовке характеров хозяев и их жизни.

Воспоминания автора о семье Шац состоят не только из воспроизведения во многом обобщающих подробностей их жизни и быта. Они включают в себя также конкретные случаи, связанные с членами этой семьи.

Несомненно, это знакомство девочек, совместные выходы девочек, их совместная поездка в Ереван (на приём к врачу), поход в кино, поездка в Адлер.

В тексте романа встречаются речевые конструкции («я помню», «я вспоминаю», «так было»), являющиеся показателем автобиографического жанра и помогают воссоздать прошлое писателя.

«Помню, как в один такой день к нам из леса вышел большой бурый медведь. И, видимо, в тот самый миг ангел свел домиком над нами свои ладони, потому что медведь постоял какое-то время, понаблюдая за нами, окаменевшими от ужаса, затем повернулся и неспешным шагом ушел в лес» [1, с. 77].

«Помню, нам с Манюней было по десять лет, мы стояли на вершине, держались за руки, и было нам очень страшно. Я сделала шаг к краю, и Манюня тоже сделала шаг, и сердце мое подпрыгнуло высоко к горлу и заклокотало – заполоскалось – затрепетало пойманной птицей» [1, с. 73].

В дальнейшем мы рассматриваем события, напрямую связанные с жизненным путем главной героини. Биографическое время напрямую связано с событиями жизни Наринэ Абгарян в городе Берд.

Авторское вмешательство может носить характер сообщения об исторических фактах, вносимого для освещения и прояснения событий, о которых не может быть рассказано ребенком:

«Долгие столетия крепость стояла на неприступной со всех сторон скале. Но в XVIII веке случилось страшное землетрясение, скала дрогнула и распалась на две части. На одной сохранились остатки восточной стены и внутренних построек замка, а по ущелью, образовавшемуся внизу, побежала быстроногая речка. Старожилы рассказывали, что из-под крепости и до озера Севан проходил подземный туннель, по которому привозили оружие, когда крепость находилась в осаде. Поэтому она выдержала все набеги кочевников и, не случись того землетрясения, до сих пор высилась бы целая и невредимая» [1, с. 8].

«Это был 1979 год. На носу 34-я годовщина Победы. Намечалось очередное мероприятие в городском доме культуры с чествованием ветеранов войны» [1, с. 10].

В плане пространственных характеристик преобладающей является всеохватывающая точка зрения, дающая возможность всеобъемлющего описания определенной сцены, события.

По словам Н.А. Николиной, «текст автобиографического произведения и строится как объединение двух точек зрения – бывшего «я» и нынешнего «я», при этом расслоение повествователя на «я» бывшее и «я» нынешнее может специально подчеркиваться в тексте» [6, с. 420].

Ассоциативное сближение временных пластов призвано показать единство жизни с судьбы человека. То, что привито человеку в детстве, остаётся с ним на всю жизнь.

Во второй части трилогии о «Манюне» упоминаются конкретные исторические даты, приуроченные к тому или иному событию, и связаны с воспоминанием о геноциде армян в Османской империи (24 апреля 1915 год), ещё в романе упоминается дата смерти Леонида Ильича Брежнева (1982 год). В контексте всего романа это несет важную смысловую нагрузку, поскольку позволяет понять значимость истории своего народа, а также для читателя и автора – в понимании специфики национальной ментальности.

Отправкой точкой во второй части является 7 июля – у дяди Миши был день рождения. Ба была занята поиском подарка для любимого сына, а именно, она хотела купить сыну добротной сшитый классический костюм, «но в жестких условиях пятилетки человек предполагал, а дефицит располагал». [1, с. 315]

Следующей датой, не менее важной для понимания романа, является упоминание о 28 декабря 1981 года, Маня пишет письмо Деду Морозу. Такое «погружение в сказку» помогает ребенку воспринимать мир эмоционально (а это очень важно для формирования детского восприятия) и – позитивно.

Для девочек поездка в лагерь «Колагир» оставило неизгладимое впечатление. Впечатление было настолько сильным, что Маня решила оставить свою инструкцию по выживанию:

«Уважаемые девочки! Тут вообще-таки хорошо. Конечно, вы будете много плакать, проситься домой и кушать маную кашу. Зато булки у тети Лины что надо. Не сомневайтесь. Так что по субботам и воскресеньям будете вкусно полдничать.

Яблок осталось мало. Все съели мы. И зимляннику всю съели. И такие черные круглые ягоды, кажется ядовитые, но тоже съели и выжили. Зато у вас будет много ежевики. Она была зеленая и крыпкая, и ее съесть мы не смогли. Хоть пытались. Эдик из четвертого отряда ел желуди, но мы их есть не смгли. Они пративные.

Спать надо вот как. Вытаскиваете адияло, залезаете в пададияльник, растопыриваете по углам руки и ноги, обнимаете себя и падаете на кровать на живот. Только падайте акуратно, а то Нарка себе лоб расшибла когда падала, каланча.

Товарищ Маргарита хорошая важатая, не сомнивайтесь. Она будед для вас воровать из столовой хлеб. Пугайте ее ночью страшилками. Она это любит.

Вот и все, бедные девочки. Мы уежаем, а вы приежаете.

Будь гатов – всигда гатов!!!!

Мария Шац. Михайловна.

4 июля сего 1981 года.

Будьте здоровы и счастливы!» [1, с. 527].

Далее, как и в первой части трилогии границы времени и пространства размываются, уже не важно когда именно и где, «середина осени», «каждый день», время то бежит вскачь, то резко останавливается, что наиболее ярко характеризует время детства. Для этой эпохи характерно точечное восприятие времени, когда запоминаются ключевые события, произошедшие «однажды» или «как-то в праздники».

Проведенный анализ третьей, заключительной части позволяет сделать нам следующий вывод о пространственно-временной организации романа.

Отправкой точкой в третьей части является 11 ноября 1970 год, год рождения Манюни. Эта дата была написана на плакате Мани, который она повесила на входную дверь своей комнаты. История появления этого плаката связана с несерьезным отношением Ба к словам своей внучки, Маня установила запрет на вход в свою комнату, это была своего рода забастовка.

В главе 4 упоминается время сталинских лагерей. Это имеет немалое значение для истории семьи Шац. Из родственников у Ба остались только двоюродная сестра Фая и двоюродный брат Матвей Наумович.

Следующей датой, самой важной для этой части романа является 7 апреля 1981 года. Именно в этом году у Ба юбилей – целых 60 лет.

Первомайская демонстрация для всех жителей города Берд – это явление удивительное. Раньше демонстрации в городке не проводили, ограничивались лишь просмотром по телевизору. Но этот год стал исключительным, из Еревана приехала строгая директива и в городе Берд началась новая, насыщенная политическая жизнь.

Заканчивается третья часть главой, посвященной Новому году. Зима – счастливое время года. Время, когда наступает пора наряжать елку, накрывать на праздничный стол и собраться в кругу близких тебе людей, несомненно, это и есть счастье.

Таким образом, анализ хронологической организации трилогии Н. Абгарян «Манюня» позволил выявить следующие особенности: летописное освещение истории страны и городка Берд с указанием на конкретные даты; пространственно-временные смещения; дискретность и фрагментарность воспоминания, отражающие специфику детского восприятия.

Пространство сужается до «Дома» и «Двора» – это приметы «малого» мира, в рамках которого разворачивается огромная жизнь и расширяется до Мира.

Весь роман построен на закономерных чередованиях фрагментов текста, связанных с убыстрением / замедлением времени происходящих событий (воспоминания, мечтания, изучение мира), а также закрытым / открытым пространством.

«Манюня» – светлый, пропитанный солнцем и запахами южного базара и потрясающе смешной рассказ о детстве, о двух девочках-подружках – Наринэ и Манюне, о грозной и доброй Ба – бабушке Манюни и о куче их родственников, постоянно попадающих в казусные ситуации. Это то самое теплое, озорное и полное веселых приключений детство, которое делает человека счастливым на всю жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абгарян, Н.Ю. Манюня. Все приключения Манюни, смешные и невероятные / Н.Ю. Абгарян. – М., 2011.
2. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М., 1976. – С. 234–407.
3. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэзии / М.М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1976. – С. 234–407.
4. Лихачев, Д.С. Поэтика художественного времени. Поэтика художественного пространства / Д.С. Лихачев. – М., 1979.
5. Лотман, Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю.М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – С. 251-292.
6. Николина, Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы / Н.А. Николина. – М., 2002. – 344 с.
7. Тамарченко, Н.Д. Хронотоп / Н.Д. Тамарченко // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М., 2001. – С. 288
8. Топоров, В.Н. Пространство и текст. Текст: семантика и структура / В.Н. Топоров. – М., 1983. – С. 227-284.
9. Флоренский, П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П.А. Флоренский. – М., 1993. – С. 230.

Материал поступил в редакцию 19.10.16.

CHRONOTOPE OF AUTOBIOGRAPHIC NOVEL (ON THE MATERIAL OF N. ABGARYAN'S MANYUNYA TRILOGY)

Ye.I. Tsaturyan, Master
Samara State University of Social Sciences and Education, Russia

Abstract. *The writers' activity in the last decades of the XX century demonstrates the authors' endeavor to find new literary forms of representation of cultural and historical and personal experience. The autobiographical novel becomes one of the dominating genres. It is an object of various researches as its flexible and constantly changing structure allows to reflect contradictions of modern reality, to encapsulate richness of author's art decisions and to present the author's identity.*

Keywords: *autobiography, novel, chronotope, Manyunya.*

УДК 82-31

МОДЕРНИСТСКИЙ ДИСКУРС ПРОЗЫ М. ШИШКИНА

Ю.Г. Бабичева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы
 ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
 университет имени В.М. Шукшина» (Бийск), Россия

***Аннотация.** Статья посвящена специфике модернистского дискурса творчества известного отечественного писателя М. Шишкина. Главной целью работы стало исследование на материале прозы 90-х гг. 20 века методологических установок художника, концептуальной основой которых становится модернизм. Автор сосредоточивает свое внимание на следующих текстовых компонентах произведения: средствах и приемах отображения действительности, специфике психологизма, хронотопе, особенностях организации повествования – и таким образом заключает, что магистральная индивидуально-авторская художественная интенция реализуется в границах модернистского дискурса.*

***Ключевые слова:** художественный метод, модернизм, поток сознания, фрагментарность письма, нелинейность повествования.*

В современном литературоведении для построения модели литературного процесса используется определение «художественный метод». Г.Н. Поспелов в книге «Проблемы исторического развития литературы» определяет художественный метод как «принцип образного отражения жизни» [9]. Чаще всего художественный метод трактуется как «общая для множества писателей определенного исторического периода система принципов осознания действительности и ее отражения в литературных произведениях» [12].

Говоря об отечественной литературе конца 20 века, малопродуктивно всецело ориентироваться на обозначенное определение, поскольку современная художественная парадигма продуцирует синкретичность художественной методологии писателя, а, следовательно, говорить об общей (единственной) системе принципов осознания действительности в границах современного литературного процесса нецелесообразно.

Вместе с тем можно отметить доминирование какой-либо творческой установки в рамках одной художественной практики. На наш взгляд, достаточно репрезентативным в этом плане является творчество М. Шишкина, иллюстрирующее преобладание модернистской модели письма.

«Нижней хронологической границей модернизма является «реалистическая» культура, а верхней – постмодернизм» [5]. Основной задачей модернизма является «проникновение в глубины сознания и подсознания человека, передача работы памяти, особенностей восприятия окружающего, в том, как в «мгновениях бытия» преломляется прошлое, настоящее и провидится будущее» [4]. Первая треть 20 века считается расцветом модернистской эстетики в литературе, именно тогда ярко о себе заявили кризисные тенденции в искусстве в целом.

М. Шишкин – один из ярких последователей этих традиций, развивающий их уже в конце 20 века – в начале 21, эпохе, концептуально повторяющей кризисные процессы в эстетике начала столетия.

Предмет изображения модернизма – «противоречия общества, отраженные в кризисе, в сознании человека, его изначально трагическое мироощущение, связанное с неверием в разумность истории, в поступательный ход ее развития и возможность воздействовать на действительность. Для модернистов человек остается жертвой непознаваемых враждебных сил, формирующих его судьбу» [6]. «Модернисты констатируют кризис личности в современном обществе и ищут источники возрождения личности внутри себя» [11].

В литературе значительней становится не то, что автор изображает, рассказывает или выражает, а то, как он это делает, с помощью каких средств и в какой форме. Поиск формы, а не содержания, становится магистральным художественным заданием модернистов. Как следствие – появляются новый арсенал выразительных средств, необычная точка зрения на вещи, а предметом искусства все чаще становится не окружающее внешнее бытие, а внутренний духовный мир человека и самого художника.

Рассказ «Урок каллиграфии», опубликованный в журнале «Знамя» в 1993 году, стал литературным дебютом М. Шишкина и определил его творческое кредо, фундаментом которого, на наш взгляд, представляется модернистская эстетика.

Повествование в рассказе нелинейно, содержательно разорвано и не имеет логической последовательности. Судьба секретаря суда Евгения Александровича, «до умопомрачения влюбленного в буквы», в чистописание,

раскрывается через череду уроков, «которые он дает жителям города. Неслучайно вся история жизни героя восстанавливается ретроспективно – из его рассказов ученикам» [3]. Таким образом, на первый план в повествовании выходит рефлексия, манифестирующая приоритет рецептивной, а не фактографической канвы рассказа, что явно контрастирует с модернистской методологической установкой.

Внутренний мир героев изображается с помощью монологов, они отражают душевные переживания, эмоции во время свершения каких-либо знаковых событий: «Вот видите, и у меня ничего не получается. А я, знаете, решила тут как-то на днях утопиться. Да-да, не смейтесь. Нацарапала короткую записку и прилепила на зеркало. Но сначала почему-то решила сходить в баню, не знаю почему. Отчего-то запомнилась одна здоровая рыжая баба, она мыла голову напротив меня. Вся усыпана веснушками – и грудь, и живот, и спина, и ноги. Волосы густые, длинные и впитывали в себя столько воды, что когда эта рыжая распрямлялась, в шайке было почти пусто, а на дно обрушивался целый водопад. А когда я наконец пришла на мост, внизу плыла какая-то баржа. Мужики оттуда что-то кричали и хохотали, мол, давай, прыгай. Я жду, когда она пройдет, а следом еще одна баржа и еще. С каждой что-то кричали, смеялись, и конца этим баржам не было видно. Мне тоже стало вдруг смешно, и я пошла домой, там еще, слава богу, никого не было. Сорвала записку, схватила буханку хлеба и почти всю съезжала» [7]. Подобные примеры также иллюстрируют модернистский принцип «потока сознания», когда память отражает, зачастую, хаотично кадры жизни, имеющие особую значимость в границах лишь индивидуального сознания.

Стоит отметить синтаксические особенности произведения: для предложений характерна парцелляция, то есть их дробление. Точка в тексте обозначает не только завершенность мысли, но и логическую паузу, а значит, делает акценты на темы и ремы предложений. «Этой лёгкой пунктуационной «небрежностью» намечается первый дискурсивный сдвиг шишкинской прозы, который в последующих романах воплотится в нераздельный поток самых разных голосов и сознаний» [8]. Часто употреблены предложения простые распространенные, назывные или глагольные: «Я боялся, что Оля слепнет и молчит об этом. Она очень изменилась, стала замкнутой, раздражалась из-за пустяка, часто плакала по ночам. Раньше она любила по вечерам читать Коленьке книжки, теперь даже не притрагивалась к ним. Мне было страшно. Я хотел чем-то помочь, понимал, что ничего не могу сделать и оттого любил ее еще сильнее. И вот как-то за ужином Оля разливала чай, и у нее прямо в руках разорвался фарфоровый чайник. Нас ошпарило, мы вскочили» [15]. Все эти текстовые особенности усиливают эффект нелинейности повествования, с каждой паузой как бы прерывая происходящее – таким образом, каждый миг бытия в художественной системе рассказа приравнивается к кинокадру.

Характерной чертой реализации модернистской установки в тексте является сложное сюжетостроение. Иными словами, практически невозможно пересказать цепь событий, которые выстраивают текст. Скорее это перечисление каких-то историй, случившихся с героями рассказа, которые эмоционально переживают то, что с ними произошло: «Вот мой Коля. Когда он поехал учиться в Москву, я был рад за него, за моего мальчика, ставшего как-то незаметно, вдруг, юношей, студентом, с нетерпеливой реденькой бородкой» [15].

Итак, обозначенные повествовательные особенности дают право полагать, что в рассказе «Урок каллиграфии» закладываются те методологические тенденции, которые и лягут в основу фундамента художественного мира М. Шишкина.

Элементы эстетики модернизма заложены и в основании романа «Записки Ларионова», который вышел в свет в 1993 году.

Стоит отметить, что журнальная версия романа имела название «Всех ожидает одна ночь», позднее получившая название «Записки Ларионова». Эта номинативная замена, по мнению Арвида Рональдовича Ингемассона, автора статьи «Автор и герой в романе Михаила Шишкина Записки Ларионова», подчеркнула то, что «позиция автора в романе и позиция главного героя отличны» [2]. Писатель Михаил Шишкин создает роман, а герой Александр Ларионов – оставляет после себя записки. Записи героя о своей жизни выполняют свою главную функцию: Александр Львович сообщает читателю не только о том, что с ним происходит, но и выражает свое отношение к происходящему. Модернистское начало воплощает свое существование не только в двуплановости повествования, но и в авторефлексии героя, внутреннем строении фраз, рождающем ощущение необыкновенной музыкальности текстовой ткани, недосказанности-подтексте: «Я сидел в комнате у этого сумасшедшего, кормил его птиц крошками и думал о том, что не понимаю, зачем живу в этом занесенном сугробами чужом городе, зачем бреду каждое утро по темным еще улицам на службу, зачем говорю с людьми, с которыми меня ничего не связывает. Еще я думал о том, что не знаю, чего я здесь выжидаю, от кого и от чего прячусь» [14]. Кроме того, само повествование подчас сумбурно, герой демонстрирует противоречивость собственных взглядов. Так, Ларионов во второй тетради своих записок рассказывает слуге Михайло о «святости семьи, силе брачных обязательств, совести и тому подобное», при этом оставив, не помня об этих обязательствах свою жену Нину Ильиничну [14].

Особенности хронотопа романа иллюстрируют разорванность повествования, его принципиальную нелинейность, которая воплощается в сюжетной организации произведения. Мы не можем проследить за тем, как меняется образ рассказчика, а вместе с ним и время происходящего: в записках это Ларин, описывающий окружающие его факты действительности, а собственно в романе, это Ларин, лежащий в постели, раскаивающийся, анализирующий свою жизнь. Так реализуется принцип фрагментарности в организации повествования, часто характеризующий модернистское произведение.

Таким образом, элементы модернистской эстетики эксплицированы в романе в особой позиции главного героя: повествование всецело основано на выражении внутреннего мира Ларионова, авторефлексии, причем его постижение бытия раскрывается в границах интуитивного познания мира [1].

В 1999 году в журнале «Знамя» был издан роман «Взятие Измаила».

Написанный за рубежом, роман в своей основе содержит эмигрантский опыт, который становится для героя экзистенциальным.

Повествовательный вектор романа центробежен: развитие сюжета от «путешествующего по средневековой Руси иностранца до сбивчивого внутреннего монолога сталинской ээчки» [8]. В конце романа это сводится «к одной точке – судьбе частного человека Михаила Шишкина, который заблудился на неизвестном перроне» [8]. В этом смысле роман – это произведение о невозможности «освободиться от России», от её языковой власти. Эту точку зрения раскрывает сам автор в своем интервью «Тот, кто взял Измаил» [10].

Нелинейность повествования, характерная для романа в целом, достигается с помощью приема «потока сознания». Сцены произведения следуют друг за другом как кадры отдельных сюжетов, и представляют собой воспоминания из жизни героев, размышления о бытии: «Вся вина Урусова заключалась в том, что он рассказал историю Крамер своими словами. То, что якобы имело место быть – где оно? Весь так называемый тварный мир текуч и бесплотен. Сегодня вы здесь, стряхиваете перхоть с плеч, а завтра – где вы? Другое дело слова. Что там было с этой дамочкой на самом деле – никто никогда не узнает, да и какая разница, но вот Урусов рассказывает, как подзащитная снимала платье через голову и волосы зацепились за крючок – и оправдание становится неизбежным» [13].

Иными словами, персонажи глубоко рефлексируют, пытаясь систематизировать хаос бытия в себе: «Старуха, не желая будить намаявшуюся дочь, решила выйти на двор сама. Вышла, а обратно никак. Споткнулась о полено и упала. Звала, да никто не слышал. В одной легкой кофте долго ли замерзнуть. Вот и нашли ее утром – сидела в сугробе, прижала ладони одна к другой, будто молилась. Легче всего обвинить это беззащитное существо с ее припиленными ушами, гутчинсонсовскими губами, седлообразным нёбом, с привычкой грызть ногти и с ослабленными подошвенными рефлексам! Но указка ли нам, православные, Ломброзо? Обвините вы ее сейчас, и будет для нее в удел одна юдоль, плач и скрежет зубовой. Милосердие есть душа справедливости. Отнимите у тела душу, и вы получите труп» [13].

На синтаксическом уровне роман изобилует предложениями не осложненными оборотами, простыми, которые при чтении как бы обрезают мысль, добавляют паузы повествованию, как эффект – появляется некая оборванность суждения, характерная для повествовательной техники модернизма в целом: «Добрались, наконец, до обвинительного.

– Третьего мунихиона сего года свидетельница такая-то, говорящая голосом ожившей спички, вышла утром во двор по нужде и увидела за соседским забором.

– Пригласите живовидицу!

– Да чего ее слушать, все понятно! С быком случается только бычье, с виноградом – виноградное.

– Тогда говори ты, Велес!

Встал, окинул взглядом ряды, неспешно снял часы с руки, положил их перед собой, оперся кулаками о стол, вздохнул» [13].

Наиболее точно отобразить деталь в романе помогает прием метафоры, которыми наполнено буквально каждое предложение: «Вот темная станция, фонарь сцепщика, ползают взад-вперед маневровые паровозы, ночные, мохнатые от пара звери, то и дело резко повизгивают, будто их кто-то кусает, какие-нибудь паровозные кровопийцы» [13]. Кроме метафор функцию обогащения детали выполняют олицетворения: «Двусложные семафоры подмигивают из темноты, с одной стороны станции хореи, с другой ямбы» [13]. Такое видение автором отражает субъективную реальность, иными словами, впечатление от увиденного выражается в необычной форме, словно импрессионистски.

Хронотоп романа не укладывается в классические рамки изображения: «историческое время нелинейно – все исторические времена соположены на одной плоскости» [3]. Вместе с разорванным временем неоднородно и пространство, оно меняется вместе с тем, как меняется изображение исторических эпох, представленных в романе: «конец XIX века (история жизни Александра Васильевича), середина XX века (сюжетная линия, посвященная Евгению Борисовичу и Марии Дмитриевне), конец XX века (сюжетная линия, посвященная М. Шишкину)» [3].

Рассказы о судьбах героев смешивают детали, которые относятся к различным периодам истории. «К истории жизни Евгения Борисовича, он же земец Д., относятся как события восьмидесятых годов прошлого века, так и события конца XIX века» [3].

Обобщая вышесказанное, стоит отметить, что модернистские установки на уровне повествовательной техники, композиции, системе мотивов и языковых особенностей достаточно сильны в произведениях М. Шишкина 90-х годов. Модернистское начало актуализируется через нелинейное повествование, сложное по технике сюжетостроение, доминирование авторефлексивных форм, что напрямую встраивает прозу писателя в модернистский дискурсивный ряд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабичева, Ю. Г. Специфика художественного метода М. Шишкина (на материале романа «Записки Ларионова») [Текст] / Ю. Г. Бабичева, М.С. Татаринцева. // Philology. – 2016. – № 3(3). – С. 21–23.
2. Ингеманссон, А. Р. Автор и герой в романе Михаила Шишкина «Записки Ларионова» // Известия Волгоградского государственного технического университета [Текст]: статья / А.Р. Ингеманссон – 2013. – №2.
3. Лашова, С. Н. Поэтика Михаила Шишкина: система мотивов и повествовательные стратегии: автореф. дис. канд. фил.наук: 10.01.01. [Текст]: монография / С. Н. Лашова. – Пермь, 2012.
4. Литературные направления (методы, стили) в таблицах // Пиши про. Для писателей URL [Электронный ресурс]: <http://pishi.pro/kak-stat-pisatelem/teoriya-literatury/91-literaturnye-napravleniya-metody-stili-v-tabliczah.html> (дата обращения: 05.03.2016).
5. Модернизм // Словари и энциклопедии на Академике URL [Электронный ресурс]: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/531/МОДЕРНИЗМ (дата обращения: 04.03.2016).
6. Модернизм XX века, его черты и особенности // Учебные материалы для студентов URL [Электронный ресурс]: http://studme.org/1605041613651/kulturologiya/modernizm_veka_ego_cherty_osobennosti (дата обращения: 07.05.2016).
7. Мотив языка в рассказе Михаила Шишкина «Урок каллиграфии» // Викиум URL [Электронный ресурс]: http://pravmisl.ru/index.php?id=1361&option=com_content&task=view (дата обращения: 18.05.2016).
8. Оробий, С. П. «Вавилонская башня» Михаила Шишкина: Опыт модернизации русской прозы. [Текст]: монография / С. П. Оробий – Благовещенск: Издательство БГПУ, 2011.
9. Поспелов, Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. [Текст]: учебное пособие / Г. Н. Поспелов. – М., 1972
10. Тот, кто взял Измаил // Журнал "Итоги" URL [Электронный ресурс]: <http://www.itogi.ru/archive/2000/42/115757.html> (дата обращения: 12.06.2016).
11. Чернова, И. Б. Модернизм / И. Б. Чернова // Фундаментальная электронная библиотека [Электронный ресурс]. – М.: 2002.
12. Черноиваненко, Е. М. Литературный процесс в историко-культурном контексте. Развитие и смена типов литературы и типов литературно-художественного сознания в русской словесности XI-XX вв.. [Текст]: учебное пособие / Е. М. Черноиваненко. – Одесса: Маяк, 1997.
13. Шишкин, М. П. Взятие Измаила. [Текст]: роман / М. П. Шишкин – М.: Варгиус, 2007.
14. Шишкин, М. П. Всех ожидает одна ночь. Записки Ларионова. [Текст]: роман / М. П. Шишкин – М.: Варгиус, 2007.
15. Шишкин, М. П. Уроки каллиграфии. [Текст]: рассказ / М. П. Шишкин – М.: Варгиус, 2007.

Материал поступил в редакцию 05.12.16.

MODERNISTIC DISCOURSE OF M. SHISHKIN'S PROSE

Yu.G. Babicheva, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Russian Language and Literature Department,
V.M. Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk), Russia

Abstract. *This article deals with the specifics of modernistic discourse of works by the famous Russian writer M. Shishkin. The task of this work is the investigation of methodological orientations of the writer, conceptual basis of which is the modernism, based on the material of the prose of the 90s of the 20th century. The author focuses the attention on the following text components: means and methods of reality reflection, specifics of psychologism, chronotope, features of the narration organization. Consequently, author draws the conclusion that the main individual and author's art intension is implemented in modernistic discourse.*

Keywords: *artistic method, modernism, stream of consciousness, fragmentariness of writing, nonlinearity of narration.*

УДК 821.161.1-3-054.72:087.5 Гиппиус

МИР РЕБЕНКА И ПОДРОСТКА В МАЛОЙ ПРОЗЕ ЗИНАИДЫ ГИППИУС ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ

И.Р. Жиленко, докторант

Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, Украина

Аннотация. В статье исследуется идейно-художественная проблематика «детской» малой прозы Зинаиды Гиппиус периода эмиграции. Объект исследования – рассказы 20-30-х годов. Предмет – мир ребёнка и подростка как художественная целостность в мировоззренческих исканиях писательницы. Определяются основные тематические циклы, анализируются особенности дидактизма, образная система малой прозы, выявляются автобиографические элементы как важнейшие доминанты художественного мира автора.

Ключевые слова: детство, игра, психологизм, христианство, художественный мир.

После происшедших социально-политических изменений в странах бывшего Советского Союза усилился интерес к творчеству писателей-эмигрантов, в том числе и к литературной деятельности Зинаиды Гиппиус (1869–1945). В последние годы появились посвящённые ей исследования М. Гарбар, Ю. Даниловой, Л. Дмитриевской, О. Жариковой, И. Кондрашиной, Е. Криволаповой, Ю. Курило, Н. Мартыновой и других. В центре их внимания оказались многие проблемы – религиозно-философские, проблематика, стиль, поэтика и эстетика лирических и прозаических жанров. Однако значительная часть творческого наследия Зинаиды Гиппиус – так называемая малая проза остается малоизученной, в чем и состоит актуальность нашей статьи.

Цель работы – исследовать идейно-художественные особенности «детской» малой прозы писательницы периода эмиграции. Для достижения поставленной цели необходимо решить такие задачи:

- определить основные тематические циклы «детских» рассказов;
- охарактеризовать идейно-художественные особенности и образную систему малой прозы;
- раскрыть особенности дидактизма автора.
- определить место и значение малой прозы Гиппиус в «детской прозе» русской литературы.

Объект исследования – «детские» рассказы Гиппиус 20-30-х годов. *Предмет* – мир ребенка и подростка как художественная целостность в мировоззренческих исканиях писательницы.

Зинаида Гиппиус – продолжательница традиций русской литературы, исследующей феномен детства как важнейшей духовно-нравственной темы. Ребенок воспринимался многими писателями-эмигрантами (А. Аверченко, И. Бунин, И. Шмелев и др.) как микрокосм, знаковая фигура эпохи.

Основная тема эмигрантских рассказов З. Гиппиус – мир детства. Ребенок и подросток, мальчик / юноша, девочка / девушка – вот лирические герои ее малой прозы. И. Арзамасцева в диссертации «Художественная концепция детства в русской литературе 1900-1930-х годов» (2006) изучила символистскую концепцию в «новом религиозном сознании» Гиппиус [1]. Исследуя проблемы целостного изучения феномена детства в дореволюционной русской литературе, Н. Дворяшина обратила внимание на жизненные обстоятельства, которые привели некоторых писателей к данной теме. По мнению автора, для Гиппиус внешним фактором стало то, что волею судьбы она лишилась возможности материнства, однако «писатели-символисты смогли художественно глубоко, индивидуально-выразительно запечатлеть чаяния современников и культурной эпохи в целом, возлагаемые на дитя в его житейски-социальном и в сакрально-бытийном значении» [5, с. 9].

Хронотоп в эмигрантских рассказах Гиппиус чаще охватывает «счастливое», дореволюционное время, но и тревожное – период Октябрьской революции и гражданской войны, который прямо или косвенно, упоминается в её произведениях. Ощущается стремление писательницы уйти от негативных воспоминаний. Своеобразным «якорем» спасения становится для нее мир детства, который помогает ей исследовать нравственно-психологические и философско-религиозные проблемы современности. Проблематику «детской» малой прозы Гиппиус можно условно представить в таких тематических циклах:

- талантливость, целеустремленность ребенка («Мальчик в пелеринке», «Роман» и др.);
- игра и ее роль в жизни детей («Игра», «Чудеса» и др.);
- христианская этика в жизни маленького человека («Царский путь», «Нерожденная Девочка на елке», «Николово пожаление» и др.);
- раннее взросление детей («Дочки», «Тайна», «Голубые глаза», «Открытие», «Несправедливость» и др.);
- чувство симпатии и влюбленности в жизни маленького человека («Моя первая любовь», «Надя», «Сережа подрос», «Пестрый платочек» и др.).

Н. Дворяшина подчеркивала, что Гиппиус «стремилась обнаружить в ребенке прежде всего дар художника, творца» [5, с. 22]. Талантливый подросток из первой группы рассказов – это будущий критик, писатель.

«Мальчик в пелеринке» (1924) посвящен встрече рассказчика с семнадцатилетним учащимся реального училища из армянской глубинки, где идет «вечная гражданская война». Део Шуша, «маленький, тоненький, черненький мальчик в черной пелеринке», покорил его широтой познания в области всей русской литературы, он «свободно разбирался в старых писателях, <...> знал их окружение, знал эпоху», прочитал всю мемуарную литературу. Део анализирует, сопоставляет, то есть компетентно разбирается в литературном процессе, чем удивляет критиков и журналистов. Еще больше покоряет своим потрясающим поэтическим талантом. Хронотоп времени в рассказе – военное лихолетье, сменившееся «снежным бегством». Мысль писательницы удачно дополняют лермонтовские стихи – «Одни погибли, другие изменили...» [4]. Ностальгическое окончание рассказа, содержащего элементы новеллистики, – гибель героя на Кавказе в гражданской войне на стороне красных – дань памяти юным, которые из-за революции и гражданской войны не успели проявить свой талант.

Любовь к литературе присуща и героине рассказа «Роман» (1931) – четырнадцатилетней девочке-гимназистке, «ровеснице века». Лиза пишет роман, однако мучается, обдумывая каждую фразу, и осознает, какая это сложная работа. Окончание произведения оптимистично, так как героиня имеет характер, упряма и целеустремленна: «Сто тетрадок порвет, «сто солнц заходящих» перечеркнет <...> Хотя бы до седьмого класса пришлось писать, хоть бы до старости, – напишет!» [4]. Рассказы Гиппиус, по мнению ученых, «предельно биографичны» [6, с. 13]. Во многих образах – alter ego самой писательницы, которая, по ее же словам, «перечитала всю русскую литературу» еще при жизни отца, хорошо знала творчество Гоголя и Тургенева, «пристрастилась к Достоевскому». Вместе с Мережковским жили они «почти исключительно литературным трудом». Гиппиус отмечала: «Стихи я всегда писала редко и мало, – только тогда, когда не могла не писать. Меня влекло к прозе <...> Я писала романы, заглавий которых даже не помню» [2, с. 7]. Во многих рассказах она упоминает писателей, творчество которых ее вдохновляло; это произведения Гоголя («Несправедливость», «Катрин»), Достоевского, Льва Толстого («Роман», «Игра», «Неподходящая»), Пушкина, Некрасова («Сережа подросток», «Барышня и девчонки»), Жуковского («Сердце, отдохни!»), Ремизова («Николово сожаление») и другие.

Вторая группа рассказов рассматривает проблему игры в жизни ребенка. Педагоги и психологи отмечают, что в процессе игры дети получают те знания и совершенствуют те умения и навыки, которые в будущем будут задействованы в жизни. Работа юной гимназистки над романом в названном рассказе – тоже своеобразная игра, которая поможет девочке стать писательницей. В Сухомлинский отмечал, что игра для ребенка – это «самое серьезное дело. В игре раскрывается перед детьми мир, раскрываются творческие способности личности» [7, с. 33]. В рассказе «Игра» (1935) шестеро ребятшек, «банда», подражают взрослым. Они воспроизводят нормы жизни в обществе, играя в «богатых и бедных» так, как «бывает на свете». Дети моделируют ситуации, присущие обществу взрослых, и создают собственные: грабят замки, воруют мешки с «богатством», берут выкуп деньгами, преследуют преступников, скрываются в «шаланде» и многое другое. Гиппиус подметила, что «...маленькие люди не скоро бросают затеянное» [4]. Действительно, их игра длилась и длилась, однако, наступил день, когда дети пришли в последний раз, чтобы «принять решение» относительно «сокровищ». Внутренний мир юных мечтателей представлен автором как мир будущих ученых, воспитателей, художников, дрессировщиков, странников, и лишь одна героиня хочет просто разбогатеть. Дети думают разделить сокровище так, чтобы его мог использовать каждый, кому сколько нужно (утопическая мысль!), однако, возник спор. Тогда они решили следить за любительницей богатства, чтобы она не взяла лишнего. Гиппиус показала, что ребенок, овладевая знаниями, полученными в ходе игры, приобщается к менталитету страны, в которой живет. Игра в «богатых-бедных» стала показательной для того времени.

Тема игры присутствует и в рассказах с христианско-мифологическим сюжетом. В произведении «Чудеса» (1932) четырнадцатилетняя Анна учит младшего двоюродного брата Лешу житейской мудрости, ссылаясь на христианскую этику: «не надо впадать в уныние», «возгордиться – страшный грех» и др. Мальчик свято верит в «чудеса», которые ему демонстрирует сестра, которая «в Бога очень верила, а в чудеса не верила», потому и позволяла себе пошучивать над Лешей. Девочка на исповеди обязательно расскажет об обмане, но брата ей «жалко до слез», ведь он так радуется «чудесам»: жареную рыбу на шпильку нацепляет, вареного рака на крючок и другим. Здесь проявлена мировоззренческая концепция писательницы: «в туманные дни – слабого брата утешь, пожалей, обмани» [2, с. 8]. Философско-религиозные проблемы и вопросы воспитания нашли отражение и в произведении «Николово сожаление» (1932), где использован прием обрамления. Дети узнают от няньки интересную историю – мать умоляет Николая Угодника вернуть, оживить ей умершего сына. Угодник воскресил его, однако показал, каким вырос Николашенька: озорным, «слухи о нем ходили нехорошие», он «все денег требовал», к отцу на похороны «глаз не показал», а когда однажды приехал к матери, то был «страшный, глаза кровью налиты, вином от него, как из бочки», и на мать с ножом кинулся. Убегающей в ужасе от горе-сына матери встретился Николай Угодник и благословил ее. В рассказе использованы новеллистические элементы: «Открыла она (мать) глаза – видит себя на полу, свечи горят, цветочками пахнет, на столе младенец под кисеей» [4]. Дети пришли к выводу, что так младенцу лучше, «ему было предопределение». Одна из стилистических особенностей Гиппиус – проблемы отцов и детей, пропущенные сквозь призму Священного писания. В жанре поучения она показала, к чему приводит неправильное воспитание. В «Николовом сожалении» мать на сына не посмотрится, не надышится, ни в чем он не знает отказу, а если своевольничает, то снисходительно думает: «...ну что ж, дитя!». Писательница утверждает: если человек отвлекается от своего предназначения, определяемого христианской этикой, он сбивается с пути истинного.

Христианская тема прослеживается и в рассказе «Царский путь» (1925). Сюжет его прост, однако глубокий дидактический смысл позволяет автору обратить внимание на серьезные нравственные проблемы общества. Дети в пасхальный день катают яйца, но одна девочка сидит в стороне, потому что «для ней не Христос воскрес», – так отвечают дети студенту. Он учит ребят, и те, согласно христианским канонам, принимают к себе Хесю (так звали девочку), а студент всю свою сознательную жизнь говорил людям об их ошибках, что «две отдельные дороги – неразделимы, что это один и тот же, царский путь, и что идти им вместе» [4]. И если маленькие люди верили ему, то взрослые – не понимали. Гиппиус, таким образом, утверждает, что дети доверчивы, они несут в мир добро и свет.

Редко какое произведение писательницы обходится без христианских мотивов, да и сама она писала: «...полосы абсолютной безрелигиозности у меня не было вовсе» [2, с. 7]. В рассказе «Нерожденная Девочка на елке» (1938), который относится к святочным, используются мотивы и символы христианской мифологии. В жанре путешествия, а также применяя прием антитезы, автор приводит нерожденную Девочки на елку в мир богатых и мир бедных. Н. Дворяшина отмечала, что детская душа в изображении Гиппиус есть выражение Христовой Любви к людям, воплощение мира и согласия [5, с. 23]. Девочка испытывает жалость к бедному больному мальчику. А из елки в мире богатых, которых называют «счастливыми», ей хотелось поскорее уйти, поскольку там дети кричали «дикими голосами», играла громкая музыка, а посреди коробки лежало мертвое (зарезанное) дерево. Автор пишет: «...если бы Девочка была рожденная, заплакала бы» [4]. Писательница акцентирует внимание на позитивном (сочувствие, желание помочь близкому) и негативном (суета, громкие звуки, танатология) влияниях на психику ребенка.

Тема детского взросления, а также отношений матери и ребенка составляет одну из доминант во многих рассказах Гиппиус. В произведении «Дочки» (1932) стрессовая ситуация – смерть матери – заставляет восьмилетних Шуру и Мару внимательно прислушиваться к себе. Девочки понимают, что у них «завелась где-то внутри, около горла, беспокойная, стоячая боль – тяжесть». Оттого, что несли они ее вдвоем, им было не легче, а тяжелее, ведь они «каждая свою боль несли вдвойне». Очень важным считала Гиппиус человеческую душу, ее внутреннее содержание. У девочек одна душа, одна боль. Автор показывает стойкость, терпеливость детей и главное – веру в то, что мама рядом. Девочек тревожит религиозно-философский вопрос: если мама их видит, то почему она не здесь, не с ними? Кюре, к которому они обратились за советом, подтверждает, что мама их любит, а любовь никогда не умирает. Но дети не могут понять: если мама рядом, как папа может привести в дом другую женщину? Девочки принимают решение слушать зов мамы и идти к ней. Помимо любви к матери, в рассказе показана еще одна любовь – к России. Мара и Шура слышали о такой стране, откуда родом были родители, они уехали, когда началась война. Девочки хотели бы любить Россию, но не знают, «как любят никогда не виденное» [4]. В рассказе слышны мысли Гиппиус – «надо всякую чашу выпить до дна» [2, с. 8]. Именно такая чаша сиротства свалилась на девочек, но они стойко переносят все испытания.

Трудности меньшей степени испытывает Катрин из рассказа «Несправедливость» (1939). Ей тоже непонятно чувство любви или радости к тому, чего она не знает. В произведении поднимается тема семейных отношений. Девушка познает мир взрослых, учится анализировать, постигает жизнь («Куда ни посмотри – тайны, стены тайн»; «Всюду кругом и во всех других – удивительное, непонятное, необъяснимое»). Катрин терзает обида: ее оговорила подруга Лиза. И если мать уличает дочь во лжи, то отец верит ей, и это вселяет чувство радости. Он учит дочь: «Не думай об этом больше <...> Сказала правду – и довольно» [4].

Ребенок и подросток в рассказах Гиппиус – умный, находчивый, не терпящий вранья. Автор выступает тонким психологом, раскрывая душу трехлетней девочки Нины в произведении «Открытие» (1935). Перед ней предстает новый дисгармоничный мир. Девочку отличают ум, наблюдательность. Она рано поняла, какое значение для нее могут иметь капризы. Благодаря им, Нина решает все вопросы, капризы ей «обыкновенно помогают». Девочка смекалистая. Понимая, что ее дразнит взрослый, называя гадкой, глупой, дурочкой, она ему подетски отомстила, задав похожую задачку: «Сначала Ко. Потом Ля. А все вместе бессмертный дурачина». Дети не терпят лжи. Когда Нину усадили на стул, чтобы сделать фотоснимок и пообещали, что из домика напротив «вылетит птичка», девочка поверила. Однако этого не произошло, и мама поясняет, что так говорят нарочно. Девочка в замешательстве: «Птички нет, а можно сказать есть. Как же я тогда узнаю, есть или нет?» [4]. Ложь, по мнению автора, оказывает разрушительное влияние на психику ребенка. Заболевшая Нина не сразу поверила, вправду ли ей принесли громадного медведя, поскольку помнила об обмане взрослых, поэтому пытается узнать, «что есть, а что нарочно?» [4].

Похож по тематике и рассказ «Тайны» (1932), в котором пятилетняя Люлю понимает, что тайна – это «всегда то, о чем нельзя спрашивать, стыдно, страшно, да и бесполезно, особенно больших: наверное, не скажут, если и знают; выдумают что-нибудь нарочно» [4]. Она знает, что тайну нужно крепко хранить, поэтому обижается на мать, которая рассказывает своей подруге, что ее дочь очень любит Наталью Сергеевну. В ответ на такие слова у девочки возникает протест, внутри у нее «что-то заколотилось, запрыгало, должно быть – тайна, которую у нее отнимали, а она, тайна, отниматься не хотела» [4]. Поэтому ребенок нарочно говорит неправду и делает вывод, что взрослые «ничего не понимают». Гиппиус показывает, что маленьких детей часто волнуют вопросы, о которых взрослые и не догадываются. Девочка, рассказывая матери о своем сне, удивлена, почему она видела сон, а мама – нет, поэтому делает вывод, что «сны видятся изнутри».

Большую тематическую группу составляют рассказы, в которых поднимается проблема чувств ребенка

и подростка. Герои Гиппиус испытывают симпатию или влюбленность к своим ровесникам и детям старше их, к родным, взрослым и людям своего пола, хотя зачастую не признаются в этом даже себе или не понимают, что с ними происходит. Сама Гиппиус, как мы знаем, верила в любовь как силу великую, как в чудо земли. О. Демидова отмечала: «Разрешая» проклятый вопрос пола», Гиппиус «разрешает» (снимает) запрет на однополую любовь, поскольку «во влюбленности истинной... сам вопрос пола уже как бы тает, растворяется; противоречие между духом и телом исчезает, борьбе нет места, а страдания восходят на ту высоту, где они должны претворяться в счастье» [6, с. 7, 13]. В рассказах «Надя» (1925) и «Сережа подросток» (1926) главный герой – сначала ребенок – испытывает чувство влюбленности в девочку, затем – в мамину подругу. Гиппиус показывает, с каким благоговением мальчик наблюдает за Надеей, которая «летает» на качелях, но Сережа все время ждет ее падения. Ребенок пытается разобраться в себе, он и не хочет этого, и боится, и все-таки ждет. Падение в переносном смысле наблюдает подросток Сережа, когда узнает тайну взрослой женщины. Герой подытожил: «Надю я потерял, потому что был маленький. А Наталью Павловну потерял раньше, чем нашел» [3, с. 58]. Гиппиус подчеркивала, что к потере детской влюбленности приводит разочарование. У ребенка есть чему поучиться и взрослым – именно эту мысль проводит писательница. Ее герой имеет зачастую прагматический характер, обладает цельностью натуры. Сережа говорит: «...я тверд. Я знаю, что надо быть твердым и претерпеть до конца»; «Главное – быть спокойным, это тоже сила» [3, с. 41; 55].

Проанализировав тематические циклы «детской» малой прозы Гиппиус эмигрантского периода, мы выявили, что доминирующие позиции в них занимают проблемы творчества, игры, религиозности, влюбленности, тайны. Практически во всех рассказах прослеживаются автобиографические мотивы. Частные эпизоды из жизни маленьких людей дают возможность писательнице раскрыть духовные проблемы общества, которые остаются актуальными и в наше время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамасцева, И. Н. Художественная концепция детства в русской литературе 1900-1930-х годов: автореф. дис. на соиск. ученой степени докт. филолог. наук / И. Н. Арзамасцева. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennaya-kontseptsiya-detstva-v-russkoi-literature-1900-1930-kh-godov>
2. Гиппиус, З. Автобиографическая заметка / З. Гиппиус. Стихи и проза. Избранные произведения. Воспоминания. – Тула: Приокское книжное изд.-во, 1992. – С. 5–8.
3. Гиппиус, З. Мемуары Мартынова: Роман, рассказы. / З. Гиппиус – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 192 с.
4. Гиппиус, З. Н. Собрание сочинений. Т. 11. Вторая любовь: Проза эмигрантских лет. Рассказы, очерки, повести 1923–1939 гг. / З. Н. Гиппиус. – Сост., подг. текста А. Н. Николюкина и Т. Ф. Прокопова. Вступ. ст. А. Н. Николюкина. – М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2011. – 528 с. – Режим доступа: <http://gippius.com/lib/short-story/>
5. Дворяшина, Н. А. Феномен детства в творчестве русских символистов (Ф. Сологуб, З. Гиппиус, К. Бальмонт): автореф. дис. на соиск. ученой степени докт. филолог. наук / Н. А. Дворяшина. – Сургут, 2009. – 50 с.
6. Демидова, О. Безнадежная блаженность любви / О. Демидова / Гиппиус З. Мемуары Мартынова: Роман, рассказы. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – С. 5 – 14.
7. Сухомлинский, В. А. Сердце отдаю детям. / В. А. Сухомлинский. – Киев: Радянська школа, 1974. – 288 с.

Материал поступил в редакцию 30.12.16.

THE WORLD OF A CHILD AND TEENAGER IN FLASH FICTION BY ZINAIDA GIPPIUS IN THE PERIOD OF EMIGRATION

I.R. Zhilenko, Candidate for a Doctors' Degree
Kamianets-Podilsky Ivan Ohienko National University, Ukraine

Abstract. *In this article the ideological and art perspective of juvenile flash fiction by Zinaida Gippius in the period of emigration is investigated. A research object is the stories written in the period of 1920-1930s. A subject is the world of a child and teenager as art integrity in world outlook strivings of the writer. The main thematic cycles are defined, the peculiarities of didacticism, figurative system of flash fiction are analyzed, autobiographical elements as the most important dominants of the art world of the author are investigated.*

Keywords: *childhood, game, psychologism, Christianity, art world.*

Literature of Peoples of the Foreign Countries
Литература народов стран зарубежья

UDC 80

**HAUNTING ROMANTICISM: DAYDREAMING AND OBSESSIVE
IMAGERY IN THE WORKS BY EDGAR ALLAN POE AND PEYO YAVOROV**

Y.N. Daskalova, PhD, Assistant Professor

Faculty of Modern Languages, Department of English and American Studies
St Cyril and St Methodius University of Veliko Tarnovo, Bulgaria

Abstract. The article deals with daydreaming and obsessive imagery in select works by Edgar Allan Poe and Peyo Yavorov.

Keywords: romanticism, intertextuality, parallelism, spirituality, Edgar Allan Poe, Peyo Yavorov.

The article is an attempt at a comparative critical study, through the prism of intertextuality, of some of the seminal works of two lyrical-dramatic poets who represent two essentially different literary historical and cultural contexts: the American author Edgar Allan Poe, regarded as the forerunner of European modernism, and the Bulgarian revolutionary poet Peyo Yavorov (1876-1914), whose life and work remained so inextricably intertwined that “the Yavorov myth” and popular mythology created in his lifetime persisted long after his death. Although these poets’ lives and work diverge not only in their chronology, but also in terms of their geographical, geopolitical and cultural specificities, I will nevertheless attempt to deduce a concept of their “common typologies”, which will be defined and articulated through Yavorov’s and Poe’s own “philosophies” of love and composition and traced in their poetry.

The strategy of comparison and parallelism, which I employ in approaching their writings, draws on the haunting “gothicisms” which pervade their work, on the obsessive dark imagery and somnambulist daydreaming, which mark their destinies of *poètes maudits*. But I will also emphasize on the romantic redemptive and purifying power in the representation of the child-like and “angelic” female creatures in their love poetry, prototyped by Virginia Clemm and Mina Todorova, respectively, who died early in their youth to remain forever young – as living embodiments of pristine and untainted girlish beauty.

The two poets’ impulsive search for spirituality in the real personae of Clemm and Todorova eventually brought to the foreground an obsessive passion for “the woman-child” image in their poetry. As a result, imagined and contemplated in their purity and perfection, the female characters emerged as ideal paragons of impalpable and ethereal beauty and came to haunt Yavorov’s and Poe’s minds in the form of a vision. And the fascination with the cherub-like creatures became so obsessive in their poetry that it eventually came to function as a *sui generis alter ego* (or, rather, alter ego), as a crystal mirror in which the authors could find the reflection of their own soul.

In other works, however, in which the so-called “dark”¹ ladies figure prominently, the “epiphany” of the feminine is perceived as a disintegration of both flesh and soul and finds further expression in Yavorov’s *femme fatale*, and in Poe’s heroines who have “unexpected capacities for life beyond the grave” (Weekes 148). In Poe’s short stories, they are women who “have more strength and initiative than the delicate models of his verse” (148); in Yavorov’s poetry, they throw the frightening shadows of the demon-woman who overpowers the ethereal creature of his earlier writings. While in Poe’s tales the voices of the ghostly dark females make men perform macabre activities such as exhumation of corpses and cutting them to pieces, extractions of teeth and building bedrooms filled with sarcophagi, Yavorov’s fatal women annihilate the “fair” maiden’s pristine purity to emerge as “queens of the night” such as Cleopatra, Messalina and Sappho, as “monstrous children of crime and disgrace”², to use Yavorov’s own phrasing.

Both authors’ imageries have no doubt their own distinctive original aesthetic dimensions and the designs of the two poets were unquestionably realized on different levels and in different ways. But they were on common ground in their modernist challenge of metaphysical truths which ultimately found expression in the inevitable split between earthly and celestial love, whose reconciliation appeared to be unattainable.

Edgar Allan Poe and Peyo Yavorov received wide acclaim and popularity during their lifetime – probably due to the fact that they managed to create a unified vision of their life and work, or rather, to blur the boundaries between their biography and writings. The public fascination with their poems went hand in hand with the curiosity and interest in the authors’ personal lives. “Indeed, the frequent fusion and confusion of author and his works is one of the most pervasive aspects of the whole phenomenon”, wrote Mark Neimeyer. “The persistent identification of the two has accounted for much of Poe’s popular attraction” (Neimeyer 211). Similarly, the unity of life and poetry in Yavorov gave

rise to the so-called “Yavorov myth” which, as in Poe’s case, gained a widespread circulation in popular culture. His poetry was read extensively, it appeared to suit at once the popular and the critical tastes. His fame was further promoted by the identical perception of “myth” both in literary history and in the literary critical thought in the Bulgarian context. The joint touchstone for myth at the time as a unified version of life and work engendered and brought about the merging of Yavorov’s individual talent with the collective, “national” identity and enabled him to build up his fateful bond with the reading public. As a result, even today, “the Yavorov myth” still persists in the public imagination of the Bulgarian people.

Poe’s reading public was similarly enthralled by his personality and work. Jonathan Elmer calls Poe “a mass-cultural writer” (Elmer 4), but in no way does he mean to disparage Poe’s “literary” status. It is Poe’s “ambiguous position between highbrow and lowbrow culture, which made him especially appealing to the general public” (Elmer in Neimeyer 208). Poe himself states in his “Philosophy of Composition” that his goal in writing “The Raven”, one of his most popular works, was to produce “a poem that should suit at once the popular and the critical taste” (*Essays and Reviews* 15). Mark Neimeyer further elaborates the point:

Clearly, it is not only Poe’s works in isolation that have fascinated generations. Poe has largely been taken up by popular culture because of its ability to exploit his personal suffering and the sad, sometimes strange, realities of his life as well as the even more fantastic myths that have grown up around him. Poe has become the archetype of the mad genius or the tortured Romantic artist, the *poète maudit* crushed by a crass and insensitive world (Neimeyer 209).

Poe’s innovative attitude in challenging traditional modes of writing, his insistence on originality and the celebration of pure forms of beauty is yet another factor, which contributed to his popularity during his lifetime and beyond, and brought his fame to the European continent. His rejection of “the heresy of the didactic” set forth in his theories of poetry (“Philosophy of Composition”, “The Poetic Principle” and “Rationale of Verse”) laid the foundations for a new movement in France and Europe whose major intellectual slogan became “L’art pour l’art” (“Art for art’s sake”) and whose representatives came to be known as aesthetes, symbolists and decadents. The principle of poetic originality was seen as achieved through a creative process aspiring to supernatural beauty not found in earthly forms. In his “Reviews of American Authors” Poe wrote, “This burning thirst belongs to the immortal essence of man’s nature. It is equally a consequence and an indication of man’s perennial life. It is the desire of the moth for the star. It is not the mere appreciation of the beauty before us. It is a wild effort to reach the beauty above” (*Essays and Reviews*, 686).

The fame of Edgar Allan Poe’s innovative writing and originality spread well beyond his home country. The progenitor of modern tastes, the “one-man modernist” of American literature who had a huge impact on his own time, had also become, through his admirer Charles Baudelaire, a powerful literary-cultural influence on the whole European context in all its various avant-garde movements from the mid-nineteenth century through the twentieth century.

Edgar Allan Poe: the first *Poète Maudit* of Modern Literature

Poe’s masterpiece “The Raven” was first published in January 1845, in N.P. Willis’s New York *Evening Mirror* and was received in a flattering mode as a work which “in power and originality of versification [...] is no less remarkable than it is, psychologically, a wonder” (Brooks in Kopley and Hayes 195). When its second edition appeared in the February issue of George Colton’s *American Review* the same year, the poem was described as “one of the most felicitous specimens of unique rhyming which has for some time met our eye” (195). Although “The Raven”, both in its first and second editions was found extremely original in meter and rhyming, it has been argued that Poe’s masterpiece was indebted in its metrical scheme to Elizabeth Browning’s “Lady Geraldine’s Courtship”³, that his poem had been prompted by a particular line of her poem (Ingram in Kopley and Hayes 193). It is a fact that in January 1845 Poe reviewed Browning’s poem “Lady Geraldine’s Courtship”, which came out in 1884. What is more, he honestly acknowledged in his “Philosophy of Composition” that “there is little possibility of variety in mere rhythm”, that “the possible varieties of meter and stanza are absolutely infinite, and yet, for centuries, no man, in verse, has ever done, or ever seemed to think of doing, an original thing” (*Essays and Reviews* 20). Although Poe had employed the rhythm of each line of “The Raven” in previous poems, the originality of his masterpiece comes as a result of their “unusual combination” into a new form, a new rhyming scheme. “A work of imagination is akin to a griffin – wrote Poe – a creature half-lion, half eagle – that is, an unusual combination of already-existing elements” (in Kopley and Hayes 193).

No matter whether Poe was indebted to Elizabeth Barrett Browning or not, it remains beyond doubt that he has produced a highly original poem in terms of both rhythm and meaning, a work that demonstrates a perfect unity of form and content. “It is stamped”, as the editor of the *Semi-Weekly Examiner* John M. Daniel commented, “with the image of true genius – and genius in its happiest hour. It is one of those things an author never does but once” (in Kopley and Hayes 197).

Poe’s own essay “The Philosophy of Composition” is a useful guide to the creative conception of his masterpiece “The Raven”, but it also offers an extended exposition of the *modus operandi* of the process of writing poetry in general. In it he wrote:

It is my design to render it manifest that no one point in its composition is referable either to accident or intuition – that the work proceeded step by step, to its completion, with the precision and rigid consequence of a mathematical problem (*Essays and Reviews* 14-15). Nothing is more clear than that every plot, worth the name, must be elaborated to its denouement before anything be attempted with the pen. It is only with the denouement constantly in view that we can give a plot its indispensable air of consequence, or causation, by making the incidents, and especially the tone at all points, tend to the development of the intention. I prefer commencing with the consideration of an effect (13).

In this passage, Poe emphasized the complex mechanism of writing, a process, seen as a set of pre-conceived principles, which the writer / poet should follow in order to produce a good piece of writing. In his own description, composition cannot rely on accident or intuition. Rather, the perfect unity of rhythmical patterns and imagery, of form and content, can be achieved through long and meticulous work. Being engendered in the private corridors of the poet's "haunted" imagination and mind, the work of art finds its ultimate expression in a singular unit whose vastly important and defining artistic element is totality, or, in other words, what matters most, in the final analysis, is the impact, the effect which the poem produces on the reading audience.

In his attempts to accentuate on the meticulous work, which he performed during the creative process, Poe alluded to a note made by Charles Dickens on the mechanism of composition of a literary work: "By the way, are you aware that Godwin wrote his "Caleb Williams" backwards? He first involved his hero in a web of difficulties, forming the second volume, and then, for the first, cast about him for some mode of accounting for what had been done" (in Poe, *Essays and Reviews* 13). This comment came in response to Poe's examination and review of Dickens's novel *Barnaby Rudge* and was evidently intended to bring to the fore and emphasize the similarity of Dickens's own writing technique to that of Godwin. Although Edgar Allan Poe did not agree completely on this conceptualization, he nevertheless acknowledged the importance of commencing with the consideration of an effect, which is to say, not "to begin with the beginning" (Byron, "Don Juan"), but, rather, backwards. And if we follow Poe's own "philosophy of composition", we cannot but agree on the point that he followed "at least a somewhat similar process" (13).

Not only did he agree with Dickens on the notion of the reverse causality in the development of the "plot", but it is also probable that he distinctively outlined the image of the Raven in his imagination only after his encounter with the raven in Charles Dickens's novel *Barnaby Rudge*. He stated that the raven's "croakings are to be frequently, appropriately, and prophetically heard in the course of the narrative" (in Kopley and Hayes 192), most probably referring to Dickens's novel which he reviewed in 1841. What is more, Poe's raven has particular similarities to Charles Dickens's raven Grip, who can also speak, and is also tapping in a similar way at a shutter, like Poe's Raven – "gently rapping at [his] chamber door" (Poe, *The Norton Anthology of American Literature* 1370).

An interesting fact to note is that Poe's fowl had been initially designed as a parrot. He was thinking of a "non-reasoning creature capable of human speech" (*Essays and Reviews* 18), "and very naturally, a parrot, in the first instance, suggested itself, but was superseded forthwith by a Raven as equally capable of speech, and infinitely more in keeping with the intended **tone**" (my emphasis) (18), he wrote in the essay. It is evident that the first thing which was settled in the composition was the **tone** of the poem, the general mood which it was meant to convey. It was the tune of monotonous grief for which he found the "motto" "nevermore." Subsequently, thinking "backwards", he started looking for a fitting emblem which might best suit the dominant mood of the poem. And, being evidently unable to associate his pre-figured conception of grief and despair with the clownish and motley aspect of the parrot, he sought for a more ominous creature. And the obvious image, a Raven, stared at him from Dickens's pages. After seducing the poet's mind and imagination, it would become Poe's own immutable lifelong companion and a visiting card in his contemporary literary world. It would give him the title, set the tone and pervade the whole content of the eponymous poem. The Raven would sit arrogantly above the protagonist's chamber door, linger on and throw the curse of his sinister inspiration on his life and soul.

In an attempt to follow backwards step by step the process of the poem's composition and to invite his readers to peep behind the scenes, "at the wheels and pinions [...], which constitute the properties of the literary histrio" (*Essays and Reviews* 14), Poe identifies the next prop along the way to completion of his work, the concept of Beauty, which he defines as "the sole legitimate province of the poem" (16). He thought that only the impact of Beauty is powerful enough to elevate the soul of the reader to the imperial heights of the Divine. Only Beauty, and not Truth or Intellect can provoke sublimity, which is not a property of the heart, or of the intellect, but a prerogative of the soul. He wrote:

That pleasure which is at once the most intense, the most elevating, and the most pure is, I believe, found in the contemplation of the beautiful. When, indeed, men speak of Beauty, they mean, precisely, not a quality, as is supposed, but an effect – they refer, in short, just to that intense and pure elevation of soul- not of intellect, or of heart- upon which I have commented, and which is experienced in consequence of contemplating the "beautiful." Now I designate Beauty as the province of the poem, merely because it is an obvious rule of Art that effects should be made to spring from direct causes – that objects should be attained through means best adapted for their attainment- no one as yet having been weak enough to deny that the peculiar elevation alluded to is most readily attained in the poem (*Essays and Reviews* 16).

It is evident that Poe's images of Love and Beauty fall more into the realm of the sublime⁴ and in his conception of beauty he emerges as a truly romantic poet. He even surpasses his romantic predecessors in his concept of the Beautiful, which necessarily implies a sense of deadly melancholy. In Poe's view, the **melancholy** (my emphasis) experience of Beauty is the most legitimate of all poetical tones worthy of eulogy. And the inspiration for the poetical experience of Beauty, "the most poetical topic in the world" (*Essays and Reviews* 19) is, paradoxically, in all its melancholic extreme, "the death... of a beautiful woman" (19). Respectively, it is "equally beyond doubt that the lips best suited for such topic are those of a bereaved lover" (19). Being thus "supplied" with the theoretical and contextual contours of the "story," we can move further into the realm of Poe's artifice to see how these principles function specifically within the texture of the poem itself: the endless melancholy and sorrow of a student contemplating the loss of his Beloved "Lenore";

the dreary midnight “in the bleak December” (Poe, *The Norton Anthology* 1370), the dying embers of the fireplace which throw their ghostly reflections upon the floor; the maiden, who had died in her perfect youth and beauty, preserving forever the lineaments of her eternal grace; the translucent radiation of her angelic nature and, of course, the haunting and persistent presence of the black intruder, the sinister bird of ill omen:

Once upon a midnight dreary, while I pondered, weak and weary,
 Over many a quaint and curious volume of forgotten lore,
 While I nodded, nearly napping, suddenly there came a tapping,
 As of someone gently rapping, rapping at my chamber door.

Ah, distinctly I remember it was in the bleak December,
 And each separate dying ember wrought its ghost upon the floor.
 Eagerly I wished the morrow; – vainly I had sought to borrow
 From my books surcease of sorrow – sorrow for the lost Lenore –
 For the rare and radiant maiden whom the angels name Lenore –
 Nameless here for evermore (*The Norton Anthology* 1370).

Open here I flung the shutter, when, with many a flirt and flutter
 In there stepped a stately raven of the saintly days of yore;
 Not the least obeisance made he; not a minute stopped or stayed he
 But, with mien of lord or lady, perched above my chamber door –
 Perched upon a bust of Pallas just above my chamber door –
 Perched, and sat, and nothing more (1371).

Like a solitary stranger crossing the witching spaces of the eternal Night, the student wanders and ponders gloomily over scattered patches of quaint and “curious volumes of forgotten lore” in an attempt to find solace for his ailing soul. But it seems that with his beloved’s death, Life had taken off its mask of supercilious supremacy over death, and the student has to succumb humbly to the mystical and almost mythical power of the latter over his consciousness. From this point onward Life is contemplated merely as a shroud, which, after being lifted, reveals the face of an impenetrable darkness, the vast immensity of life’s other side. At this very moment the stately Raven, with his “mien of lord or lady”, emerges fittingly as the very personification of death itself, or “the death impulse”, to use Freud’s own phrasing. The student’s helplessness and vulnerability are further emphasized by the haunting repetition of the croaking refrain at the end of each stanza “Nevermore” – “the pivot upon which the whole structure might turn”, to use Poe’s own phrasing (*Essays and Reviews* 17).

The effect, which Poe has achieved, is really stunning: by adhering to the monotony of the repeatedly spoken refrain, he makes it sound like an echo, but not simply an echo. It is the resonating sound of the student’s own voice, desperately seeking answers to the way out of his existential impasse. It seems as though he had been locked in a gloomy dungeon in which the only thing he can hear is the echo from his own call. Thus the haunting presence of “nevermore” turns to a question mark (instead of an answer) to the irrational sorrows addressed in the form of a question to the Raven, to the unreasoning creature, instead of a higher power, which further adds to the impossibility of any rational explanation for the speaker. This makes him feel all the more entrapped in the space of a vicious circle, re-echoing indifferently and monotonously only his own words, his own state of existential solitude and despair. “Man can embody truth but he cannot know it”, wrote the Irish poet W. B. Yeats. According to Poe’s own accounts in the “philosophy”, the gradation of despair and existential solitude of the student reaches its climax in the following lines:

“Prophet!” said I, “thing of evil! – prophet still, if bird or devil! –
 By that Heaven that bends above us – by that God we both adore –
 Tell this soul with sorrow laden if, within the distant Aidenn,
 It shall clasp a sainted maiden whom the angels name Lenore –
 Clasp a rare and radiant maiden whom the angels name Lenore.”
 Quoth the Raven, “Nevermore” (*The Norton Anthology* 1372).

In Poe’s own words, his true writing of the poem started only after he produced this climactic stanza. He shared:

I first established in my mind the climax or concluding query – that query to which “Nevermore” should be in the last place an answer – that query in reply to which this word “Nevermore” should involve the utmost conceivable amount of sorrow and despair. Here then the poem may be said to have had its beginning – at the end where all works of art should begin – for it was here at this point of my pre-considerations that I first put pen to paper in the composition of the stanza (*Essays and Reviews* 19-20).

Obviously, he attempted to build up the poem's gradation by adding tension to the sorrows of the student. This effect he achieved by increasing the emotional intensity of the questions with which the student addressed himself to the Raven, the first query being a commonplace one, the second less so, the third still less and so on, while the refrain itself remained inflexible, like an indifferent imperative, a final verdict which is not liable to appeal. By increasing the power of the student's suffering and by keeping the inexorability of the monotonous "Nevermore", he widens the gap between his human condition and the possibility for a happy denouement.

The passage in the "philosophy" which deals with the climactic stanza and in which Poe propounds the idea that the student's last queries expressed "that species of despair which delights in self-torture" (*Essays and Reviews* 24), came somewhat as a surprise to me, though. Despite the fact that Poe was often attracted to bizarre behaviours in his tales, i.e. emotionally deranged characters who entomb living women, or take out their wives' teeth to find relief from their threatening intellectual power, such examples do not generally appear in his poetry. His insistence on the importance of "the perverse" is never explicitly championed in his poetic output, which is permeated with pure lyricism. Although in "the philosophy" he wrote that the student "experiences a frenzied pleasure in so modeling his questions as to receive from the expected "Nevermore" the most delicious because the most intolerable of sorrows" (*Essays and Reviews* 19), it seems more acceptable to me, as a reader, that this climactic stanza gives expression to a pure tone of endless despair, the irrational sorrow engendered at the borderline of the utmost experience in the life of every human being – Death. From this point onward, Poe immediately drops the fantastic tone for a tone of the most profound seriousness. The Raven emerges as a "grim", "ghastly", "ominous" bird, that is, in its naturalistic hues, a creature whose "fiery eyes" burn into the protagonist's "bosom's core". At the end of the poem, we can almost feel the physical presence of the Raven, the pain which the student feels when the fowl, driving his beak deeper and deeper into his devastated heart, would ultimately merge with his soul in a fatal bond that could be dissolved nevermore:

And the Raven, never flitting, still is sitting, still is sitting,
On the pallid bust of Pallas just above my chamber door;
And his eyes have all the seeming of a demon that is dreaming,
And the lamplight o'er him streaming throws his shadow on the floor;
And my soul from out that shadow that lies floating on the floor
Shall be lifted – nevermore (The Norton Anthology 1372).

Peyo Yavorov: *Le Poète Maudit* of Bulgarian Literature⁵

Baudelaire, the major mediator in promoting Poe tastes in Europe, who became the emblematic *poète maudit* of the *fin-de-siècle* and a very significant cultural model to follow, inspired various trends and representatives of European modernism across the continent, including the Bulgarian poet Peyo Yavorov. Although Yavorov's writings were produced more than a half-century after Poe's own full-blown creative height, there were essential similarities in their tragic conception and depiction of the surrounding world. This was undisputedly fostered by the author's acquaintance with Baudelaire's work, which "translated" Poe's aesthetic ideas in the European context, to which the Bulgarian poet also belonged.

Peyo Yavorov is considered one of the finest poetic talents in the *fin-de-siècle* Bulgarian literature. He was a prominent member of the *Misal* circle, a leading group of the modernist literary trend in the first decades of the 20th century, one of the so-called "famous four" (Pencho Slavejkov, Dr Krastyo Krastev, Petko Todorov and Peyo Yavorov) who became "legislators" of the modernist tastes of the time.

The "tragic curse" in the poetry of P. K. Yavorov

Though Baudelaire's greatest literary fame in his lifetime came with the translation of Poe's writings, the depths of horror and despair he achieved in his own poetry significantly surpassed Poe's explorations of the "macabre". The themes of suffering and death, of loneliness and existential solitude, of profound darkness and complete isolation from the surrounding world became the dominant topoi of the symbolists. The symbolist view that no one understands the torture of what it is to be alone against the universe, finds reflection in Peyo Yavorov's work, which elevated morbidity, pain and suffering to the status of *absolute existential verity* as effectively as Baudelaire did in his scandalous masterwork, *Les Fleurs du mal* (*The Flowers of Evil*). It can be argued that under the influence of Poe's, Baudelaire's and symbolists' ideas, Peyo Yavorov portrayed in his own poetry a Camus's world of absurdity, a poetic cosmos which emphasized the futile search for meaning, unity, and clarity in the face of an inscrutable sphinx-like world devoid of God and eternal truths or values. Like the mythical Sisyphus, who was condemned, "cursed" to repeat forever the same strenuous task of pushing a boulder up a mountain, only to see it roll down again, the poetic speaker in Yavorov's poetry performs similar activities, has a similar "cursed" destiny. The point of view of the protagonist is the existential stance at the fragile borderline of all contradictions, illogical discrepancies and meaningless activities because he has to vanquish death, to win victory over it in no other way than experiencing death over and over again. In my view, this is exactly what the modernist myth of Sisyphus which permeates Yavorov's work came to represent: the eternal titanic, albeit "cursed", struggle of humans against the inexorable laws of mortality in an attempt to achieve victory over death. And these attempts only SEEM meaningless, for the deepest meaning can be found not in victory but in strenuous struggle itself. The conceptualization of struggle as an inevitable and never-ending trial which has to be constantly surmounted is essential for the attainment of happiness. Constant struggle makes one a winner only if one loses over and over again. Camus's essay concludes in a similar vein: "The struggle itself [...] is enough to fill a man's heart. One must imagine Sisyphus happy" (Camus 123).

In his Preface to the Second edition of Yavorov's collection titled *Poems*, the popular erudite and poet Pencho Slaveykov, a member of the "Great Four", wrote:

If Mr Yavorov in his further development as poet emerges as victor from the inner intellectual struggle which he depicts in his narrative poem "Night", he can, indeed, be considered as a true successor of Hristo Botev and of those elements in his poetry, in which the poet-revolutionary expresses what is characteristically "national," typically Bulgarian in its finest form (in Mihaylov 95).

Pencho Slaveykov had an astute perception of Yavorov's personality and writings but was unable to see through his true essence, through the profound existential tragedy of his life and being. As it would become evident at a later stage in Yavorov's development, his real goal was not "to emerge as victor" from his internal struggle, from his individual and universal suffering, but to give expression and put an emphasis on suffering itself which would subsequently become a representative emblem of his entire work:

I've been searching... All my life in suffering I've wasted,
In search of suffering itself, maybe (Yavorov 151).

He wrote in the poem "I Suffer." In yet another poem, similarly, the emphasis is not on the final goal but on the painful road to its attainment. In "The Poet's Glory," "uncompleted song" and "broken cord" are eulogized and seen as necessary prerequisites for fame:

Glory! I can sometimes hear this strange word
At the mournful mention of the poet's name.
It sounds like some calumny or cruel jeer.
The sound of it keeps ringing in my ear.

Glory! It's the glory of an uncompleted song.
It's the cry of a violently broken cord,
An echo in the souls covered with mould,
Spurned by the prideful soul (Yavorov 196).

The Bulgarian critic Vasil Pundev, a contemporary of Yavorov, made an insightful observation about Yavorov's poetry:

The poems are characterized by some kind of iron grip and submission to haunting and obsessive imagery. The interior arches of his lyrics suggest a somewhat implacable doom. The dialogue in them is marked by intrusive repetition and paraphrase... The words sound ominously. [...]. The structure has the stony and petrified look of a mental labyrinth (Pundev 97).

Indeed, many of his later poems have a hermeneutic, closed and mirror-like structure, which seems to reiterate the echo of the speaker's own voice. The indifferent echo of the speaker's words in the poem "Adam's Song" "It seems that in a gloomy dungeon/ I hear only an echo from my call" (Yavorov 199) makes "man" feel entrapped within his own confused thoughts about earthly deeds. The only possible way to find out what is behind the impenetrable face of the echo is to be devoured by the dark bosom of death:

Death! It's all I see in the white arc
Of your secret tables, life! (Yavorov 174)

Here Yavorov introduces the theme of the extreme and mysterious experience of death itself, favoured by many of *les poètes maudits*. Life is seen merely as a shroud, a mask that the poetic speaker takes off and reveals the dark immensity of death. "It was a broad daylight / I took away its mask / And night came over me and sighed" (Yavorov 174).

The deliberate juxtaposition of life, symbolically correspondent with the carnival meaning of the mask, on the one hand, and death, which overwhelms the speaker, on the other, is intended to show the paradoxical convergence of the two mutually exclusive concepts. This ambivalent attitude becomes more and more pronounced in Yavorov's later work as the tragic split of personality emerges as the dominant motif and theme in Yavorov's "modernist decade" (1904-1914).

Yavorov's "curse" and the femme fatale

The recurrent topic of the tragically split ("cursed") personality in Yavorov's poetry, as in Poe's, acquires a particularly powerful note when it is engendered by the poet's yearning for the unattainable iconic image of the beloved woman (similar to Poe's poetic speaker's yearning for Lenore or Annabel Lee). The notion of ideal femininity in his later poetry is replaced by the image of the femme fatale (embodied by Lora Karavelova), seen as simultaneously angelic and demonic. As the attainment of the coveted "Holy Grail" by Yavorov, the romantic dreamer, turned out to be impossible, the frightening shadows of the demon-woman, "the monstrous child of crime and disgrace" (Yavorov 125), "the queens of the night" (Yavorov 201), the ambivalent nature of "sinful flesh and vision light" (Yavorov 154) crept

out from the deepest recesses of the subconscious poetic experience. These are the images of the unrealised Joan-of-Arc, which have lost their pristine purity:

Thou art a monster! Monstrous child
Of crime and disgrace,
In secret you were born by them
Away from even Satan's eye:
Born by filth and shame! And at your sight,
In horror, did they turn to stone (Yavorov 125).
or
O, cursed be the moment, woman, sinful flesh,
I saw you midst the cloud of my prayers.
My life has ever since been filled with haggard drowse...
My manly strength in battle hardened, is now gone!
My song has turned to wail for I have lost my way (Yavorov 162).

The male's "surrender" to a female's flesh evidently refers to the power of fatal femininity: to its mythical and mystical power over him: in yet another poem, the poetic speaker says: "...the strange perfume / of female flesh obscured my mind" ("The Mask"). Yavorov's obsession with Lora Karavelova, his femme fatale, especially after she committed suicide, precipitated his own suicide, which came to reaffirm the myth of Yavorov as a living embodiment of a poète maudit in the history of Bulgarian literature. In "The Cultural and Historical Significance of Yavorov's Tragedy" the famous Bulgarian critic Krastyo Kouyumdziev wrote,

Yavorov is a tangle of knots in which all the political, social and moral contradictions of our modern history are focused. They are not characteristic of his personality alone; they are characteristic of the society as a whole. However, he is the only one who elevated them to the status of sublime tragedy and paid with his life for doing so. In this way he proved that this tragedy is not literature, it is not poetry; it is rather the innermost substance of his spiritual being. In disentangling the knots of Yavorov's drama, we are in fact disentangling the contradictions of our cultural development. (...) The love of Lora and Yavorov and its tragic end reminds us of the ancient poems about love and death. Many people commit suicide out of love. But there is something else here, something which is not characteristic of our land. In her feminine grandeur Lora acquires the stature of a heroine from the legends who, through her own death wins the love of her beloved (Kouyumdziev 220-221).

The lives of Yavorov and Lora have become so inextricably bound that no biographer has so far succeeded in disentangling the myth from reality.

Notes

¹ All Poe's haunting and obsessive descriptions of emaciated bodies and consumption-like complexions of female creatures of his "Dark" ladies we find in the tales "Eleonora", "Ligeia", "The Oval Portrait", "Berenice", "Morella", "The Fall of the House of Usher" and "The Premature Burial".

² "Queens of the Night" is the title of Yavorov's cycle of narrative poems which envisage females as chthonic monsters, as "a monstrous child of crime and disgrace" ("Monster").

³ See Kopley and Hayes, pp.192-193. The line runs as follows: "With a rushing stir, uncertain, in the air, the purple curtain" (193).

⁴ See Edmund Burke's essay "A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful".

⁵ All translations from Bulgarian (poetry and prose) are my own (Y.D.).

REFERENCES

1. Куюмджиев, К. *Избрани страници* / К. Куюмджиев. – София : Български писател, 1983.
2. Михайлов, Димитър. „„Нош“ – Симетричният свят на поета” / Д. Михайлов // *Яворов - съвременни интерпретации*. Съставител Николай Димитров. – Велико Търново : изд. Слово, 2002. – С. 87–95.
3. Пундев, Васил. „При Яворов” / В. Пундев // *Страници за П. К. Яворов*. Съставител Панко Анчев. – Варна : изд.к. „Андина”, 1992. – С. 93–106.
4. Яворов, П. К. *Съчинения*. Т.1 / П. К. Яворов. – София : Български писател, 1965.
5. Camus, A. *The Myth of Sisyphus, and other Essays*. First vintage international edition / A. Camus. – March 1991.
6. Caws, M. A. *Robert Motherwell: What Art Holds* / M. A. Caws. – New York : Columbia University Press, 1996.
7. Elmer, J. *Reading at the Social Limit: Affect, Mass Culture, and Edgar Allan Poe* / J. Elmer. – Stanford University Press, 1995.
8. Hayes, K. "One-man Modernist" / K. Hayes // *The Cambridge Companion to Edgar Allan Poe*. – Cambridge University Press, 2002.
9. Kopley, R. "Two verse masterworks: "The Raven" and "Ulalume" / R. Kopley, K. Hayes // *The Cambridge Companion to Edgar Allan Poe*. – Cambridge University Press, 2002.
10. Neimeyer, M. "Poe and popular culture" / M. Neimeyer // *The Cambridge Companion to Edgar Allan Poe*. – Cambridge University Press, 2002.

11. Poe, Edgar Allan. *The Norton Anthology of American Literature*, vol. I, Third edition. Baym, Nina, [et al.] / E. A. Poe. – W. W. Norton & Company, Inc., 1989.
12. Poe, E. A. *Essays and Reviews* / E. A. Poe; Ed. G. R. Thompson. – New York : Library of America, 1984.
13. Weekes, K. "Poe's feminine ideal" / K. Weekes // *The Cambridge Companion to Edgar Allan Poe*. – Cambridge University Press, 2002.

Материал поступил в редакцию 01.11.16.

ЗАПОМИНАЮЩИЙСЯ РОМАНТИЗМ: МЕЧТАТЕЛЬНОСТЬ И ЧРЕЗМЕРНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭДГАРА АЛАНА ПО И ПЕЙО ЯВОРОВА

Я.Н. Даскалова, PhD, ассистент

Факультет современных языков, кафедра англистики и американистики
Великотырновский университет "Св. св. Кирилл и Мефодий", Болгария

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются мечтательность и чрезмерная образность в творчестве Эдгара Алана По и Пейо Яворова.*

***Ключевые слова:** романтизм, интертекстуальность, параллелизм, духовность, Эдгар Алан По, Пейо Яворов.*

УДК 82-313.3

**«ПОРТУГАЛИЯ НА ВЕСАХ ЕВРОПЫ» –
ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ Ж.Б. ДЕ АЛМЕЙДЫ ГАРРЕТТА
КАК ОСНОВА ЕГО РОМАНА «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО МОЕЙ ЗЕМЛЕ»**

М.М. Мазняк, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

***Аннотация.** В статье ретроспективно рассматриваются два произведения португальского писателя XIX века Алмейды Гарретта: философско-политический трактат «Португалия на весах Европы» и роман «Путешествия по моей земле», затрагивающие непростой вопрос цивилизационного развития современного автору общества. Являясь активным участником бурных политических событий первой половины XIX века в Португалии, в своём романе автор переосмысляет и переоценивает многие из этих событий. Предлагается прочтение романа «Путешествия по моей земле» с точки зрения философско-политического дискурса, нашедшего своё отражение не только в сюжете, но и в композиции произведения. Антагонистическим философским категориям идеализма и материализма соответствуют два принципа политического устройства общества – абсолютизм и либерализм, представленные в романе собирательными образами монаха и барона на нарративном и персонажах братом Динишем и Карлушем на сюжетном уровнях.*

***Ключевые слова:** Португалия, Европа, Алмейда Гарретт, путешествие, либеральные войны XIX века, конституция, сословия.*

Имя португальского поэта и писателя середины XIX века Ж.Б. де Алмейды Гарретта (1799–1854) не очень хорошо известно отечественному читателю, несмотря на то, что на русский язык переведены несколько его поэтических и прозаических произведений.

Общепринятым среди исследователей творчества португальского поэта и прозаика считается разделение его жизненного и творческого путей на два вектора: политический – революционная деятельность Алмейды Гарретта во время либеральных преобразований в стране и последовавшая дипломатическая карьера, и творческий – создание поэтических и прозаических произведений, реформа португальского театра, становление и укрепление романтической школы.

Обширное и разнообразное творческое наследие Алмейды Гарретта также можно разделить на два блока: фикциональный и дискурсивный. К первому относятся несколько романов, многочисленные сборники стихов, театральные пьесы. Ко второму можно отнести философские трактаты, дипломатические письма, парламентские речи, публицистические статьи.

Рассматриваемые произведения Алмейды Гарретта – трактат «Португалия на весах Европы» (1830 г.) и роман «Путешествия по моей земле» (1846 г.) переосмыслиют «смутное время» португальской истории середины XIX века – непростые попытки установления конституционной монархии, череда непродолжительных, но кровопролитных столкновений гражданской войны, чехарда революций.

Сам Алмейда Гарретт являлся деятельным участником бурных событий португальской истории 20-50-х гг. XIX в. Он был либералом, то есть сторонником конституционной монархии, причём ратовал за наиболее радикальный вариант Конституции, обнародованный в стране 23 сентября 1822 г. Либералам пришлось вступить в затяжную борьбу со сторонниками абсолютизма. В 1832-1834 гг. в стране разразилась гражданская война, закончившаяся победой либералов, которая, однако, не была окончательной. Внутри лагеря либералов сторонникам Конституции постоянно противостояли энтузиасты более умеренной Конституционной Хартии, политические перевороты лихорадили общество вплоть до 50-х годов, и многие узлы, завязанные в первой половине XIX в., разубались, причём ценой больших жертв со стороны португальского общества, уже в XX столетии.

В 1830 году молодой писатель, дипломат и революционер Алмейда Гарретт, находясь в изгнании в Лондоне, публикует трактат «Португалия на весах Европы». Трактат, написанный под впечатлением от июльской революции во Франции 1830 года, представляет собой широкое полотно быстро меняющегося мира, в котором делается попытка определить роль Португалии в европейском и мировом политическом контексте.

В истории всего цивилизованного мира Гарретт выделяет четыре расцвета цивилизации, имеющие различный хронотоп. Пространственно они связаны с четырьмя разными континентами, а хронологически следуют в таком порядке: первое место принадлежит Азии, где появились древнейшие цивилизации Индии и Китая; затем пришла очередь Африки с цивилизационным центром в Древнем Египте; третье место Гарретт отдаёт современной Европе, выросшей на эллинской цивилизации и имеющей современные границы благодаря Римской империи, и, наконец, четвёртой становится Америка (Северная и Южная), где уже начался и/или продолжается процесс освобождения колоний и формирования независимых государств.

В современном мире в Европе борются две основные силы: имперско-колониальная во главе с Англией и революционная во главе с Францией. На уровне отдельных стран в современной ему Европе Гарретт выделяет три державы: Англия, Франция и Испания. Это крупные государства с богатой историей и обширными заморскими колониальными владениями. Они постоянно соперничают между собой, то и дело нарушая складывающееся равновесие сил в Европе.

Останавливаясь на роли Португалии в новом европейском порядке, Гарретт выступает за возвращение её былого величия и значимости, которое заключалось в следующем: *«Былое равновесие поддерживалось за счёт Португалии, выступавшей в роли необходимого противовеса [выделено – М.М.] относительно трёх держав Западной Европы: Франции, Англии и Испании»* [9, с. 8-9].

Роман Алмейды Гарретта «Путешествия по моей земле» был опубликован в Португалии в 1846 году, и хронологически это одно из последних произведений художественной прозы автора. Определить жанровую принадлежность этой книги непросто: травелог, политический манифест, журналистский очерк, любовный роман – все эти жанровые модификации в той или иной степени представлены на страницах «Путешествий» [5, с. 494]. Первые девять глав романа представляют собой именно свободные размышления автора на самые разнообразные темы, которые постепенно ослабевают к середине романа, выдвигая на первый план собственно фикциональное повествование, однако ближе к концу произведения автор снова возрождает излюбленные отступления.

Нарративная канва романа базируется на реальном путешествии автора из Лиссабона в соседний город Сантарень, состоявшееся с 17 по 22 июня 1843 года, с целью повидать своего друга и соратника Пассуша Мануэла, главу революционеров-«сентябристов». К этому историческому событию присоединены многочисленные отступления, придающие произведению философский оттенок. Эти отступления всплывают «внезапно» и развиваются, отталкиваясь от деталей, подмеченных острым глазом героя-нарратора во время его поездки. Размышления то уводят в историческое прошлое страны, то пересказывают легенды и мифы, то поднимаются до абстрактных высот и затрагивают судьбы цивилизаций и проблемы мироздания. Однако эти отступления не просто «побочные» линии сюжетного построения произведения; они представляют собой заочный дистанционный «монологический диалог» нарратора с читателем: выводы, максимумы, заключения и сентенции требуют ответа, реакции или, по крайней мере, ответной рефлексии реципиента.

Историческим фоном фикциональной канвы произведения служит время гражданской войны между «либералами», сторонниками конституционной монархии и абсолютистами. Первые сцены датируются 1832 годом, затем действие «возвращается» на два года назад, а в конце стремительно «возвращается» к 1834 году.

Сентиментальный план романа – любовные и семейные отношения протагониста Карлуша – и на уровне сюжета, и на уровне рефлексии вписан в политическую картину страны. Карлуш, являясь «фикциональной маской» Алмейды Гарретта, проходит тот же жизненный и эмоциональный путь, что и автор романа: он изучает юриспруденцию в университете, где приобщается к либеральным идеям; проводит некоторое время в изгнании в Англии; вернувшись в Португалию, принимает участие в некоторых эпизодах гражданской войны, после чего расстаётся со многими юношескими «иллюзиями», из идеалиста превращается в материалиста и начинает заботиться не о судьбе страны, а о личном благополучии.

Политические и философско-политические «отступления» автора в романе носят ретроспективный характер итогового переосмысления событий. Важность такого рода отступлений Алмейда Гарретт подчеркнул в примечании к первому изданию романа: *«Политический замысел определяет моё путешествие в Сантарень...»* [14, с. 255].

В произведении сосуществуют два равноправных регистра: художественный и публицистический. Интересно отметить, что публицистическое начало происходит не в объективистски-безличной манере абстрактного повествования, как в трактате, а субъективно-лично связано с образом самого автора, Алмейды Гарретта, через конкретные реалии его биографии. Однако все размышления в романе, как и в трактате, вращаются вокруг судьбы либеральных преобразований в родной стране и закономерностей развития цивилизации.

Для философского осмысления мира привлекаются два известных, всегда диалектически борющихся и сосуществующих принципа: идеализм и материализм. Поскольку автор пишет роман, а не трактат, то для «оживления» сухого философского материала Гарретт находит довольно точную и богатую метафору – пару Дон-Кихот и Санчо Панса. Философским импульсом к рассуждениям автора служит один немецкий «Трактат о марше цивилизации», приписываемый некому «глубокому философу», жившему отшельником в одном рейнском королевстве: *«Он открыл, что в мире есть два начала: идеализм, развивающийся в отрыве от земной материальной части нашей жизни, с глазами, устремлёнными на собственные великие и отвлечённые теории, неподвижный, сухой, суровый, костный и нашедший своё воплощение в мифе о Дон-Кихоте Ламанском; и материализм, который, не обращая ни малейшего внимания на эти теории, в которые он не верит и которые заранее объявляет утопиями, оказывается наилучшим образом воплощённым в круглой и откормленной фигуре нашего старого друга Санчо Пансы»*¹ [2, с. 22]. Эти два начала цивилизационного развития, по мнению Алмейды Гарретта, не могут существовать друг без друга и *«как в истории хитроумного Сервантеса, в жизни эти два столь противоположных и несовместимых начала идут бок о бок, то опережая, то оставляя позади друг друга, чаще мешая, реже помогая друг другу, но всегда продвигаясь вперёд. Только так и возможен прогресс человечества»* [2, с. 22].

Относительно атрибуции упомянутого в романе «*глубокого и глухого философа*» [2, с. 22] среди исследователей творчества Алмейды Гарретта можно выделить два мнения. Одни полагают, что Гарретт имеет в виду Г. Шеллинга, который первым истолковал роман Сервантеса как символическую интерпретацию «*современной борьбы между идеалом и реальностью*» [9, с. 78]. По мнению Шеллинга, Дон Кихот и Санчо Панса – суть мифологические лица для всего культурного человечества [3, с. 246]. Другие исследователи считают, что Алмейда Гарретт обращается к Гегелю, о чём косвенно может свидетельствовать упоминание прогресса в «Путешествиях», поскольку рассуждения о прогрессе развития истории человечества имеются и в «Философии духа, или Учении об обществе» Г.-Ф. Гегеля: «*Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, – прогресс, который мы должны познать в его необходимости*» [Цит. по: 6, с. 161]. Тем не менее, нам представляется справедливым третий вариант – считать упомянутого немецкого философа фигурой в большей степени собирающей, обобщающей многочисленные рассуждения о развитии общества, цивилизации, прогрессе.

От философской оппозиции идеализм-материализм Алмейда Гарретт переходит к рассуждениям о народе, власти и политическом устройстве общества. И здесь он рассуждает вполне конкретно, так как говорит именно о португальском обществе, о преобразованиях в устройстве своей родной страны. На этом – нарративном – уровне Гарретт вводит персонифицированную аналогию символической паре Дон Кихот – Санчо Панса, а именно, двух персонажей – монаха (*frade*) и барона (*barão*): «*Монах был в каком-то смысле Дон-Кихотом старого мира*», «*Барон же является, почти во всех смыслах слова, Санчо Пансой нового мира*» [2, с. 66].

Социальные роли введённых персонажей, конечно, выбраны не случайно: если воспользоваться классификацией слоёв общества, разработанной Э.Ж. Сийесом, то монах является представителем второго сословия, а «барон» – третьего сословия.

Принадлежность «барона» к третьему сословию требует пояснения. Алмейда Гарретт, будучи активным участником политических событий, выделяет в бароне два основных принципа: он революционер, и одновременно ростовщик. Здесь речь идёт о признании факта появления нового слоя элиты, пришедшей в результате революционных изменений в стране, и о продажности и недобросовестности пришедших к власти личностей. Именно во многом благодаря Алмейде Гарретту слово «барон» приобрело в португальском языке оттенок пренебрежительности, обозначая собой нувориша, сделавшего состояние на биржевых спекуляциях и добившегося затем начального аристократического титула.

Есть в романе ещё один персонаж по имени Карлуш, интересный и важный тем, что наделён некоторыми биографическими чертами автора – Алмейды Гарретта. Карлуш вместе с другими либералами эмигрирует в Англию, влюбляется в сестёр-англичанок, попадает под влияние английских политических взглядов, затем высаживается на Азорских островах и участвует в эпизодах гражданской войны. Выступающий вначале как активный сторонник либерализма, он постепенно совершает ряд деяний, которые развенчивают его положительный образ. Но, сообразуясь с ходом реальной жизни, он начинает обходить возникающие трудности, где-то улавливать появляющиеся возможности. При этом оказывается причиной многих несчастий, причиняемых другим и в первую очередь, близким, людям, а в итоге, словно жёлчная ирония автора над традициями романтического повествования, становится биржевым спекулянтom. И если в самом начале автор пытается разглядеть в Карлуше черты Дон Кихота, то к концу становится понятно, что он воплощает Санчо Пансо, т.е. барона. Роман и завершается констатацией этой горькой иронии жизни, выраженной в лаконичном диалоге:

«– А что Карлуш?
– Карлуш стал бароном. Разве я вам не говорил?
(...)
– А вы знаете, что значит стать бароном?
– Конечно, знаю! У нас их не так мало.
– Так что, барон – это наследник...
– ... Монахов! Какая страшная замена!» [2, с. 297].

Несмотря на принадлежность к разным жанрам, трактат и роман имеют некоторые сходства и различия.

Первое: роман и трактат объединяет общая социально-политическая тематика рефлексии – вопросы развития общества, стадии цивилизаций, диалектической борьбы и единства идеалистического и прагматического подходов, формирования наций, причин и хода революций, их целей и результатов.

Второе: некоторые структурные и стилистические особенности трактата передались роману. Так, например, перед каждой главой и в трактате, и в романе даётся краткое описание будущих рассуждений. Более того, в романе присутствуют ссылки и комментарии автора, что придаёт художественному повествованию более «строгий» вид.

Третье: трактат и роман посвящены судьбе родной страны писателя, что вынесено в заглавие (в трактате прямо называется Португалия, в романе передаётся метафорически словосочетанием «*моя земля*»).

Основные заметные различия можно свести к следующему. Часть их обусловлена разной жанровой природой этих сочинений. Так, обращения в трактате происходят напрямую к нации, народу; а в романе – более опосредованно, через речь персонажей, через их поведение в предлагаемых сюжетом коллизиях. Выводы в романе также не формулируются явно, а показываются исходом ситуаций, судьбой персонажей и страны.

Другая часть различий вызвана изменившимися воззрениями автора. Ведь между трактатом и романом прошло шестнадцать насыщенных событиями лет.

Общий настрой трактата, написанного молодым автором сразу после решающих сражений и событий истории Португалии, – оптимизм. Роман же написан уже зрелым автором, спустя годы после либеральных преобразований в стране. Если в молодости Алмейда Гарретт был конституционалистом, ярким сторонником либеральных политических преобразований, то в романе он критикует победивший, установившийся режим конституционной формы правления за его приспособленчество, продажность и постепенную стагнацию. Одновременно, осуждая абсолютизм в начале своей социально-политической борьбы, автор теперь начинает проявлять к нему некоторое снисхождение: он оправдывает неудачи этой формы правления изолированностью от общества, неумением адекватно ориентироваться в объективно сложившейся, реальной ситуации, что вызвано крайней сосредоточенностью и замкнутостью на себе. Свои колебания и сомнения автор открыто формулирует в романе: «*Так я рассуждал наедине с самим собою, пытаюсь разрешить в душе тяжкое сомнение... Внутри меня Санчо Панса плоти боролся с Дон-Кихотом рассудка...*» [2, с. 23].

Итак, в своём романе «Путешествия по моей земле» переосмысливает прошедшие изменения и его выводы оказываются пессимистичными. Можно сказать, что именно в этом и кроется основная загадка и разгадка португальской рефлексии: сожалеть не о том, что ушло, а о том, что могло бы быть.

Примечание

¹ Здесь и далее – перевод О. Овчаренко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту. Состав., пер., вступ. ст. М.Б. Певзнера. – СПб.: Алетейя, 2003. – 224 с.
2. Алмейда Гарретт. Путешествия по моей земле / Алмейда Гарретт. – М., Голос, 2004. – 240 с.
3. Багно, В. Дорогами Дон Кихота / В. Багно. – М.: Книга, 1988. – 448 с.
4. Коконова, В.Б. Творчество Ж.-Б. Алмейды Гаррета: кризис португальской национальной самоидентификации и попытка его преодоления / В.Б. Коконова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15, вып. 3. – С. 70-73.
5. Мазняк, М.М. Дон Кихот vs Санчо Панса в романе Ж.Б. де Алмейды Гарретта «Путешествия по моей земле» / М.М. Мазняк // Древняя и Новая Романия, вып. 15, 2015. – С. 493-501.
6. Овсянников, М.Ф. Гегель / М.Ф. Овсянников. – М.: Мысль, 1971. – 223 с.
7. Овчаренко, О. Португальская литература. Историко-теоретические очерки / О. Овчаренко. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – 365 с.
8. Сарайва, Ж.Э. История Португалии / Ж.Э. Сарайва. – М.: Издательство «Весь мир», 2007. – 384 с.
9. Coelho, J. do Prado. A Dialéctica da História em Garrett / Coelho, J. do Prado // A Letra e o Leitor. Lisboa: Moraes, 1977. – 277 p.
10. Garrett, J.B. Almeida. Portugal na Balança da Europa / J.B. de Almeida Garrett. – Londres, 1830. – 351 p.
11. Garrett, J.B. de Almeida. Viagens na Minha Terra / J.B. de Almeida Garrett. – Porto: Porto Editora, 2005. – 275 p.
12. História Contemporânea de Portugal: 1808-2010. / Direção António Costa Pinto, Nuno Gonçalo Monteiro. – Vol. 2. A Construção Nacional. 1834-1890. – Lisboa, 2013. – 448 p.
13. Machado, F.A. Almeida Garrett e a introdução do pensamento educacional de Rousseau em Portugal / F.A. Machado. – s-l.: Edições Asa, 1993. – 207 p.
14. Mendes, V.J. A Morte do Leitor nas *Viagens na Minha Terra* / V.J. Mendes // *Revista Colóquio/Letras*. Ensaio, n.º 153/154, Jul. 1999. – P. 253-260.

Материал поступил в редакцию 28.12.16.

PORTUGAL IN THE BALANCE OF EUROPE – PHILOSOPHIC AND POLITICAL TREATISE BY J.B. DE ALMEIDA GARRETT AS A BASIS OF HIS NOVEL TRAVELS IN MY HOMELAND

M.M. Maznyak, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer
St. Petersburg University, Russia

Abstract. *In this article two writings by J.B. de Almeida Garrett, Portuguese writer of the 19th century are retrospectively considered: the philosophical and political tractate "Portugal in the balance of Europe" and the novel "Travels in my Homeland", which address the difficult issue on civilization development of society contemporary to the author. As an active participant of violent political events of the first half of the 19th century in Portugal, J.B. de Almeida Garrett reinterprets and reappraises many of these events in his novel. The reading of the novel "Travels in my Homeland" is suggested from the point of view of the philosophical and political discourse which are in the picture not only in the writer's theme but also in work composition. To the antagonistic philosophical categories of idealism and materialism two principles of political system of society correspond – the absolutism and liberalism which are presented in the novel by generalized characters of the monk and baron on the narrative level and on the subject level by the characters of friar Dinis and Carlos.*

Keywords: Portugal, Europe, Almeida Garrett, travel, liberal wars of the 19th century, constitution, estates.

UDC 80

NAKIBKHON TUGRALI AHRORI AND TURKIC BILINGUAL POETS

A.A. Shoev, Candidate of Philological Sciences, Teacher of the Tajik language and literature,
Head of Methodical Association of Social Sciences
Dushanbe International School, Tajikistan

Abstract. *This article explores the theme of the creative relationship based on the poetry by Tughral Ahrori, Fuzuli and Navoi. As a result, literature and literati play a prominent role in enhancing interethnic and international relations. Our humanists – poets, alongside their native language, owned other regional and international languages, had personal and professional relations, which have been successfully developed and distributed in society.*

Keywords: *Nakibkhon Tughral Ahrori, Fizuli, Navoi, zulkofiyatayn (two rhyming), Persian-Tajik literature, Turkish-Azerbaijani literature, Turkish-Uzbek literature.*

Literature is a connecting point of culture and courtesy of nations in the world. It continues fulfilling this important mission for centuries. People in the field of culture, especially literary people by making emotional connections with each other via literature talk about their works and achievements, use the best experiences in the literature among their works, assess each other's personality and spread the ideas that is found better to others.

Obviously, there are two ways of understanding belles lettres: one is translation and another is learning a language. Though translation is an acceptable and suitable method, reading belles lettres in the original language is much better and valuable, because it is more possible to capture all senses of an article that is mentioned by writer in its original version. For this reason, our classicists has taken a special attention to learn local and international languages beside their native language. It is a right place to remember the verse of Siddiqii Ajzi regarding the necessity of language learning:

Agar sesad zabon doni fuzun nest,
Hama ruzat ba kor oyad zabun nest.
Nadoni gar zaboni modari hud,
Pushaymoni nadorad okibat sud.
No woe if you know three hundred languages
No loss if all your days are lucky
If you don't know your native language
Your regrets don't help you at the fate.

In the course of time, the importance of notions and works of influential persons regarding the language learning becomes more comprehensible. In the scope of this, we would like to talk about the Tugral's views of the writers who used two languages as a consequence of language learning attempts.

Being a multi-language writer, Naqibkhon Tugrali Ahrori (1895-1919) was one of the famous representatives of the literature of the late 19th and early 20th century. He did pay much attention to language learning, especially to learning the Arabic, Turkish, Uzbek, Tatar, and Russian languages and worked with one of these languages. On the other hand, he continuously explored personalities and works of writers in different nationalities.

There is no doubt that the poet could speak the Arabic language. Then, Arabic was a priority language that was taught besides of other subjects at schools of that time. Accordingly, the contents of Tugral's work show that he used Arabism intensively and professionally. He mentioned this in his verse that some words he used in his works can hardly be found in all Arabic or Persian dictionaries:

Farhangi suhanhoi dakiki mani Tugral,
Ne tavri "Suroh" ast, na guftori "Hamis" ast.

This particular verse is sufficient to document his high professionalism in using the language though there can be found many other evidences too. Since the time Tugral lived was a period of integration and intercommunication between Central Asia and Russia, he had a sympathy to the Russian culture and language as other intellectuals of that time. He reflected this in his verse where he had talked about his meeting with a Russian intellect:

Didam ba aroba man zani rusiro,
Kardam ba kudumi o zamnbosiro.
Guft "Az hunaru fazl chi dori?!" Guftam:
"Shogird manam suhanvori tosiro".
I have seen a Russian lady in a cart,
I have approached her closer.
She said: what kind of job you can do,
I said: I am a student of a famous poet.

As we can see that he met with a Russian intellectual lady and proudly presented himself as a student of Firdavsi, a famous Tajik poet.

Tugral has got another lyric which is about an official person on that time where he criticized him by a good sense of humor. He tried an art of mixing in this lyric using Tajik, Uzbek and Russian languages:

Shunav az man hikoyat az Masehi kasfurushi,
Masehi kasfurusi ablahi beaklu hushinki...
Kalamdonash birinji, narhi o dah tanga neguyad,
Ozim sum olibman bu kalamdondur kumushinki...
Guburnotir ba man gufto, ki loshinki haroshinki,
Iki ming olti yuz unolti som gufta nadonistam.

Using Russian expressions in a poem was one of the rare methods that the poet introduced. There was nobody who had used this kind of way of writing lyrics till the literature of his time. As it is seen in the sample lyric, he also used Uzbek language besides Russian based on the rules of rhyme. It is obvious that Tugral was proficient in Turkish and Uzbek languages too. This is evidenced in his ‘Sokinoma’ work sheets where we can see plenty of poems in those languages.

It was rumored that bandits had robbed the people of Zarafshon valley and killed them if anybody from victims informed the local authority against the incident. There was hundreds of victims who were experiencing that kind of cruelty on that time. Niyoz and Jumaboy were two of the hundreds’ of victims who were killed by that bandits called ‘Bosmachi’. Jumaboy’s wife after remaining widow with her children asked help from Naqibhon Tugral Ahrori, who were a Head of the Committee for water and land of Falgar. Tugral asked his brother Mansurhoni Bobokhon, who was a rich man and working as an official, to help that family and wrote a verse describing that widow’s case:

Dod az dastat falak mardak kani?!
Jumaboy pastaki zardak kani?!
Besh bolaga beva boldi Tursunoy,
Kallai kok bulib uldi Jumaboy.
Complaint – where is the man,
Where is my Jumaboy
Tursunoy remained widow with five kids
Jumaboy died in his early ages.

This verse has got a social as well as satiric characteristic and mentioned professionally. He used some methods of muraddaf, tarse and mulamma in this verse.

Poem is a product of thinking. A person who can write a poem has got an ability of high quality thinking and a good knowledge of a language. Accordingly, the poet who writes poems in two or three languages can speak and think in additional languages proficiently and professionally besides mother tongue. Due to his excellent knowledge of languages, Tugral was familiar with works of Turkish and Uzbek poets who could write in Arabic, Persian-Tajik, Turkic-Azeri, and Turkic-Uzbek languages. He assessed and evaluated all those works and poets mentioning their good personalities and achievements in his ‘Ode of important persons’.

One of those bilingual poets who took Tugral’s attention was Muhammad Bin Sulaymoni Bagdodi with the nickname of Fuzuli (1483-1558). Fuzuli was born in Bagdad. He was educated by his father who was a judge of Bagdad. Fuzuli was a talented person writing poems in Turkic-Azeri, Persian-Tajik, and Arabic languages. He is accepted as one of the founders in Turkic-Azeri, Persian-Tajik, and Arabic literature being first who used aruz (Metric Tajik-Persian poetry) in Turkic-Azeri poems and works such as “Bangu Boda” (Бангу бода) and “Suhbat-ul-asmor” (Сухбат-ул-асмор). Let’s see the poem which Fuzuli wrote about good faith and love:

Yor hohi, dilo zi jon bigzar,
Az hama hastii jahon bigzar...
Yakdilu yakzabonu yakru bosh,
Az sari tezii zabon bigzar.
Az Fuzuli nasihate bishnav,
Dar yakin koshu az gumon bigzar.

It is said in the poem that if you want love you should be ready to sacrifice your life, to lose everything in this world. Tugral appraised Fuzuli’s talent and works in the literature saying that he is one of the founders of Turkic literature:

Nest ba Turki chu Fuzuli digar,
Boda hamon boda buvad har kujost.

Actually, for a man who is enlightened in literature and knows other languages well, all literary people and their works in literature are precious and deserve respect. Tugral was that kind of man who was aware of Fuzuli's works and especially his poems in Turkic-Azeri language. So, he considered Fuzuli as a unique and number one writer of Turkic-Azeri poems while he, being a native speaker of Azeri, could work and write successfully in Persian-Tajik and Arabic languages too.

Another poet whom Tugral appreciated and admired is Nizomiddin Alisher Navoi (1441-1501). Navoi studied the school of Abdurahmoni Jomi. Thanks to the instructions of Jomi, Navoi found a true pad in the literature and became a famous poet. Navoi wrote Persian-Tajik poems under the nickname of Foni studying in the Persian-Tajik literacy schools and learning techniques of poetry from literature authorities such as A. Jomi. Later on, he continued writing poems in Turkic-Uzbek, which was his native tongue, under the nickname of Navoi with the recommendations of Jomi. Navoi has got tremendous contributions to the Uzbek literature and has been considered one of the founders of the Uzbek language and literature. He was literally talented poet with a good personality. He was involved in bureaucracy of that time in Timur dynasty administration and was helpful to the people in need and provided scholars of that time with good opportunities. Therefore, it can be said that Tugral liked Fuzuli due to his excellent talent in poetry while he admired Navoi for his efficient personality and generosity. Tugral took Navoi as a sample person to mention authorities of his time that they should help and support literary people and scholars:

Bin, ki Alisher Navoi chi kard?!
 Bulbuli bisyor az o dar navost.
 Bud darash majmai arbobi fazl,
 To ba kunun az karamash kissahost.

The expression of the verse "Bulbuli bisyor az o dar navost" means that the literary people and scholars who got a support from Navoi commended and praised him a lot. Tugral affirmed that Navoi had organized meetings where they worked and discussed on literature and poetry. Navoi said about charity and generosity a verse, which is an evidence of his good manner and personality:

Javonmard az karam muflis nagardad,
 Sahiro az ato chin nest dar chehr.
 Ba poshidan chi nuks oyad ba daryo,
 Ba afshondan chi kam gardad zari mehr.

The friendly relationship of Jomi and Navoi as a master and a student in literature as well as the sample personalities of those prominent persons can be a source shaping the relations of Tajik and Uzbek nations. Therefore, it is always important to take all measures to learn literature, intellectuals' life and their exemplary and enlightening practices. Certainly, it is not possible to include all information about all bilingual Turkic intellectuals who are mentioned in Tugral's "Kasidai Buzurgon" (Verse about prominent persons) in this article. Therefore, we finalize the article thinking that those two important literary men will be enough as a sample to capture the main point of this work. As a consequence, it becomes obvious what is Tugral's opinion about Fuzuli and Navoi and it can be summarized as below:

1. Literature is an important medium to connect different nations in the world. Because it affects people's notion in different regions either directly or through translation introducing the writer to different nations and connects likeminded people with each other making closer different nationalities. The relationship between Tajik, Turkish and Uzbek intellectuals in the literature for a long time is a distinct instance that can approve the power of literature in the international relations.
2. Nakibkhon Tugrali Akhrori, being a bilingual poet, has got respect and admiration to Fuzuli and Navoi.
3. It becomes obvious that Tugral, whose native tongue was a Tajik, studied works of Fuzuli and Navoi in their original language knowing very well Turkish and Uzbek besides Arabic language.
4. Tugral liked Fuzuli due to his excellent talent in poetry while he admired Navoi for his efficient personality and generosity.
5. Having similarities and admiration to bilingual poets, Tugral perpetuated good manners of classical literature culture making some contributions in his time.
6. Opinions and findings of Tugral about the personalities and talents of those two great poets-Fuzuli and Navoi is literal and supported by conclusions of other specialists in literature and resources of literature history.
7. Today we should save good manners of classical literature culture, learn more international languages besides our native language, contribute to the global citizenship by the means of our literature.

REFERENCES

1. "Gulchine az gulzori nazmi Fuzuli". Dartahia va sarsuhani Rahim Hoshim. – Stalinabad : Nashriyoti Davlatii Tojikiston, 1960.
2. Ahrori, N. T. Devon. Taskheh va tavzehu peshguftori Nurali Nurzod / N. T. Ahrori. – Khujand : Khuroson-Media, 2015.

3. Durj-3. Kitobkhonai buzurgi electronii sheri forsi.
4. Fuzuli, M. Devoni Forcii Fuzuli. Ba ehtimomi Husayba Mozy-Ughlu / M. Fuzuli. – Tehran : Dabirhonai kungurai buzurgdoshti Hakim Muhammad Fuzuli, 1374.
5. Hazor Suhan az sadshoir. Dartahia va sarsuhani Ibrokhimi Nakkosh. – Dushanbe : Irfon, 2011.
6. Navoi, A. A. Devon Amir Alisher Navoi. Ba ehtimomi Ruknuddin Humoyunfarruh / A. A. Navoi. – Tehran : Asotir, 1375.
7. Phoni, A. A. Devon Forsi. Dartahia va sarsuhani Alii Muhammad / A. A. Phoni. – Dushanbe : Irfon, 1993.

Материал поступил в редакцию 27.12.16.

НАКИБХОН ТУГРАЛИ АХРОРИ И ТЮРКСКИЕ ДВУЯЗЫЧНЫЕ ПОЭТЫ

А.А. Шоев, кандидат филологических наук, преподаватель таджикского языка и литературы, руководитель методического объединения общественных наук
Международная школа г. Душанбе, Таджикистан

***Аннотация.** В этой статье рассматривается тема творческих взаимоотношений на основе поэзии Туграла Ахрори, Фузули и Навои. Результатом является то, что литература и литераторы играют видную роль в укреплении межнациональных и международных связей. Наши гуманисты-литераторы, наряду с родным языком, владели и другими региональными и мировыми языками, имели личностные и творческие взаимоотношения, которые с успехом развивали и распространяли в обществе.*

***Ключевые слова:** Накибхон Туграл Ахрори, Фузули, Навои, зулкофиятайн (двухрифмовка), персидско-таджикская литература, турецко-азербайджанская литература, турецко-узбекская литература.*

Literary Theory. Textology
Теория литературы. Текстология

УДК 82.0, 821.162.1

**К ВОПРОСУ ОБ ИМПРЕССИОНИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ СТАТЕЙ К. БАЛЬМОНТА
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ К. БАЛЬМОНТА «ЯН КАСПРОВИЧ. ПОЭТ ПОЛЬСКОЙ ДУШИ»)**

Е.С. Борисова-Юрковская, кандидат философских наук, (PhD), адъюнкт
Институт русистики, Варшавский университет, Польша

***Аннотация.** Статья посвящена обсуждению проблемы импрессионизма как отличительной черты стиля Константина Бальмонта. Автор проводит сравнительный анализ ряда прозаических текстов русского символиста и показывает, что импрессионистический характер статей и эссе Бальмонта, в отличие от поэтических произведений, не может быть объяснен в рамках стратегии изображения сиюминутных впечатлений жизни. Мозаичный стиль прозы Константина Бальмонта скрывает устойчивую и неизменную на протяжении всего творческого пути позицию по отношению к литературному процессу. Автор статьи обращается к не переведенной ранее на русский язык книге Константина Бальмонта «Ян Каспрович: поэт польской души». Воссоздавая контекст написания Бальмонтом этой работы, автор вводит в оборот отечественного литературоведения ряд фактов, помогающих глубже понять характер связей Бальмонта с объединением «Молодая Польша».*

***Ключевые слова:** Константин Бальмонт, Ян Каспрович, импрессионизм в литературе, «Молодая Польша», символизм.*

Константина Бальмонта русская литературная критика более ста лет назад записала в крайние индивидуалисты; субъективизм поэта, абсолютная верность своему стилю неоднократно отмечались современниками. Он открыл в самом себе весь мир и не уставал вглядываться в его глубины, вслушиваться в голоса своей космической души. З. Гиппиус, характеризуя поэта, подчеркивала эту замкнутую на себе личностную отдельность: «Бальмонт был – Бальмонт, ценность в себе, всегда себе равная» [4, с. 332]. М. Цветаева в «Воспоминаниях о современниках» отмечала: «У меня всегда чувство, что Бальмонт говорит на каком-то иностранном языке, каком – не знаю, бальмонтском» [6, с. 88].

Его переводы шедевров мировой литературы выходили томами в ведущих символистских изданиях, но вместе с тем поэт подвергался резкой критике собратьев по цеху за неспособность изменить своей слишком узнаваемой манере: «К. Бальмонт почти исключительно занят передачей *размера* подлинника, – писал В. Брюсов, – и совсем, например, пренебрегает стилем автора, переводя и Шелли, и Эдгара По, и Бодлера одним и тем же, в сущности, бальмонтским языком» [2, с. 47]. Переводы Бальмонта критиковали также М. Волошин, И. Бунин, В. Набоков, К. Чуковский. Однако несомненным является тот факт, что, пусть и субъективные, переводы Бальмонта открыли для русского читателя ряд значительных имен европейских поэтов, впервые познакомили с литературными памятниками майя, египтян, индусов.

Практически все творчество Бальмонта несет на себе автобиографический отпечаток или являет читателю глубоко субъективную рецепцию той или иной темы. И тем удивительнее кажется сочетание специфического взгляда внутрь себя с желанием объять весь мир. Самый «субъективный» поэт России Константин Бальмонт – также самый страстный путешественник, объехавший почти весь мир, переводчик более чем с десяти языков, ценитель чужого слова и чужого гения. Из своих многочисленных путешествий он привозил не только впечатления, но и переводы древних текстов.

Бальмонт большое внимание уделял подготовке к поездке, изучал языки народов, с чьей культурой ему предстояло познакомиться. Из воспоминаний поэта мы узнаем, что он вел переписку с ведущими индологами и египтологами, проводил дни в библиотеках Мехико и Каира.

Увлечение поэта американскими и восточными культурами нашло свое отражение в стихотворениях и эссеистике поэта, но по-настоящему плодотворный диалог состоялся с близким ему по духу европейским гением. Уже в первом стихотворном сборнике «Под северным небом» Бальмонт посредством эпитафий соотносит свои поэтические смыслы с мировой поэзией, тенденция нарастает в следующих сборниках – «Тишина» и «Горящие здания», где каждый цикл предварен одним или даже двумя эпитафиями. Отдельным поэтам (например, Бодлеру или Лермонтову, а также многим своим современникам) Бальмонт посвящает стихотворения, а цикл «Антифоны» открывается собирательным посвящением: «*К любимым поэтам*». Характер интереса Бальмонта к чужому поэтическому гению, возможно, объясняют такие строки:

*Нам нравятся поэты,
Похожие на нас.* [2, Т. 1, с. 287].

Этот интерес к Другому – во многом всматривание в себя. Он видит себя через них или их через себя. Но сходство дарования и общность тем – не главная причина интереса Бальмонта к европейским поэтам. Бальмонт почти не исследует литературное мастерство и контексты, его интересует отдельность личности поэта, он захвачен идеей избранности творца. Только творец по-настоящему свободен, и в этой свободе он равен Богу. Бальмонт пишет в статье «Чувство личности в поэзии», первой в сборнике «Горные вершины»: «Есть только один вопрос, имеющий безусловное значение для человека: должен ли он видеть в себе средство или цель... Тысячи людей глядят на себя как на орудия» [2. Т. 6, с. 289], в то время как надо желать для себя всего, так как «безраздельная сила действенного хотения есть путь достижения и источник власти над людьми <...> Поэтому нам и нравятся поэты и пророки, что они не знают пределов своим мечтам» [2. Т. 6, с. 290–291].

Гений – это явление торжества человеческого духа. Очертив этот круг избранников, поэт и сам по праву таланта оказывается в их числе. Бальмонт, и это характерно для всех представителей русского символизма, проводит границу между двумя мирами – миром обычных людей и миром гения. В цикле «Аккорды» появляется заветное *сверхчеловек* по отношению к художнику: «Намеки на сверхчеловека, обломки нездешних миров...» [5. Т. 1, с. 163]. К теме избранности творца Бальмонт неустанно обращается на протяжении всего творчества. Наиболее показательна и полно эта тема представлена в сборнике статей «Горные вершины», посвященному размышлениям о «вершинах сознания и творчества». В предисловии автор открывает читателю свой замысел: собрать под одной обложкой размышления о гениях. Поэт смотрит в их души и видит целые миры, которые достойны погружения в них, он пишет: «всходить на высоту, приближаться вплоть к глубоким душам, глядеть в их яркие зрачки, глядеть в их жуткие колодцы. Что может быть красивее глубокой Человеческой Души!» [5. Т. 6, с. 278]. Этих великих поэтов и пророков Бальмонт называет гениями-охранителями национальной культуры. Он убеждает читателя: чтобы понять национальную культуру, надо прежде всего проникнуться искусством национальных гениев, их имена – это и вершины культуры, и ориентиры для всего народа.

Развивает свою мысль Бальмонт следующим образом: «Кто хочет сказать Эллада, тот скажет Гомер и Эсхил, Гераклит и Платон. Кто скажет Данте, Леонардо, Рафаэль, Микель Анджело, на того глянет не только золото и лазурь итальянской мечты, но и вся красота человеческого достоинства, вся гражданская мощь этой страны, чье имя так нежно. Кальдерон и Сервантес, Греко и Веласкес охраняют в веках Испанию много надежнее, чем ее охраняли войска всех испанских королей. Два сладко шелестящие имени, Шекспир и Шелли, говорят о том, что холодный народ, любящий без конца завладевать колониями, имеет кроме этого сомнительного свойства и много добрых качеств и будет жить, когда историческое Завтра весьма уменьшит число этих владений» [5. Т. 6, с. 205].

Это же размышление появляется в одной из его поздних книг «Ян Каспрович: поэт польской души» (1928). К этой работе Бальмонта нам хотелось бы присмотреться внимательнее. Не переведенная на русский язык, она редко попадает в поле зрения исследователей. Несмотря на то что она не является значимым произведением в творчестве поэта, который к концу двадцатых годов уже оставил позади эпоху своей славы, анализ этого текста позволит верифицировать две гипотезы относительно стиля Бальмонта.

Первая (I) гипотеза состоит в следующем. Обращение к чужому гению для Бальмонта не носит характер научного исследования творчества или строго понимаемой критики, по этой же причине мы не находим у Бальмонта точных переводов поэзии. Соприкосновение с гением – это особого рода практика выхода за пределы обыденности в мир божественных избранников, где действуют совсем другие законы. Только равный может понять равного, рассказать о его даре, полученном не в этом мире. И если интуиции поэта не совпадают с трезвым мнением исследователя, то для Бальмонта это скорее доказательство наличия непроходимой пропасти между «обычным» человеком и его знанием и подлинным гением и его сверхзнанием. Как такое постижение реализуется на практике, становится понятно из текста книги.

«Ян Каспрович: поэт польской души» – это небольшая шестидесятистраничная брошюра, представляющая собой импрессионистический некролог, посвященный поэту-символисту, участнику объединения «Молодая Польша» Яну Каспровичу, умершему двумя годами раньше. «По-настоящему моя поэтическая дорога никогда не сходилась с дорогой Каспровича, но вот уже более пятнадцати лет я испытываю большую любовь к его творчеству», [7, с. 25] – сообщает Бальмонт на первых страницах книги. Первые переводы поэзии Каспровича Бальмонт публиковал еще в начале века, однако переписка поэтов завязалась уже перед самой смертью Каспровича. В 1928 году по заказу польского ПЕН-клуба Бальмонт делает перевод стихотворного сборника «Księga Ubogich» («Книга Смиранных»), готовит текст лекции о Каспровиче и пишет лирический некролог. По приглашению вдовы Каспровича Марии, русской по происхождению, Бальмонт с женой Еленой Цветковской посещает виллу «Харенда» в Закопане, где польский поэт прожил последние годы. Во время пребывания на вилле Бальмонт работает над переводами и книгой, вживаясь в поэтическую атмосферу быта польского символиста. Воспоминания Марии Каспрович позволяют не только реконструировать биографический контекст написания книги, но также узнать мнение музы и жены поэта о том, насколько справедливо провозглашенное Бальмонтом почти мистическое сходство-единение двух поэтов.

Мария Каспрович убеждена, что близость двух поэтов только видимая. В поэзии Каспровича на первом месте всегда находится «живой человек во всей его человечности (даже Валигора – абсолютный человек),

а у Бальмонта человека нет, есть лишь его эссенция, нет настоящего, есть только безвременье» [9, с. 122]. Даже самые пламенные эротические стихотворения Бальмонта на самом деле посвящены не реальной женщине, а безличной стихии любви («он любит свою любовь»).

Бальмонт считал поздние стихотворения Каспровича самым лучшим из всего, что было им написано, а знаменитых «Гимнов», прославивших польского символиста, никогда не понимал. Мария Каспрович так комментирует решение Бальмонта отдать предпочтение «Книге Смирненных»: «Не представляю себе, чтобы Бальмонт при всей его чувствительности, на которую он способен по отношению к чужому языку и поэзии, мог бы по-настоящему проникнуться настроением «Гимнов». Навсегда чуждым останется для него их христианская основа, трагизм греха и покаяния. Религиозность Бальмонта иного порядка. Он поклонник стихий... язычник» [9, с. 119]. Понятие «грех» для Бальмонта, объясняет Мария Викторовна, чуждо и непонятно, а за Каспровичем стоит вековое христианство. Для Каспровича стихи – это молитвы, идущие изнутри, а Бальмонту нужны внешние потрясения и впечатления, чтобы творить. «Он говорил: слова *грех* для меня не существует; ошибка, несчастье, фатальность – это другое дело» [9, с. 125]. Мария Каспрович убеждена, что в Бальмонте нет смирения, простоты, отличавших ее мужа. Находясь в гостях в доме знаменитого покойного поэта, Бальмонт с присущей ему экстравагантностью объявил себя лучшим поэтом России.

Но не только экстравагантность побуждает Бальмонта подчеркивать значимость своего места в русской литературе. Обратим внимание, кого Бальмонт называет гениями современной польской литературы, – Станислава Выспяньского и Яна Каспровича: «Выспяньский и Каспрович – это две вершины польской поэзии конца XIX – начала XX века. Один – драматичный Эльбрус, второй – лиричный Чатырдаг» [7, с. 28].

Прежде чем начать с читателем разговор о Каспровиче, Бальмонт приводит большую цитату и стихотворение из, казалось бы, не относящегося к предмету разговора романа о Выспяньском Станислава Лака. Но в этой отсылке, как нам кажется, лежит ключ к пониманию логики некролога Каспровичу. Цитата сложна и туманна и не позволяет составить представление о замысле автора романа, это только намек на что-то значительное. Следуя за движением мысли Бальмонта, открываем роман Лака. При ближайшем рассмотрении он оказывается незаконченным некрологом Выспяньскому. Первая часть появляется в печати в 1908 году, а через год Лак умирает. С. Пазуркевич издает его отдельной книгой и предпосылает ей вступление, в котором характеризует роман следующим образом: «величественный прощальный голос над могилой Выспяньского, некролог, полный поэзии. Лак предстает здесь не только как критик, но и как выдающийся лирический поэт» [10, с. 2]. Пазуркевич отмечает, что Лака и Выспяньского предельно сблизил общая судьба – тяжелая болезнь и ранняя смерть. Автор романа не нуждается в надуманных образах и метафорах, его красками становятся «глубокие переживания, овеванные чарами грусти».

Главный герой романа – молодой человек, называющий себя *Дон Кихот*, все остальные персонажи выведены в романе под именем *Санчо Панса*. Санчо Панса – любой человек, с которым сталкивается герой: «Дон Кихот узнает его везде: в людях, в письмах, в газетах, в книгах, на картинах, на фотографиях, а иногда и в собственном образе, увиденном в зеркале. <...> Дон Кихот именем Санчо Пансы не стремится назвать кого-то несуществующего, символического, а всех людей, с которыми сталкивается...» [10, с. 4–5]. Однако, добавляет автор, люди выдающиеся Санчо Пансами в романе не называются. Пазуркевич поясняет замысел автора: «Во «Фрагменте» автор предстает в роли мечтательного Дон Кихота, полного тонкой иронии по отношению к Санчо Пансе, то есть окружению и его настроению в минуты смерти и похорон Выспяньского» [10, с. 2]. Дон Кихоту дано знать и чувствовать то, что каждому обычному Санчо Пансе видеть не дано. Смерть Выспяньского Дон Кихот переживает мистически: сгущаются одушевленные сумерки, предвестники будущей трагедии; проза по мере приближения к моменту смерти поэта все более тяготеет к поэзии; Выспяньский в агонии – повествование окончательно трансформируется в стихи; жизнь его тает и окончательно угасает к концу длинной поэмы о трех парках, прядущих нить жизни. Только мистически одаренный писатель способен понять и передать значение другого творца, за чьей жизнью и смертью наблюдают высшие силы.

Бальмонт, сравнив Выспяньского с Каспровичем и предварив свой лиричный текст о жизни и смерти Каспровича отсылкой к роману Лака, задает свое видение системы координат, в которых находятся гении и «обычные» люди. Теперь уже Бальмонт – Дон Кихот, которому открылись скрытые от посторонних глубинные связи между жизнью и поэзией Каспровича. Бальмонт настойчиво обращает внимание не на христианское смирение Каспровича, а на его бунт, на его вызов Богу. Как равный, Каспрович требует от Бога ответа и по праву избранного получает его: «как сокрушитель всех преград тряс рукой исполинской закрытые двери Божьего Дома, хотел разрушить медью окованные ворота мироздания, но, найдя золотой ключ под ясенем, больше не ссорясь с Богом, пошел по великой дороге, просветленный, как омытая грозой лазурь, тихий, как дитя, убаюканное нянькой, мудрый и красивый, как блеск созвездий над северными пучинами» [7, с. 40]. Бальмонт – Дон Кихот прозревает за творческой эволюцией Каспровича события мистического порядка. Равновеликий, он смотрит на поэзию польского гения с перспективы, недоступной для Санчо Пансы. Не случайно он настойчиво подчеркивает свое родство с Каспровичем: называет его *братом*; утверждает в нем ту же, родную себе, солнечную основу; рассказывает о своей, еще в детстве оформившейся, связи с польской литературой, с польским языком.

К Польше, польской литературе и польскому языку Бальмонт обращался в разные периоды своего творчества. В этом отношении характерна польская тема романа «Под новым серпом», повествующего о детстве поэта, статья «Мысли Словацкого», в которой Бальмонт собрал понравившиеся ему философские мысли польского мистика, ряд выступлений и статей в поддержку польского народа. Широко известны его переводы поэзии Юлиуша Словацкого, Адама Мицкевича, народных польских песен. Присмотревшись внимательно к тексту книги о Каспровиче, мы обнаруживаем огромное разнообразие цитат, собранных Бальмонтом из своих же работ. И это замечание дает

нам повод перейти ко второй (2) гипотезе, которая касается импрессионизма, этой яркой отличительной черты творчества Бальмонта, которая с разной степенью интенсивности обнаруживает себя как в его лирике, так и в прозе.

Поздние работы, а в том числе и «Ян Каспрович», разворачивают перед нами пестрое полотно цитат и мыслей, которые, на первый взгляд, могут показаться случайными, выбранными под настроение, но на самом деле окажутся давно отобранными и обдуманними, уже нашедшими свое место в творческой вселенной писателя. Повторение собственных мыслей и когда-то понравившихся цитат, на наш взгляд, не плод работы второпях, потому что выбираются они не из одного источника, а из многих, да еще и разнесенных по времени. Это самоповторение скорее служит доказательством целостности мировоззрения Бальмонта. За яркими, как будто случайными импрессионистическими мазками угадывается устойчивая модель отношения поэта с общеевропейской культурной традицией.

Импрессионизм – устоявшееся среди исследователей определение стиля Бальмонта. К. Азадовский, например, полагает, что в лирике Бальмонт больше импрессионист, чем символист [1]. Повод для такой маркировки поэт предоставляет сам. В программной статье «Элементарные слова о символической поэзии» Бальмонт пишет: «Символическая поэзия неразрывно связана с двумя другими разновидностями современного литературного творчества, известными под названиями декадентства и импрессионизма. Я чувствую себя совершенно бессильным строго разграничить эти оттенки...» [5. Т. 6, с. 350].

Признание «бессилия» отличить символизм от импрессионизма часто служило и основанием для упреков в адрес Бальмонта. Известный исследователь русско-польских литературных связей Збигнев Бараньский дает следующую оценку поэта (ссылаясь в данном фрагменте на его книгу о Каспровиче): «Бальмонт был типичным представителем импрессионистической литературной критики, в художественных произведениях искал только вдохновения для собственных эстетических опытов, искал “отражения самого себя, своей борьбы, своей тоски, своей любви”» [8, с. 42]. Критик упрекает Бальмонта в нежелании считаться с голосом автора, чьи стихи он переводит. В этом пункте оценка Бараньского совпадает с характеристикой, данной Марией Каспрович. Причину невнимания к стилю переводимых поэтов Бараньский усматривает в импрессионистической манере Бальмонта, иначе, в художественном волюнтаризме, безответственности, бесосновности и поверхностности.

П. Куприяновский глубже всматривается в проблему стиля Бальмонта и полагает, что «импрессионизм понимался Бальмонтом не только как стиль, но и как мироощущение. “Истинно то, что сказалось сейчас <...> Вместить в каждый миг всю полноту бытия – вот цель”, – так определял В. Брюсов поэтическое кредо новых бальмонтских книг начала 1900-х годов». [3]. В подтверждение своей идеи Куприяновский приводит стихотворение «Я не знаю мудрости...», называя его визитной карточкой импрессионизма в русской литературе.

В свою очередь разделяя все три представленные выше точки зрения, настаиваем на другой расстановке акцентов. Бальмонт пишет мазками, *черпает пригоршнями драгоценные камни* из сокровищницы чужого гения и превращает их в литературные образы, связи и ассоциации. Но пафос импрессиониста – запечатлеть то, что явилось нам на миг здесь и сейчас, – невозможно назвать вполне справедливым для Бальмонта, особенно для Бальмонта-прозаика. Импрессионизм Бальмонта – более чем мироощущение, это мировоззренческая установка, продуманная и неизменная во всем творчестве писателя.

Попробуем внимательнее посмотреть, как Бальмонт кладет эти яркие мазки. Нами были выбраны несколько примеров, когда поэт использует в книге о Каспровиче отработанные им ранее мыслеобразы. Справа в таблице располагаются цитаты из книги «Ян Каспрович: поэт польской души», слева – цитаты из статей (1, 3, 4) и романа «Под новым серпом» (2).

<p>1. Кто хочет сказать Эллада, тот скажет Гомер и Эсхил, Гераклит и Платон. <...> Кальдерон и Сервантес, Греко и Веласкес охраняют в веках Испанию много надежнее, чем ее охраняли войска всех испанских королей. Два сладко шелестящие имени, Шекспир и Шелли, говорят о том, что холодный народ, любящий без конца завладеть колониями, имеет кроме этого сомнительного свойства и много добрых качеств и будет жить, когда историческое Завтра весьма уменьшит число этих владений» [5. Т. 6, с. 205].</p>	<p>1. Нет ни Индии древней без Ашвагоши и Калидасы, ни Эллады без Гомера, ни Италии без Данте, и, говоря об Испании, не станешь рассказывать об открытии Нового Света, но новый мир и новый свет находишь в бессмертных произведениях Сервантеса и Кальдерона, и не на череду Генрихов и Эдвардов указываешь, говоря – Англия, но шелестом цветущих деревьев вызываешь двух полубогов – Шекспира и Шелли [7, С. 36].</p>
<p>2. ... заглянул в свою душу и увидел, что грезящее и мыслящее сознание отдельного «я», наделенного художественным мироощущением, и есть высшее богатство, которого только и можно желать. Игнатий Лойола говорил: «Бог и я, нас только двое в мире» [5. Т. 5, с. 374].</p>	<p>2. Игнатий Лойола подарил душам такой девиз: «Dios у yo» – «Бог и я, нас только двое в мире». <...> Этот сияющий лучами девиз проходит нитью и по жизни Каспровича... такой гармонии со Вселенной, что на каждом повороте своей дороги находит сокровища, и не нужно ему ничего необыкновенного [7, С. 45].</p>
<p>3. В лучшем произведении замечательнейшего из польских писателей Зигмунда Красинского <i>Небожественная Комедия</i> есть слова, которые должны были бы стать мировым лозунгом: «Человеком быть не стоит – Ангелом не стоит. – Первый из Архангелов через несколько столетий, как мы через несколько лет нашей жизни, почувствовал скуку в своем сердце и возжаждал могущественнейших сил. – Нужно быть Богом или ничем» [5. Т. 6, с. 290].</p>	<p>3. У гордого Зигмунда Красинского в его вещи «Небожественной комедии» есть слова, подобные искрам, высеченным из кремня: «Человеком быть не стоит – Ангелом не стоит. – Нужно быть Богом или ничем» [7, С. 45].</p>

4. Если мы будем говорить о польской поэзии, мы можем назвать много блестящих имен <...> Но, если говорить о краугольном, мы должны назвать троезвездие – Мицкевич, Словацкий, Красинский [5. Т. 6, с. 187].

4. Такими были пророки троезвездия – гений «Импровизации», любимейший народом тайнопевец сердца польского Мицкевич; крылатый менестрель стиха польского, преисполненный пророчеств гусяр и король-дух Словацкий; провидец «Небожественной комедии» Красинский [7, С. 36–36].

Обратим внимание, что форма выражения часто меняется, в то время как контекст остается неизменным. Бальмонт не просто расцвечивает текст яркими более или менее подходящими цитатами, но выбирает именно те, уже продуманные, мысли, которые помогают ему показать место творца в мире.

Отдельного внимания заслуживает следующая интуиция писателя. В статье «Ветер», входящей в сборник «Где мой дом» (1920–1923), Бальмонт в эссеистической свободной манере собирает стихотворения тех поэтов, которым в разное время удалось поймать ветер в сети своей поэзии. Тут Словацкий, Шелли, Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Майков, Фет, Балтрушайтис и Каспрович, чьими воздушными стихами, как порывом ветра, обрывается статья. «Он мечется по полю, ветер...» – стихотворение из сборника «Минуты», а не из переведенной Бальмонтом «Книги Смиранных», тем не менее именно его, «Ветер», Бальмонт выбирает на роль перво-символа, составляя портрет польского поэта. Это художественное решение служит доказательством того, что импрессионизм Бальмонта несправедливо объяснять сиюминутным вдохновением. Если бы поэт работал именно так, то он ограничился бы более свежим, здесь и сейчас вдохновляющим его материалом – переводами из «Книги Смиранных». Но он по-своему верен себе и оказывается прав. Годы спустя именно это *ветровое* четверостишие будет выбито на скульптурной композиции (на простом камне) в парке «Зофьювка» в Иновроцлаве, на родине Каспровича. В переводе Бальмонта – очень вольном и далеком от оригинала – эти строки звучат так: «Он мечется по полю, ветер, Средь жита он путь свой пронесит, Где хочет, вздохнет, отдохнет там, О том никого он не спросит».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский, К. М. К. Д. Бальмонт / К. М. Азадовский // Русские писатели. XIX век. Биобиблиографический словарь. В двух частях. Часть 1. А-Л / Под редакцией П. А. Николаева. – М.: Наука, 1990. – С. 143 – 153.
2. Брюсов, В.Я. Фиалки в тигеле / В.Я. Брюсов // Перевод средство взаимного сближения народов: Худож. публикация. – М.: Прогресс, 1987. – С. 291– 297.
3. Куприяновский, П. В. Бальмонт [Электронный ресурс] / П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанова. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1032185/Kupriyanovskiy_-_Balmont.html (дата доступа: 15. 11. 2016).
4. Собрание сочинений. В 15 т. / З. Н. Гиппиус. Бальмонт // Т. 13. – М.: «Дмитрий Сечин», 2012. – С. 332 – 336.
5. Собрание сочинений. В 7 т. / К. Д. Бальмонт. – М.: Книжный Клуб «Книговек», 2010.
6. Цветаева, М. И. Пленный дух: Воспоминания о современниках. Эссе / М. И. Цветаева. – СПб.: Азбука, 2000. – 445 с.
7. Balmont, K. Jan Kasproicz. Poeta duszy polskiej / K. Balmont. – Częstochowa: Nakładem tow. oświaty narodowej, 1928. – 63 с.
8. Barański, Z. Literatura Polska w Rosji na przełomie XIX–XX wieku / Z. Barański. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1962. – 143 s.
9. Kasproiczowa, M. Harenda – Warszawa: Dom Książki Polskiej, 1934. – 167 s.
10. Lack, S. Fragment powieści (o St. Wyspiańskim) / S. Lack. – Częstochowa: Księgarnia A. Gmachowskiego, 1924. – 38 s.

Материал поступил в редакцию 30.11.16.

ON IMPRESSIONISTIC STYLE OF K. BALMONT'S ARTICLES (K. BALMONT'S JAN KASPROWICZ. POET OF POLISH SOUL CASE STUDY)

E.S. Borisova-Yurkovskaya, PhD, Adjunct
Institute of Russian Studies, University of Warsaw, Poland

Abstract. The given article deals with the discussion of the issue of impressionism as distinctive feature of Konstantin Balmont's style. The author gives the comparative analysis of many prosaic texts of the Russian symbolist and shows that impressionistic character of articles and essays by Balmont, unlike poetic works, can't be interpreted within the strategy of the image of momentary impressions of life. Mosaic style of K. Balmont's prose covers over the position to the literary process, which is long-standing and changeless during whole creative career. The author of this article addresses K. Balmont's book "Jan Kasproicz. Poet of Polish Soul", which has not been earlier translated into Russian. Recreating the context of writing of this work by Balmont, the author introduces a number of the facts helping understand more deeply the Balmont's bond character with the association "Young Poland" into domestic literary criticism.

Keywords: Konstantin Balmont, Jan Kasproicz, impressionism in literature, " Young Poland ", symbolism.

УДК 80

СЕМАНТИКА НЕКОТОРЫХ ГИДРОНИМИЧЕСКИХ ИНДИКАТОРОВ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Г.Ж. Мамбетова, старший научный сотрудник-исследователь

Нукусский государственный педагогический институт, Республика Каракалпакстан, Узбекистан

Аннотация. В статье проанализированы гидронимические названия, собранные с северных районов Каракалпакстана. В ней даны только те индикаторы, которые применяются только в каракалпакском языке. При исследовании гидронимов особое место занимают индикаторы. Приведены примеры из толкового словаря каракалпакского языка и других научных источников.

Ключевые слова: гидроним, индикатор, термин, водные объекты, оросительная лексика, семантика индикаторов.

Вода – источник жизни. Мы не можем представить себе жизнь, живую природу, мир без воды. Вода – содержание человеческой жизни. На протяжении многих веков наш народ использовал воду и водные объекты в бытовых целях, и поэтому дали им бытовые названия. На территории Каракалпакстана наряду с Аральским морем, Амударьей существует множество таких водных объектов, как озеро, море (Мёртвое море) *арна, изейкеш, айдын, кудык, жап, салма*. Все они названы различными названиями согласно своему местонахождению, географической площади, назначению. В них явно можно проследить историю народа, социально-экономический быт, пройденный путь до наших дней.

В тюркских языках в исследованиях ряда ученых ведется речь о гидронимах.

Например, Жаббаров Хожамурад в своей кандидатской диссертации на тему: «Оросительная лексика узбекского языка» [2] ведет речь о лексических единицах, связанных с оросительными работами естественным и искусственным путями, в частности, о лексических пластах, связанных с оросительной лексикой, вопросами, связанными с их этимологией в узбекском языке. Он в своем труде также уделяет внимание лексическим единицам, связанным с водой, водным путям, их частям, лексическим единицам, указывающим на движение воды, обозначающие площади естественного орошения, естественные водные пути и хаузы (искусственные водоемы).

А Н.М. Улуков в своей докторской диссертации анализирует с историко-лингвистического аспекта гидронимы узбекского языка.

Он в своем исследовании пишет: «Понятие гидронимы с точки зрения языкознания охватывает широкое понятие. Более 40 названий водных объектов и мест топонимической площади в узбекском языке составляют особенную семантическую группу – гидронимов, т.е., гидронимию» [7].

Здесь, конечно, особое место занимают гидронимические индикаторы, которые пополняют ряды гидронимов. В появлении гидронимов в каракалпакском языке существуют индикаторы, имеющие ряд своеобразных особенностей. Например: *арна, баттақ, булақ, дәрья, теңиз, жап, жылга, салма, изейкеш, сага, айдын, коллектор, көл, көпир, музлық, насос станциясы, шуңгил, кудык, ҳаўиз* и другие входят в их состав.

В вопросах исследования общих гидронимов термин **индикатор** занимает особое место, так как в большинстве случаев гидронимические названия применяются с различными индикаторами.

Слово **индикатор** в латинском языке обозначает понятие «указывающий» [3, С. 59].

Г.Н. Донидзе [1, С. 169-171] и В.И. Попова [4, С. 150] те компоненты, которые выполняют роль источника при создании гидронимов, называют «топонимическими или гидронимическими терминами».

И в каракалпакском языке встречаются ряд гидронимических индикаторов, которые крайне редко встречаются в других языках.

Например, в ТСКЯ [6] значения индикатора слова **булақ** выглядят следующим образом:

1. Источник воды, вытекающей из горы или земли.
2. Источник происхождения чего-либо, основа.
3. Много, навалом, бушующий и другие семы.

Поскольку, как нам известно, северные районы по географическому расположению являются равниной, а земля почвенной, гидронимы, употребляющиеся с индикатором **булақ**, встречаются очень редко. Например: Арзымбет булақ (Канлыкульский район). Это не горная местность, а равнина, и называется она так из-за того,

что из песчаной земли естественным путем вытекает вода (булак – родник). Также на территории северного района очень редко встречаются гидронимические индикаторы **сай, жылға**.

Потому что в IV томе ТСКЯ индикаторам слов **сай, жылға сай** даются следующие толкования:

1. Анғар, жыра.
2. Жайылым суў, суўдың ултаны.

Кудык – в IV томе ТСКЯ дается как *круглое или четырехугольное углубление, глубоко выкопанное до появления воды*. В основном, наравне со словом **кудык**, в качестве синонима продуктивно применяется индикатор **куйы**.

Индикатор слова **жасқа** в тюркских языках при создании гидронимов почти не встречается.

Во II томе ТСКЯ (Толковый словарь каракалпакского языка) слово **жасқа** объясняется как «плоское место, предназначенное для спуска и поднимания песка на берегу реки, арыка, канала». Во многих случаях, люди, чьи дома расположены очень близко к реке, арыку или каналу, также называют лестницу, выкопанную вручную от берега до уровня воды для ее добычи.

Например: Минаж жасқа (Кегейлийский район), Қанияз жасқа (Кегейлийский район). Значит, как мы видим, индикатор **жасқа** так называется по имени того, кто его выкопал, или же на чьей территории он находится.

Из индикаторов, образующих гидронимы, уместно назвать ряд лексических единиц, которые встречаются только в каракалпакском языке. Например: сала, тармак, шығанақ, қолтық, қак, жармыс, қойнаў, тарнаў, жыққын, кулак, кулама и др.

Как (лужа) – это индикатор, связанный с водой, по семантике означает «Застойную воду, образованную от осадков в углублениях на ровной земле». [5. С. 105]. Например:

- Қақтың суўын аңсап келген кийиктей,
Биз келгенбиз илим излеп аўылдан.
(Мы пришли из аула в поисках знаний,
Словно олени, ищущие лужу после дождя) (И. Юсупов).

Қолтық (пролив) – это место, имеющее круглую или треугольную форму берегов моря, озера, арыка или оросительных каналов полей [5, С. 169].

Если индикатор **кулак** означает «канаву, куда вытекает вода из арыка», то индикатор **кулама** означает «воду, падающую вниз под сильным напором» [5, С. 189].

Из вышеизложенного можно сделать выводы, что гидронимические индикаторы, их семантика, вопросы истории создания, случаев заимствования из других языков, этимологии являются основными вопросами каракалпакского языкознания, которые ждут своих решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Донидзе, Г. И. Гидрономические термины в тюркских языках / Г. И. Донидзе // Ономастика. – М., 1969. – 226 с.
2. Жаббаров, Х. Оросительная лексика узбекского языка: канд. дис. ... филол. наук / Х. Жаббаров. – Т., 1996. – 126 с.
3. Максютлова, М. А. Русско-каракалпакский словарь иностранных слов / М. А. Максютлова. – Нукус: Билим, 1992. – 96 с.
4. Попова, В. Н. Гидрономические термины Павлодарской области / В. Н. Попова // Топонимика Востока. – М., 1969. – 239 с.
5. Толковый словарь каракалпакского языка. III том. Нукус: Каракалпакстан, 1988. – 368 с.
6. Толковый словарь каракалпакского языка. IV том. Нукус: Каракалпакстан, 1992. – 636 с.
7. Улуков, Н. М. Историко-лингвистическое исследование гидронимов узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Улуков. – Ташкент, 2010. – 298 с.

Материал поступил в редакцию 09.01.17.

SEMANTICS OF SOME HYDRONOMY INDICATORS IN KARAKALPAK

G.J. Mambetova, Senior Researcher

Nukus State Pedagogical Institute, Republic of Karakalpakstan, Uzbekistan

Abstract. The article analyzed the hydronymic names of northern regions of Republic of Karakalpakstan. Author gives indicators used only in Karakalpak. In the study hydronyms indicators have a special place. The article gives examples from explanatory dictionary and other scientific sources.

Keywords: hydronym, indicator, term, water objects, lexis of irrigation, semantics of indicators.

УДК 8.81.811.111.8:81'373

ЗАИМСТВОВАНИЕ ЛЮБОВНОЙ ЛЕКСИКИ В СРЕДНЕАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖЕФФРИ ЧОСЕРА)

Ю.О. Семенова¹, А.Х. Абдульманова²¹ старший преподаватель, ² кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Аннотация. Статья посвящена описанию этимологических особенностей заимствованной лексики среднеанглийского периода. В работе описываются слова любовного вокабуляра, устанавливаются способы их проникновения в язык и степень ассимиляции. Постулируемые утверждения подкрепляются примерами из контекста.

Ключевые слова: среднеанглийский период, этимология, заимствование, любовная лексика.

Лексический состав среднеанглийского языка в значительной степени отличается от языка современного – многие слова существенно изменили свое значение или вовсе исчезли. Великий поэт Джеффри Чосер, несомненно, внес большой вклад в формирование как литературных традиций английской поэзии в целом, так и в сложение английского вокабуляра.

Феномен «любовь», как один из наиболее значимых в эмоциональной сфере человека, разнообразно представлен в языке. Детальное рассмотрение любовной лексики в произведениях Джеффри Чосера позволит оценить его влияние на историю английского языка, литературу и жизнь общества в позднесредневековый и современный периоды.

Предметом этимологии является история лексики и семантики языка [1]. Этимология изучает происхождение слов, исследует источники и процесс формирования словарного состава языка. Связь формы и значения слова со временем нарушается по ряду причин – происходят изменения лексической и грамматической систем языка, трансформируются словообразовательные модели, морфологические преобразования слова искажают структуру морфем.

Развитие значений слова вытесняет его первичную мотивацию. В современной науке под целью этимологии понимают определение того, в каком языке, на каком историческом этапе, на базе какой первичной мотивации, от какого слова, по какой словообразовательной модели и с каким первичным значением образовано слово, а также выяснение путей и причин его преобразования вплоть до последнего состояния [2].

Не последнюю роль в развитии словарного состава любого языка играют заимствованные слова.

Как правило, заимствования характеризуются более узким спектром значений в принимающем языке и отсутствием этимологии у данного слова в языке-реципиенте. Такое слово редко имеет более одной грамматической формы. Появление разнообразных аффиксальных производных данного слова свидетельствует о его закреплении в языке.

В исследованных произведениях Джеффри Чосера («Троил и Крессида», «Роман о Розе», «Кентерберийские рассказы», цикл стихотворений «The Minor Poems») зарегистрировано 100 заимствованных слов, относящихся к сфере любовной лексики.

1. Слова, заимствованные через фр. язык и имеющие лат. корни: *affecioun, amiable, amisamorous, amorous, aventure, beautee, bounte, charme, chastete* и др.

2. Слова, заимствованные через фр. язык и имеющие и.-е. корни: *conscience, feithfully, felicitee, fortune, gentil, joie, noble, norish, spouse, tender, tenderly*.

3. Слова, заимствованные из латыни и имеющие лат. корни: *desolat, secre, sikernesse*.

4. Слова скандинавского происхождения *thrifty, thriven*.

Слова, заимствованные через французский язык и имеющие латинские корни

Слово *aventure* можно отнести к любовной лексике, когда оно используется в значении *любовное приключение*:

(1) The fyres which that on myn auter brenne

Shul thee declaren, er that thou go henne,

Thyn *aventure* of love, as in this cas. (КТ 1497) – Огни, которые горят на моём алтаре, / Объявили, что тебе / Предрешено судьбою любить.

Богиня Диана предрекает героине *любовное приключение*.

Aventure встречается в произведениях Дж. Чосера в значениях *приключение, случайность; судьба, удача; опасность, риск; предприятие*.

Имя существительное *aventure* заимствовалось в английский язык с 1200 г., означало *то, что происходит*

случайно, благодаря судьбе или удаче. Это слово произошло от ст.фр. *aventure* – *вероятность, случай, появление, событие, происходящее*, и появился во французском языке в XI в. от лат. *adventura (res)* – *то, что вот-вот произойдёт от adventurus*, причастия будущего времени от *advenire* – *доходить до, достигать, прибыть в*, от приставки *ad-*, обозначающей направление + *venire* – *приходить* [7].

Глагол *florishen* – *цветсти, процветать* – заимствован в английский язык в начале XIV в. Произошел от ст.фр. *floriss* – *цветсти, расти*, от лат. *florere* – *цветсти, цветение, цветок*, образно *цветсти, процветать*.

Имя существительное *flourish* – *цветок, цветение, цвет* образовалось путём конверсии от глагола *flourish* и известно в английском языке с 1500 года [6].

(2) Remembre yow that Iesus Syrak seith: “a man that is joyous and glad in herte, it him conserveth **florisshing** in his age; but soothly sorweful herte maketh his bones drye.” (MonT 2185) – Помни, что говорил Иисус: «Если человек весел и доволен сердцем, в нём сохраняется цветение его молодости, но истинно грустное сердце заставит его кости умереть».

В данном контексте пышущий здоровьем человек – радостный человек. Грусть и тоска убивают.

Имя существительное *beaute* появилось в английском языке в начале XIV в. Означало *физическая привлекательность, доброта, вежливость*. Произошло от а.н. *beute*, от ст. фр. *biauté* – *красота, соблазнительность, красивый человек*, от лат. *bellus* – *прекрасный, красивый, очаровательный*.

В классической латыни использовалось для описания женщин и детей. Возможно от и.-е. **dw-en-elo-*, уменьшительное от корня **deu* – *делать, выполнять; выказывать благосклонность*. Заменяло д.а. *wlite* [7].

(3) And with that sighte hir **beautee** hurte hym so, (KT 1114) – И своим видом её красота так его поразила.

Сила воздействия красоты на героя необорима.

(4) The God of Love, jolyf and light,

Ladde on his honde a lady bright,

Of high prys, and of greet degree.

This lady called was **Beautee**, (RR 1003) – Бог Любви прекрасный и светлый, / Вёл за руку прекрасную даму, / Драгоценную и превосходную. / Эту даму звали Красота.

В данном контексте *Красота* – имя дамы, которую ведёт за руку Бог Любви.

Ритмический рисунок и рифма в данной строфе позволяют судить о сохранении ударения на последнем слоге, как у французского слова – *Biautés*, поэтому можно утверждать, что в «Романе о Розе» имя существительное *beautee* не полностью усвоено фонетически. О графически ограниченной ассимиляции свидетельствует характерный французский суффикс *-ee-*, позднее вошедший в английский язык.

Слово *graceles*, означающее *without (a lady's) grace, favoUr*, – *без благосклонности дамы*, возможно, впервые записано Дж. Чосером, т.к. его появление в с.а. датируется концом XIV в. [7] Образовано путём аффиксации от фр. *grace* + *-less*.

(5) O **gracelees**, ful blind is thy conceit

No-thing ne artow war of the deceit

Which that this fox y-shapen hath to thee! (CYT 1078) – О, лишённый благосклонности, слеп твой рассудок, / Ничто не борется с этим обманом, / Который ведёт эта лиса, которую ты создал сам.

Герой лишён благосклонности своей дамы, не видит обмана, который совершается по отношению к нему.

Слово *grace* появилось в с.а. в конце XII в. Оно означало *благодать, божественная милость, божественная помощь; провидение, судьба; добрая воля, польза, милосердие, доброта, добрые действия*. Заимствовано из ст.фр. языка *grace* – *прощение, божественная благодать, милость, благосклонность, благодарность, утончённость, добродетель*. Имеет лат. корень *gratia* – *благосклонность, уважение, внимание, приятное качество, добрая воля, благодарность*, произошло от и.-е. корня **gwere* – *благоприятствовать*. [7]

Данная лексема полностью ассимилировалась в английском языке, поскольку не ощущается в настоящее время как иностранная.

В отличие от исконного слова *love*, лат. *amor* Дж. Чосер использовал только однажды, объясняя букву «А» на фермуаре Аббатисы:

(6) **Amor** vincit omnia (GP 162). – *Любовь побеждает все.*

Amor – лат. включение в текст «Кентерберийских рассказов», употребляется как дополнительная характеристика персонажа, доказывающая, что Аббатиса – очень образованная дама.

Однако французское заимствование, *amour* – *любовь*, хоть и не было ни разу использовано Дж. Чосером, существовало в с.а. с 1300 г. Образовано от ст. фр. *amour*, от лат. *amoret* – *любовь, привязанность, сильные дружеские чувства*, от *amare* – *любить* [7].

Имя существительное *compassioun* – *сострадание* в английском языке известно с середины XIV в., произошло от ст.фр. *compassion* – *сочувствие, жалость*, от лат. *compassionem* – *сочувствие*, имени существительного, образованного от причастия прошедшего времени глагола *compati* – *испытывать жалость*, от *com-* – *вместе* + *pati* – *страдать*.

Лат. *compassio* – это калька заимствованного из гр. *sympatheia*. Д.а. калька слова *compassion* – *efendrowing* [7]. Слово *compassioun* по-видимому, заимствовалось в письменной форме, поскольку написание близко к орфографии языка-источника.

(7) *And for to have of hem compassioun* ... (TC В I 50) – И чтобы выразить ему сострадание...

Лексема *honour* – *слава, известность, снискавший славу* – заимствовалося в английский язык с 1200 г., из а.н. *honour*, от ст.фр. *honor*, от лат. *honorem* – *честь, достоинство, служба, репутация*. [6]

Значение *a woman's chastity* – *целомудрие женщины*, впервые записано в конце XIV в. [7]

(8) *And, for the love of god, sin al my trist*

Is on yow two, and ye ben bothe wyse,

So wircheth now in so discreet a wyse,

That I honour may have, and he plesaunce; (TC В III 941) – И, ради Бога, поскольку я верю / Только вам двоим, а вы оба мудры, / Я доверяю вашему разуму и мудрости, / Нужно сделать так, / Чтобы я могла сохранить честь, а он – получить удовольствие;

Героиня печётся о сохранении своей *чести*, но, доверяя мудрости своего дяди, согласна на визит царевича Троила.

Имя существительное *jealousy* – *ревность, рвение, заботливость* (GC) в английском языке используется с 1200 г., произошло от ст.фр. *jalousie* – *энтузиазм, любовь, тоска, ревность*, от ст.фр. *jalos* – *заинтересованный, ревностный, скупой, ревнивый*, от лат. *zelosus*, от *zelus* – *рвение*, от гр. *zelos* – *соперничество, рвение, режа ревность, зависть*.

Значение *рвение, пыл, преданность* впервые записано в конце XIV в. [7]

(9) *Jalous* he was, and heeld hire narwe in cage, (MiIT 3224) – Он был ревнив и держал ее точно в клетке.

В данном примере *ревнивый* муж никуда не отпускает жену, следит за ней.

Имя прилагательное *likeraus* – *соблазнительный, чарующий, влюблённый*, встречается в произведениях Дж. Чосера 8 раз (пример 10).

Наречие *likerausly* – *любовно, похотливо* – произошло от ст.фр. *lekier* [6] Образовано путём аффиксации *liker+ous*. *Likerausly* образовано *likeraus+ly* (-ly – суффикс, формирующий наречия из прилагательных, означает *имеющий качество, подходящий*).

(10) *And sikerly she hadde a likerous* ye; (MiIT 3244) – И верно, у нее были соблазняющие глаза.

В данном контексте взгляд героини очаровывает и соблазняет, в нём даже есть некая распушенность, развращённость.

(11) *Oloferne, which fortune ay kiste*

So likerously and ladde hym vp and down (MonT 3747) – Олоферн, которого поцеловала судьба / Так влюблённо и вела его вверх и вниз.

Герой – баловень судьбы, она благоволит ему.

Имя существительное *paramour* – *возлюбленный(ая)* встречается в произведениях Дж. Чосера 10 раз.

(12) *This gentil cok hadde in his gouernaunce*

Seuene hennes for to doon al his plesaunce

Whiche were hise sustres and his paramours (NPT 4057) – Этот благородный петух имел в своем владении / Семь кур для своего удовольствия, / Которые были его сёстрами и возлюбленными.

В рассказе о курятнике возвышенная лексика используется с ироничным подтекстом: *куры – возлюбленные* петуха.

Слово *paramour* заимствовалося в английский язык с 1300г., использовалося как имя существительное от наречной группы *par amour* – *страстно, с сильной любовью и желанием*, от а.н. и ст.фр. *par amour*, от винительного падежа существительного *amor* – *любовь*, от глагола *amare* – *любить*, от лат. *amare*, возможно, от и.-е. суффиксальной формы **am-a-*, от лат. и кельт. корня **am-* для формирования различных детских слов, таких как лат. *amita* – *тётя*.

Изначально слово *paramour* использовалося для наименования Христа (для женщин) и Девы Марии (для мужчин). Значение *возлюбленная, любовница* зафиксировано с конца XIV в. [7].

Имя существительное *passioun* – *страсть* записано в английском языке в конце XII в. Первоначально означало *Страсти Христовы*, произошло от ст.фр. *passion* – *страдания Христа, физические мучения*, во фр. с X в., от позднелат. *passionem* – *страдания*, от лат. *pati* – *страдать*, вероятно, от и.-е. корня **pe(i)* – *болеть* [6].

В произведениях Дж. Чосера сохраняется ударение на последний слог, следовательно, слово *passioun* в XIV в. ещё не полностью ассимилировалось.

Значения слова *passioun* у Дж. Чосера разные: *страдания Христа* (пример 13) и *любовная страсть* (пример 14).

(13) *Awake, and thenk on Cristes passioun;*

I crouche thee from elves and fro wightes! (MiIT 292) – Проснитесь! Клянусь Страстями Христовыми, / Крещу вас от эльфов и от других существ!

Герой божится, чтобы ему поверили.

(14) *For somme of hem seyn more, and somme lesse,*

Whan they his pitous passioun expresse; (PT 31) – Так как часть из них сказала больше, часть меньше, / Когда они услышали, как он высказывал свои горестные страсти.

Горе от любви заставляет героя страдать, и он ищет сочувствия.

Имя существительное *maistresse* – *госпожа, хозяйка, дама* – встречается в английском языке с XIV в., произошло от ст.фр. *maistresse* – *любовница, домоправительница, губернантка* [7].

(15) I never heeld me lady ne *maistresse*,
But humble servant to your worthinesse, (СІТ 767) – Я никогда не мыслила себя ни Вашей дамой, ни хозяйкой, / А лишь служанкой Вашего Величества.

Героиня считает себя недостойной чести стать женой маркиза и хозяйкой в его доме.

Слова, заимствованные из латыни и имеющие латинские корни

Латинские заимствования в исследованных произведениях используются довольно редко, поскольку их проникновение в средневековый английский язык затруднялось тем, что их источниками служили, в основном, религиозные тексты, доступные и понятные не каждому.

К лексемам любовной сферы можно отнести имя прилагательное *secre*, произошедшее от лат. *secretus* – *разделённый, спрятанный*, встречается в английском языке с конца XIV в. [7].

(16) And namely, in his counseyl tellinge

That toucheth love that oughte be *secree*; (ТС В I 743) – А именно сказал в своём совете, / Что любовь касается того, что должно быть тайной.

В данном контексте лексическая единица *secre* характеризует одно из свойств любовных отношений: они должны быть неизвестны посторонним.

Слова, заимствованные через французский язык и имеющие индоевропейские корни

Слово *gentil* заимствовано в составе обширного словообразовательного гнезда. Имя прилагательное *gentil* встречается в произведениях Чосера 108 раз (пример 17), имя существительное *gentillesse* – 55 раз (пример 18), наречие *gentilly* – 5 раз (пример 19), имя существительное *gentil-man* – 2 раза (пример 20) [3].

(17) This Alla king hath swich compassioun,

As *gentil* herte is fulfild of pitee,

That from his yēn ran the water doun. (МЛТ 561) – И у короля Аллы пробудилось такое сострадание, / Его нежное сердце исполнилось жалости, / Что из глаз побежали слёзы.

Сострадание, которое испытывает король к герою, тревожит его нежное сердце и вызывает слёзы.

(18) Who shal me yeven teres to compleyne

The death of *gentillesse* and of fraunchyse,

That al the world welded in his demeyne,

And yit him thoughte it mighte nat suffyse? (МонТ 573) – Кто даст мне слёз, чтобы оплакать / Смерть кровности и благородства / И думать, что этого мало.

Смерть героини вызывает неподдельное горе и, оплакивая её, герой подчёркивает её благородство и добрый нрав.

(19) And Emelye him loveth so tendrely,

And he hir serveth al-so *gentilly*, (КТ 2245) – И Эмилия любит его так нежно, / И он ей служит так благородно.

Благородное служение даме – правило куртуазных отношений.

(20) And certes he sholde nat be called a *gentil man* (ТМ 2830) – И конечно, его нельзя называть благородным человеком.

Звание благородного рыцаря нужно заслужить достойными поступками.

Gentle появилось в английском языке с начала XIII в., произошло от ст.фр. *gentil* – *благородного происхождения, из хорошей семьи*, от лат. *gentilis* – *из той же семьи или клана* от и.-е. корня **gen-* – *производить* [7].

Слова скандинавского происхождения

Имя прилагательное *thriffti* – *бережливый, предусмотрительный, полезный, исправный, подходящий, достойный, надлежащий*, произошло от глагола *thrive* – *процветать*, который встречается в английском языке с 1200 г. Источник происхождения – д.ск., изначально значило *присваивать себе, захватывать* [3]:

(21) I thenk eek how he able is for to have

Of al this noble toun the *thrifftieste*,

To been his love, so she hir honour save;

For out and out he is the worthieste (ТС В II 736) – Я думаю, что он достоин чтобы его возлюбленной / Стала самая достойная в этом благородном городе, / Которая берегла бы свою честь, / Поскольку он сам достойнейший из всех.

В данном контексте прилагательное *thrifftieste* употребляется в превосходной степени.

Таким образом, в результате анализа исследованного материала, удалось установить, что заимствованные слова отличаются большим разнообразием и разной степенью ассимиляции в с.а.

В связи с тем, что исследованные лексические единицы относятся к старым заимствованиям, в современном языке они являются полностью ассимилированными. Ударения в современных словах уже стоят на первом слоге, по английскому образцу.

Преобладание романских, в частности, французских, заимствований подтверждает мнение о значительном влиянии французского на лексический состав английского языка.

Лексические единицы проникали в с.а. как путем прямого заимствования, так и с помощью калькирования.

При заимствовании корня из французского языка, на его основе при помощи суффиксов образовывались однокоренные слова, которые встречаются только в английском языке.

Примечания

Список сокращений

а.н. – англо-нормандский диалект
 гр. – греческий язык
 д.а. – древнеанглийский
 д.ск. – древнескандинавский язык
 и.-е. – индоевропейский
 кельт. – кельтский язык
 лат. – латинский язык
 с.а. – среднеанглийский язык / период
 ст. фр. – старо-французский язык
 фр. – французский язык

Произведения Джеффри Чосера

RR – The Romaunt of the Rose
 TC B I – Troilus and Criseyde, Book I
 TC B III – Troilus and Criseyde, Book III

The Canterbury Tales:

CIT – The Clerkes Tale
 CYT – The Chanouns Yemannes Tale
 GP – The General Prologue
 KT – The Knightes Tale
 MchT – The Marchantes Tale
 MillT – The Millers Tale
 MLT – The Man of Lawes Tale
 MonT – The Monkes Tale
 NPT – The Nonne Preesres Tale
 PS – The Parson's Tale
 PT – The Pardoners Tale

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андросова, М.А. История языка – часть I: Английский язык / М.А. Андросова. – Ульяновск, 2010. – 128 с.
2. Варбот, Ж.Ж. Этимология / Ж.Ж. Варбот // Русский язык. Энциклопедия. Москва: Большая Российская энциклопедия, Дрофа 1997. – 647 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/doc/encycl-etymology.pdf> (дата обращения: 22.11.2016).
3. A Glossary for the Works of Geoffrey Chaucer [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.fas.harvard.edu/~chaucer/glossar.htm> (дата обращения: 22.11.2016).
4. Chaucer, G. Romaunt of the Rose. Minor Poems / Chaucer's Works, vol. 1 // Ed. W. W. Skeat [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/43089/43089-h/43089-h.htm> (дата обращения: 22.11.2016).
5. Chaucer, G. The Canterbury Tales / G. Chaucer. – Oxford, 1985. – 632 P.
6. Middle English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/structure.html> (дата обращения: 22.11.2016).
7. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com/index.php> (дата обращения: 22.11.2016).

Материал поступил в редакцию 23.11.16.

**BORROWING OF LOVE VOCABULARY IN MIDDLE ENGLISH PERIOD:
 ETYMOLOGICAL ASPECT (THE CASE OF GEOFFREY CHAUCER'S POETRY)**

Yu.O. Semenova¹, A.Kh. Abdulmanova²

¹ Senior Lecturer, ² Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
 St. Petersburg University, Russia

Abstract. This article deals with the description of etymological peculiarities of the borrowed Middle English vocabulary. In the given research work the love-words are described, the ways of their incorporating into language and assimilation degree are established. The given statements are supported by context examples.

Keywords: Middle English period, etymology, borrowing, love vocabulary.

The Russian Language
Русский язык

УДК 801.1

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
Д. БЫКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ БИОГРАФИИ В. МАЯКОВСКОГО)

А.Ю. Туранова, аспирант

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (Таганрог), Россия

***Аннотация.** В данной статье рассматривается языковая личность Д. Быкова на материале его биографической прозы, особенности употребления синтаксических конструкций в речи и выявление наиболее частотных, являющихся чертой идиостиля автора. Материалом для исследования послужила биография В. Маяковского.*

***Ключевые слова:** идиостиль, языковая личность, речевой портрет, конструкции экспрессивного синтаксиса, вставные конструкции и их функции.*

Оформившийся в гуманитарных науках к концу прошлого века переход на антропоцентрическую парадигму позволил развиваться новым направлениям в лингвистике, одной из ведущих стала проблема «человек в языке».

Понятие «языковая личность», введенное в научный оборот еще В.В. Виноградовым, активно разрабатывается в теоретическом отношении. Воплощение языковой личности исследуется на всех языковых уровнях, но наиболее продуктивным для изучения является уровень синтаксический, так как именно он непосредственно связан с процессами мышления и коммуникации и помогает воссоздать полноценный речевой портрет автора речи.

В данной работе будет рассмотрена языковая личность Д. Быкова – журналиста, писателя, ведущего, сценариста, переводчика, педагога. Материалом для исследования послужила созданная Д. Быковым биография В. Маяковского.

Отзывы о новой книге Д. Быкова «Тринадцатый апостол» крайне противоречивы. Как отмечает Г. Юзефович, журналист набирающего популярность электронного СМИ «Медуза», ««Тринадцатый апостол» Дмитрия Быкова – книга, не предполагающая легкомысленной рецензии на полторы странички со схематичным пересказом сюжета в начале и бодрым тизером в конце» [6]. Рецензент приходит к выводу, что это «ни разу не биография Маяковского и вообще черт знает что, а не книга, но определенно одно из важнейших литературных событий года» [5].

Яркий, эмоциональный, субъективно окрашенный текст создается Д. Быковым при помощи различных приемов, одним из которых является использование так называемых конструкций экспрессивного синтаксиса: парцелированных и сегментированных, вопросо-ответных в монологической речи, вставных, а также конструкций, содержащих лексический повтор с синтаксическим распространением, и цепочек номинативных предложений [1].

Было проведено качественно-количественное исследование текста с целью выяснения представленности в публицистике Д. Быкова экспрессивных синтаксических конструкций, результаты которого отражены в таблице 1.

Таблица 1

Представленность конструкций экспрессивного синтаксиса

№ выборки	Парцелляция	Сегментированные конструкции	Лексический повтор с синтаксическим распространением	Вопросо-ответные конструкции в монологе	Цепочки номинативных предложений	Вставные конструкции
1	0	0	1	0	0	18
2	4	0	1	0	0	6
3	0	0	0	0	0	6
4	2	0	1	0	0	9
5	1	0	0	1	0	9
6	0	0	0	0	1	9
7	0	0	0	1	0	13
8	2	0	0	0	0	8
9	0	0	0	0	0	7
10	1	0	0	0	0	17
Сумма	10	0	3	2	1	102

Таким образом, мы видим, что вставные конструкции составляют 86,44 % от общего количества конструкций экспрессивного синтаксиса.

И.В. Голубевой были выделены дифференциальные признаки вставок:

1. Высыказывание расчленяется как минимум на две части: основную структуру и вставку (вставки).
2. Вставка (вставки) могут занимать по отношению к основной структуре интерпозицию или постпозицию.
3. Вставка (вставки) имеют самостоятельную интонацию, произносятся в более быстром темпе и пониженным тоном, чем основная структура. В письменной речи вставка (вставки) оформляются при помощи скобок и тире.
4. Синтаксическая связь между вставкой (вставками) и основной структурой отсутствует или значительно ослаблена.
5. Основная функция такой конструкции заключается в сообщении дополнительных сведений, усилении их информативной и экспрессивной значимости [4; с. 22-23].

И.И. Гавриленко в своей работе, посвященной вставным единицам, говорит о том, что они «не являются элементами языка, появляясь только на уровне его использования, в тексте. Для описания действительности и более точного и понятного изложения мысли автор вынужден иногда перебивать ход основного повествования различными вкраплениями из дополнительных элементов (пояснение, уточнение, приведение примеров и т.п.). Подобные примечания, "мысли по случаю", делают текст более понятным» [3]. Также исследователем были выделены основные функции вставных элементов: служебная (метатекстовая), собственно-коммуникативная, оценочная. Проследим на примере публицистики Д. Быкова специфику использования вставок в той или иной функции, отразив результаты в таблице 2.

Таблица 2

Функции вставных конструкций

№ выборки	Служебная (метатекстовая)	Собственно-коммуникативная	Оценочная функция	Совмещающие 2 функции	Совмещающие 3 функции	Общее количество
1	4	9	0	5	0	18
2	2	4	0	0	0	6
3	1	5	0	0	0	6
4	3	3	0	3	0	9
5	1	5	0	3	0	9
6	1	6	1	1	0	9
7	1	5	3	4	0	13
8	2	1	0	5	0	8
9	0	4	0	3	0	7
10	6	6	0	5	0	17
Сумма	21	48	4	29	0	102

Служебная (метатекстовая) функция является основной, вставные конструкции этого типа помогают адекватно понять текст или ориентироваться в нем. В исследованных нами выборках из текста Д. Быкова 21 вставная конструкция выполняет служебную функцию:

Иногда так и было – сочетание пафоса в отношении всего хорошего и сатиры в отношении всего плохого (делачество на Западе, бюрократизм в СССР) было в самом деле механическим и производило не то чтобы неестественное, а прямо отталкивающее впечатление – уточнение информации.

Вечером 11 октября, приехав, сразу позвонил, позвал к телефону Наталью Борисовну («Ко мне тогда еще никто так не обращался») и попросился в гости – приведение цитаты.

Собственно-коммуникативная функция – это «добавочная информация к тому, о чем идет речь в главном сообщении. В отличие от вставных элементов, выполняющих служебную функцию, коммуникативные конструкции направлены не на оптимизацию сообщения или понимания информации, а на расширение сведений о положении дел в мире» [3]. Почти половина вставных конструкций в тексте Д. Быкова выполняет собственно-коммуникативную функцию:

Оба, Маяковский и Горький, написали по поэме под названием «Человек» и формально эти произведения весьма схожие: гимн Человеку в несколько уитменовском духе (хотя Горький тогда Уитмена не читал) – дополнение информации.

«Юбилейное» - удивительно мрачное сочинение, переломное во всем корпусе лирических стихов Маяковского: дальше – если отбросить газетчину – темы одиночества, ненужности, бесполезного противоборства ничтожествам будут только нарастать – выражение логико-смысловых отношений.

Во вставных конструкциях, выполняющих **оценочную функцию**, либо содержится «оценка истинности того, о чем говорится в основной части, либо измерение сообщаемого по шкале «хорошо-плохо» [3].

«Тов. Бухарин в своих великодушных «Злых заметках» (Ну как же! Полонский на них ссылается, теперь оппоненты Полонского.) был вполне прав, когда говорил о том, что мы сами далеко не достаточно понимаем стоящие перед нами идеологические задачи. – передача эмоций и отношения автора.

Следует принять во внимание то, что вставная конструкция может выполнять не одну, а сразу несколько функций. В тексте Д. Быкова встречается 29 вставок, совмещающих две функции:

Вспомним, о чем заходит речь в этом подчеркнуто неюбилейном обращении, звучащем как горькая жалоба старшему товарищу (кстати сказать, и в «Необычайном приключении» Маяковский поначалу жалуется, получая в ответ универсальное: «смотри на вещи просто»). В приведенном примере во вставке совмещается служебная функция (цитата) и собственно-коммуникативная (дополнение информации).

Таким образом, вставные конструкции в биографической прозе Д. Быкова выполняют собственно-коммуникативную и служебную функции. Повышенная информативность текста, успешно достигнутая многоплановость, объемность и динамичность повествования подчеркивают богатую речевую культуру автора. Следует сделать вывод о том, что повышенное содержание вставных конструкций, выполняющих разнообразные функции (а то и совмещающих несколько) может говорить не только о том, что это является чертой идиостиля Д. Быкова, но и о том, что это, видимо, неотъемлемая часть речевого портрета любой сильной языковой личности.

Дальнейшие исследования будут вестись в направлении выяснения функций вставных конструкций в поэзии и прозе Д. Быкова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Н.Г. Акимова. – М.: Высшая школа, 1990. – 168 с.
2. Быков, Д. 13-й апостол. Маяковский. Трагедия-буфф в шести действиях / Д. Быков. – М.: Молодая гвардия, 2016. – 832 с.
3. Гавриленко, И.И. Дополнительная информация в научных текстах: семантические, синтаксические и просодические особенности (на материале русского языка). дис. ...канд. филол. наук / И.И. Гавриленко. – Москва, 2005. – 275 с.
4. Голубева, И.В. Вставные конструкции как черта идиостиля Д. Быкова (на материале романа «Орфография») / И.В. Голубева // Языковая личность. Речевые жанры. Текст. Материалы Всероссийской молодежной конференции. Ч. 2. – Таганрог: изд-во ТИ имени А.П. Чехова, 2014. – С. 21-24.
5. Прилепин, З. Тринадцатый ять [Электронный ресурс] / З. Прилепин. – Режим доступа: <http://svpressa.ru/culture/article/153579/>
6. Юзефович, Г. Стоит ли читать Быкова о Маяковском? [Электронный ресурс] / Г. Юзефович. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/05/20/stoit-li-chitat-bykova-o-mayakovskom>

Материал поступил в редакцию 20.12.16.

EXPLETIVE CONSTRUCTIONS IN BIOGRAPHIC PROSE BY D. BYKOV (V. MAYAKOVSKY'S BIOGRAPHY CASE STUDY)

A.Yu. Turanova, Postgraduate Student
Rostov State University of Economics (Taganrog), Russia

Abstract. *This article deals with the linguistic identity of D. Bykov based on the material of his biographic prose, with features of the usage of the syntactic constructions in speech and identification of the most frequency constructions which are characteristics of the author's individual style. Material for research is V. Mayakovsky's biography.*

Keywords: *individual style, linguistic identity, verbal portrait, expletive evocative constructions, expletive constructions and their functions.*

Languages of Peoples of the Russian Federation
Языки народов Российской Федерации

УДК 811.351.4

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОМОНИМЫ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

М.М. Султыгова, доктор филологических наук,
и.о. заведующего кафедры педагогики и методики начального образования
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Ингушский государственный университет (Магас), Россия

***Аннотация.** В статье на материале ингушского языка рассматривается омонимия как универсальная языковая категория. Рассматриваются основные типы омонимов посредством анализа системных отношений слов-омонимов, так как именно системные связи слова дают наиболее полную картину его семантического своеобразия. Основное внимание автор акцентирует на выделении основных типов омонимов ингушского языка и определении объективных критериев разграничения омонимии и полисемии.*

***Ключевые слова:** ингушский язык; лексические омонимы; языковая категория; полисемия.*

В современной науке о языке не выработано однозначное понимание омонимии, поэтому вопросы данного явления в языке до сих пор находятся в центре внимания исследователей. С учетом всех аспектов, выделяемых в отношении данного явления исследователями, можно отметить, что омонимия – это универсальная языковая категория, которая возникает естественным путем в результате действия различных языковых закономерностей. Одной из основных проблем в определении омонимов является не вполне четкая грань между полисемией и омонимией. Возникновение омонимии на базе полисемии является длительным историческим процессом, зачастую не до конца завершающимся. Именно этим объясняются трудности в разграничении омонимии и полисемии.

Именно поэтому в языкознании до настоящего времени не выработана единая точка зрения по вопросу определения объективных критериев разграничения омонимии и полисемии. Однозначно и вполне ясно по данной ситуации высказался Р.А. Будагов, отметивший, что «...омонимы могут и не иметь отношения к полисемии (случайные звуковые встречи), но могут и самым непосредственным образом вырастать из полисемии (в случае ее распада» [1, с. 62].

Несмотря на различные точки зрения по данному вопросу, в одном лингвисты едины: для объективного решения вопроса необходим анализ системных отношений слов-омонимов, так как именно системные связи слова дают наиболее полную картину его семантического своеобразия.

Как указано выше, омонимы чаще всего появляются в результате процессов словообразования, семантической деривации (в результате распада полисемии), а также в результате звуковых изменений. Возможно появление омонимов в результате заимствования иноязычного слова.

Степень формального тождества омонимов может быть разной: полное тождество наблюдается в случаях полной омонимии (*къедж* «струя» – *къедж* «закипание воды»); при частичной омонимии отсутствует тождество парадигм (*са* «рассвет» – *блarga са* «зрение»).

Омонимия – это случайное совпадение слов, в то время как полисемия проявляется по результатам наличия у слова разных исторически связанных значений. Например, слово *ди* в значении «день» и *ди(н)* в значении «религия» являются омонимами, так как первое слово – исконно ингушского происхождения, а второе является заимствованным из арабского языка.

Такие пары практически не отличаются на каждой данной стадии развития языка от тех, которые возникли благодаря случайному сближению их фонетического облика. И те и другие характеризуются одинаковым звучанием, при этом обозначают разное, графически и морфологически не различаются (хотя тенденция такого различения в языках есть), зато всегда ведут себя по-разному в предложении и имеют разную лексическую сочетаемость. Слова *корта* «голова», *корта* «верхушка (чего-либо)» представляют собой одну лексическую единицу с двумя разветвлениями по значению, следовательно, здесь проявляется полисемия.

Слова *гла* «шаг», *гла* «сон» – два различных слова, совпадающие по звучанию и форме, но все значения, присутствующие в звуковой оболочке слова, не имеют никакого отношения друг к другу, следовательно, здесь проявляется омонимия.

Боккха-боккха гла а боаккхаиш, юртахой хьунагла ухача новкъа глolla водар из. – (букв., в статье и далее дается буквальный перевод оригинального текста) – «Продельвая большие **шаги**, он шел той дорогой, по которой односельчане ходили в лес».

Га да ер е жожаглатара уха ала ба ер, аьнна хеталургда цунна. – «Сон это или пламя, исходящее из ада, покажется ему».

Такого характера и следующие примеры: *аргла* «очередь» и *аргла* «скирда соломы», *цли* «имя» и *цли* «огонь», *ча* «солома» и *ча* «медведь», *млара* «ноготь» и *млара* «вилка».

По устоявшейся традиции в языкознании, исследователи ингушского языка выделяют следующие типы омонимов: лексические, грамматические и лексико-грамматические омонимы [4, с. 35].

Для исследования лексических омонимов ингушского языка рассмотрим подробно дифференциальные признаки лексической омонимии. Сходными у слов-омонимов являются морфологические, фонетические, орфографические признаки. Различие касается только их лексической части. Лексические омонимы не обладают никакими связями и отношениями.

Совпадение звучания разных слов в ингушском языке может дать от двух и более омонимов. Совокупность этих слов, связанных отношениями омонимии, образуют омонимический ряд или парадигму. В ингушском языке большая часть омонимических рядов образована из двух, трех слов: 1) *млара* «ноготь», «коготь»; 2) *млара* «вилка (столовый прибор)»; 3) *млара* «крючок (для застежки)»; 4) *млара* «вешалка»:

а) *Йиттла, лаьржа да цун кулгаиш, кагъенна млараи а я.* – «Потрескавшиеся черные руки у него, и ногти сломаны».

б) *Истола тла лобиллар млара.* – «На стол положили вилку».

в) *Эза юкьах хьерчача ши млара боала кляга уллар тепча.* – «На сильно затянутом двумя крючками широком поясе висел пистолет».

г) *Нагара юхе пенах длатеха млара боаллар.* – «Возле двери к стене прибита была вешалка».

1) *мухь* «крик»; 2) *мухь* «ноша, бремя, поклажа»; 3) *мухь* «сало, жир животного происхождения»:

а) *Цлогларч хьекхар, тлаккха тона тата даьлар, юха а мухь боалаи хезар.* – «Раздались крики, потом прогремел выстрел и опять послышался крик».

б) *Из дийша ваьлча боккха мухь гира баьлча санна хийтар цунна.* – «Когда он закончил учиться, ей показалось, будто большая ноша свалилась с плеч».

в) *Бежан мухь улга тла лойилар цо.* – «Животный жир положила она на доску».

1) *боал* «плата за помол»; 2) *боал* «вишня»; 3) *боал* «пласт, слой, полоса пахоты».

Омонимический ряд, состоящий из пяти, шести слов встречается редко. Омонимические парадигмы состоят из слов, которые в большинстве случаев относятся к одной и той же части речи, однако встречаются и парадигмы, состоящие из омоформ, относящиеся к разным частям речи: *кхаба* «кувшин» – имя существительное (*тонпара кхаба* «глиняный кувшин»), *кхаба* «кормить» – глагол (*бежан кхаба* «кормить животного»).

Полисемия, как известно, является одним из основных источников омонимии. В результате распада полисемии, происходящего в результате разрушения семантических связей многозначного слова, могут возникнуть слова с самостоятельными оттенками, дающими новые значения.

Наиболее наглядным примером в данном случае может служить ингушское слово *са*, которое в результате исторического развития употребляется с несколькими значениями, часть из которых уже превратилась в омонимы: а) *са*: 1) зрение; 2) свет; б) *са*: 1) угол; 2) грань, косяк, ребро; в) *са*: 1) дух, душа человека; г) *са*: при-тяж. мест. мой; д) *са*: 1) дыхание; 2) передышка, отдых; е) *са*: догадка:

а) *Бларга са дайнадар воккхача сага.* – «Зрение было потеряно у старика».

б) *Нагара са а лаьца латтар Ислам.* – «Ислам держался за косяк двери».

в-2) *Шоай вахар, са, денал дладеннадар цар мехка.* – «Свою жизнь, душу, мужество отдали они Отечеству».

в-г) *Са кер чу са мел доаллача хана моастагла ве, эшаве гертаргва со.* – «Пока в моей груди будет биться сердце, я буду бороться с врагом».

д-1) *Цу сайранна этта сатем дог шорта ца доаккхаш, деглага са ца лолуйташ, даиман фе хила везаш вар.* – «В тот вечер наступившая тишина не успокаивала и не способствовала передышке, все время приходилось быть настороже».

д-2) *Лаккха глийла кер ий а луш, низткьа доахар цо са.* – «Высоко приподнимая худую грудь, тяжело давалось ему дыхание».

е) *Цхьабакьда, Махьмада са кхувр из клал цхьа лард йолаи долга* – «Однако, Магомет догадывался, что оно имело под собой основу».

Кроме того имеется, еще множество омонимов, образованных от распада полисемии, например:

монт: 1) язык (биол.); 2) язык (общения); 3) постель; 4) кажется:

мугI: 1) строка; 2) ряд, вереница, шеренга и др.

Вторым источником возникновения омонимов являются заимствования, которые могут совпасть со звуковой формой исконно ингушских слов: *бажа*: 1) *бажа* / *пастись*; 2) *бажа* (заимств. из тюркск. *своак*); *гIув*: 1) *гIув* / *засов*; 2) *гIув* (из тюркск. *гIу* / *колодец*); *ди*: 1) *ди* / *день*; 2) *ди* (из араб. *вера, религия*); *ха*: 1) *бедро*; 2) *знать*; 3) *охрана*; 4) *ха* (из груз.) *время* и др.

Третья группа омонимов ингушского языка представляет собою слова, случайно совпавшие по своей звуковой форме, в результате количественного и качественного изменения гласных и согласных в историческом прошлом языка. Отсутствие письменных памятников лишает возможности установить первых и третьих слоев омонимов ингушского языка. К этой группе можно отнести: *ка*: 1) *удача*; 2) *рука*; 3) *кочкарь, баран*.

Кроме того, причиной образования омонимов может быть переход слова из одной части речи в другую: *кIай* «белый» и *кIай* «бельмо»; *ахьар* «помол» и *ахьар* «кукурузная мука»; *дожар* «падение» и *дожар* «падеж»; *малар* «питье» и *малар* «напиток».

Значительная часть омонимов в ингушском языке расходятся при оформлении по грамматическим классам: *мухь* (б-б) «груз» – *мухь* (й-й) / «жир», «сало»; *ча* (й-й) «медведь» – *ча* (д-д) «солома», *ха* (й-й) «время» – *ха* (д-д) «бедро», *са* (б-д) «угол» – *са* (д-д) «душа», *мIара* (й-й) «ноготь» – *мIара* (б-д) «вилка», *ги* (д-д) «семена» – *ги* (й) «пядь».

Следует отметить, что омонимы как естественное явление возникает и существует в ингушском языке под влиянием тех изменений, которые претерпевает язык в процессе его развития. Появление омонимов связано с фактами, обогащающими и дополняющими словарный состав языка и возникают в ингушском языке в основном за счет внутренних ресурсов, в меньшей степени – под влиянием заимствований. А эти факторы, в свою очередь, связаны с изменением жизни общества, с социальными переменами и процессами преобразования самого общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке / Р. А. Будагов. – М., 2003. – 544 с.
2. Булаховский, Л. А. Из жизни омонимов / Л. А. Булаховский // Русская речь. – 1928. – Вып. III. – С. 47-60.
3. Виноградов, В. В. Об омонимии и смежных явлениях / В. В. Виноградов // ВЯ. – 1960. – №5. – С. 3-17.
4. Куркиев, А. С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка / А. С. Куркиев. – Грозный.: Чеч.-Инг. кн. изд., 1979. – 254 с.
5. Султыгова, М. М. Актуальные вопросы отраслевой терминологии ингушского языка (на материале животноводческой лексики) / М. М. Султыгова. – Магас, 2007. – 144 с.

Материал поступил в редакцию 07.11.16.

LEXICAL HOMONYMS IN THE INGUSH LANGUAGE

M.M. Sultygova, Doctor of Philology,
Acting Manager of Department of Pedagogics and Technique of Primary Education
Ingush State University (Magas), Russia

Abstract. *Based on the material of the Ingush language the homonymy as universal language category is considered in this research work. The main types of homonyms are considered by means of the analysis of system relations between homonym words because system relations of the word give the broad picture of its semantic originality. The author focuses the main attention on emphasizing the main types of homonyms of the Ingush language and determination of objective criteria for differentiation of homonymy and polysemy.*

Keywords: *the Ingush language; lexical homonyms; language category; polysemy.*

УДК 81-23

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ, ВЫСТУПАЮЩИХ В АДЪЕКТИВНЫХ ФУНКЦИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

З.М. Шамилова, переводчик, соискатель
Дагестанский научный центр РАН (Махачкала), Россия

***Аннотация.** В данной статье автор поднимает вопрос о причастиях в русском языке. Главной задачей является выяснение причастия: представляет ли собой причастия в данном языке полные транспозиты, либо мы не можем отнести причастия в рассматриваемом языке к транспозитам в полном объеме слова. В данной статье автор раскрывает образование причастий. На основании изучения структуры и особенностей их образования в рассматриваемом языке было установлено, что причастия русского языка являются транспозитами, т.е. суффиксы образования причастий в представленном языках являются морфемами, адъективирующими глагол.*

***Ключевые слова:** причастие, транспозиты, суффикс, морфема, морфологическая деривация, транспонировать.*

Как известно, русское причастие трактуется как особая неспрягаемая форма глагола, которая обозначает действие, но представляет его как признак предмета. Причастие представляет собой гибридную глагольно-адъективную форму, которую рассматривают как особую глагольную форму. Причастия соединяют признаки глагола и прилагательного, выражая значение процессуального признака предмета [Русская грамматика 1980: 465].

С точки зрения А.Н. Гвоздева причастия имеют ряд соответствий среди прилагательных, частью по своему происхождению восходящих к причастиям. Сюда относятся:

1) Действительные причастия настоящего времени и прилагательные с тем же корнем:

*краснеющий – красный;
белеющий – белый.*

Все эти причастия, принадлежащие глаголам, образованным от прилагательных (*краснеть* от *красный*, *седеть* от *седой*), указывают на признак в процессе его становления: **краснеющие яблоки** – яблоки, которые становятся красными; прилагательное выражает обладание качеством в сложившемся виде: *красные яблоки*.

2) Причастия настоящего времени действительного залога (а также возвратные) и прилагательные с суффиксом **-учий, -ючий, -ачий, -ячий**, являющиеся по происхождению древнерусскими причастиями:

*сидящий – сидячий;
колющий – колючий.*

3) Действительное причастие настоящего времени (обычно с отрицанием) и прилагательное, совпадающее со страдательным причастием настоящего времени с отрицательной приставкой **не-**:

*Не сгорающий – несгораемый;
не увядающий – неувядаемый;
не промокающий – непромокаемый [Гвоздев, 2009].*

4) Страдательные причастия настоящего времени (обычно с отрицанием) и прилагательные с приставкой **не-** и суффиксом **-имый**:

*не побеждаемый – непобедимый;
не укрощаемый – неукротимый.*

5) Действительные причастия прошедшего времени и прилагательные, образовавшиеся из причастий с суффиксом **-лый**:

*Загоревший – загорелый;
пригоревший – пригорелый;
посиневший – посинелый.*

6) Дальше по значению от причастий бесприставочные прилагательные на **-лый**, не имеющие вполне соответствующих им причастий; для них имеются только более далекие причастия с приставками:

*Поспевший – спелый;
созревший – зрелый;
завядавший – вялый.*

Отглагольный характер этих прилагательных совсем затемнен, и они обычно обозначают только качества без указаний на их образование.

7) Страдательные причастия прошедшего времени и прилагательные, которые образовались из этих причастий; обычно первые с приставками, а вторые без приставок:

Сваренный – вареный;

натертый – тертый;

разбитый – битый.

Причастие указывает на процесс, которому подвергался предмет: *Испеченные яблоки* – яблоки, которые испекли, а прилагательное *печеное яблоко* указывает, каким качеством обладает яблоко, в связи с чем это прилагательное выступает как антоним слову *сырое*.

8) Действительные и страдательные причастия и омонимичные с ними прилагательные, образовавшиеся из этих причастий:

а) *Камень, блестящий на солнце – блестящий доклад.*

Директор, вызывающий техника – вызывающий тон.

б) *Уважаемый всеми человек – уважаемый товарищ.*

Управляемая шофером машина – управляемый аэростат [Гвоздев, 2009].

Страдательные причастия могут выступать как в полной, так и в краткой форме: *привлеченный* — *привлечен*, различия между ними важны для указания смыслового ранга процессуального признака [Лекант, 2009].

Помимо категории залога, для глаголов русского и других славянских языков присуща также другая грамматическая категория – категория вида.

Рассмотрим более подробно понятие категории вида. Так, согласно РГ-80, категория вида глагола представляет собой систему противопоставленных друг другу двух рядов форм глаголов, обозначающих ограниченное предельное целостное действие (глаголы совершенного вида), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного предельного целостного действия (глаголы несовершенного вида) [РГ – 80, Т.1: 437].

В русском языке морфологическими средствами выражения видовых значений, образующими центр микрополя вида, являются:

а) специальные суффиксы (например: *решать – решить*);

б) ударение (*разре'зать – разреза'ть*);

в) внутренняя флексия, выступающая как чередование согласных (*избегать – избежать*);

г) чередование полной и нулевой ступени аблаута (*собирать – собрать*);

д) префиксы (*знать – узнать*).

На наш взгляд, особый интерес представляют точки зрения лингвистов относительно причастия в позиции согласованного обособленного определения. Известно, что подобное причастие может употребляться как в препозиции, так и в постпозиции к определяемому слову [Замятина, 2010: 77]. При употреблении причастия в означенной позиции отсутствует самый мощный фактор, поддерживающий семантику действия в причастной форме, так как, с точки зрения В.В. Виноградова, «глагольность причастия напрягается, когда приходит в движение присущая соответствующему глаголу система глагольного управления» [Виноградов, 1972: 214].

В структуре предложения обособленные причастные определения обозначают:

– эмоционально-психическое состояние лица: «*Оскорбленная грубым прикосновением, Тави легко вернула руку, ударив по лицу ближайшего*» (А. Грин);

– физическое состояние лица: «*Русый, с кудрявой головой, без шапки и с расстегнутой на груди рубашкой, Дымов казался красивым и необыкновенно сильным*» (А. Чехов);

– физическое состояние / признак предмета (не лица): «*И захватанная лампа, и подарявленные стулья, и запах жаренного лука...*» (М. Салтыков-Щедрин) [Замятина, 2007: 26].

И.В. Замятиной было предложено выделить следующие семантические разряды сказуемых с полной формой страдательного причастия, обозначающие:

– признак предмета: «– *Нет, не то, что места, а семена, должно быть, плохи. Какая-нибудь, может, рожь расхожая и непросеянная...*» (А. Писемский);

– состояние некой среды: «*Изба с выбеленными стенами и черепичной крышей глядела веселее, довольнее нежели довержболовский почерневший сруб с включенной соломенной крышей*» (М. Салтыков-Щедрин);

– физическое состояние субъекта: «*Она была не только жалка, но и отвратительна... Лицо ее было все распухшее*» (И. Бунин);

– психическое состояние субъекта: «*Он вошел возбужденный, взволнованный, с блестящими глазами, точно пьяный*» (П. Краснов);

– признак делиберата (объекта речевого / мыслительного действия): «*А ведь Алексей Алексеевич излагал не вычитанные им чужие мысли, а собственные размышления, родившиеся у него в результате длительных наблюдений*» (Ю. Герман) [Замятина, 2007: 28].

Помимо проблемы частеречного статуса причастных форм в русском языке, другой часто обсуждаемой проблемой является адъективация, изучению которой посвящено множество работ (С.Г. Берешков, И.А. Краснов, Т.И. Антонова, М.Ф. Лукин, Л.П. Калакуцкая, А.И. Бахарев, Е.М. Демьянова, Т.А. Гераськина, И.К. Сазонова, А.А. Боровлёв и др.). Адъективация русских причастий исследовалась в синхронном и диахронном аспекте и в сравнении с адъективацией причастных форм в языках индоевропейской и других семей.

Мы соглашаемся с И.В. Замятиной, которая замечает, что термин «адъективация причастий» в настоящее время стал употребляться неоправданно широко. Правильней было бы употреблять термин «окачествление» в том смысле, в каком он употреблён В.В. Виноградовым [Замятина, 2010].

Независимо от позиции в отношении языкового статуса причастия, все исследователи сходятся в одном: причастие – языковое образование, совмещающее как признаки глагола, так и признаки прилагательного. Отсюда потенциал функционирования причастия предположительно может принадлежать диапазону глагола и прилагательного, не исключая возможность комбинирования.

Причастие представляет собой одно из тех языковых явлений, языковой статус которого продолжает вызывать множество споров и дискуссий. Двойственная, «гибридная» природа причастия, наличие связей и с глаголом, и с прилагательным обуславливают трактовку причастия и как формы глагола, и как самостоятельной, хотя и «синкретичной» части речи [Адмони, 1965: 39].

В настоящее время система причастий неустойчива, и в ней продолжают происходить процессы, обусловленные двойственной семантической и грамматической сущностью причастия. В рамках одной грамматической системы мы наблюдаем существование разнородных форм, хотя эти формы связаны между собой и с точки зрения грамматики, и с точки зрения семантики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони, В.Г. Распространенные причастные определения в современном немецком языке / В.Г. Адмони. – М., 1965. – С. 38–45.
2. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
3. Гвоздев, А.Н. Очерки по стилистике русского языка / А.Н. Гвоздев // Научная электронная библиотека E-library [<http://elibrary.ru/>]. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19809634> (дата посещения: 01.11.2016).
4. Замятина, И.В. Причастие как двуприродная грамматическая форма / И.В. Замятина // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – № 3. – М., 2010. – С. 41–77.
5. Замятина, И.В. Причастие как двуприродная грамматическая форма / И.В. Замятина // Вестник МГУ [<http://www.vestnik-mgou.ru/>]. – URL: <http://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/2993> (дата посещения: 08.12.2014).
6. Замятина, И.В. Типы и формы связки в безличных причастных предложениях / И.В. Замятина // Русистика XXI века: аспекты исследования языковых единиц и категорий: межвузовский сборник научных трудов, посвященный 75-летию профессора П.А. Леканта. / отв. Редактор Е.В. Алтабаева. – Мичуринск, 2007. – С. 25–29.
7. Касаткин, Л.Л. Современный русский язык: Словарь-справочник: Пособие для учителя / Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант / Под ред. П. А. Леканта. – Москва: Издательство «Просвещение», 2004.
8. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. – 789 с.

Материал поступил в редакцию 22.11.16.

ON THE ISSUE OF STATUS OF VERB FORMS HAVING ADJECTIVE FUNCTIONS IN RUSSIAN

Z.M. Shamilova, Translator, Applicant

Dagestan Scientific Centre of Russian Academy of Science (Makhachkala), Russia

Abstract. *In this article the author deals with the participles in the Russian language. The primary goal is the examination of the participle status: whether participles in this language under study can be regarded as full transposed words or not. In the given article the author studies the issue of participles' formation. Based on the studying of structure and peculiarities of their formation in the Russian language it has been revealed that participles in the Russian language can be taken as full transposed words as there are morphemes that adjektivize a verb.*

Keywords: *participle, transposed words, suffix, morpheme, morphological derivation, to transpose.*

УДК 811.112.2'37

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО FAUL В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Р.Х. Каримова, кандидат филологических наук, доцент
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Россия

***Аннотация.** В статье на материале немецкого языка подвергается исследованию развитие семантики прилагательного *faul* в немецком языке. К анализу привлекаются данные этимологических, одноязычных толковых и фразеологических словарей немецкого языка. В статье демонстрируется путь развития слова от его прямого значения к переносному, а также представлены фразеологические единицы, эксплицитно или имплицитно объективирующие концептуальные признаки «предаваться безделью» и «быть ленивым». Результаты исследования дополняют содержание ценностной, образной и понятийной составляющей концепта «труд» и позволяют описать фрагмент языковой картины мира носителей немецкого языка.*

***Ключевые слова:** значение, этимология, концептуальный признак, фразеологизм, номинация.*

Под семантической деривацией понимается в лексикологии изменение значения слова, обусловленное сутью и характером языка как социального феномена. Так, немецкий глагол *fließen* в средневерхнегерманском языке использовался только по отношению к тем предметам, которые находились в воде, например: *die vische fließen*. К тем предметам или живым существам, которые касались поверхности воды, применяли глагол *schwimmen*, т.е. плавать мог только человек или корабль.

Как отмечает М.Д. Степанова, при обсуждении вопросов расширения значения слова следует называть много примеров развития значения, которые расширяют объем значения лексемы или его структуру. Это происходит, когда один и тот же форматив используется для обозначения нового содержания наряду с уже имеющимся» [пер.наш. – Р.К., Stepanova, Černyševa 2003: 37].

В связи с вышесказанным целью нашей статьи является описание хода развития прилагательного *faul* в немецком языке.

Немецкое слово *faul* является родственным готскому *fuls*, древнеиндийскому *puj=verwesen*, греческому *putrein* со значением *stinken lassen*, латинскому *pus, Eiter, putidus, stinkend*. Последнее приводит к богатому романскому тематическому ряду, напр.: фр. *puer stinken, putain, Dirne, putois, Ietis, pustule, Eiterbläschen*. Родственным к перечисленным представляется и немецкое *Pustel*, однако не производное от звукоподражательного *pusten* со значением «тяжело дышать».

Первоначальное значение слова *faul* со значением «*verwesen*» (гнилой) относилось к области органической химии и обозначало подвергшиеся бактериальному разложению органические вещества. Отсюда такие выражения как: *faules Fleisch* – гнилое мясо, *faule Fische* – гнилая рыба, *faule Eier* – гнилые яйца, *faules Obst* – гнилые фрукты, когда называем словом *faul* вкус и запах гниющих продуктов.

Впоследствии это значение стало переносным. Сначала перенос осуществлялся на неорганические вещества. Так, словом *faul* называли обросший мхом камень, чем объясняется появление таких выражений как *faule Felsen, faule Gänge*. В Швейцарии слово *faul* использовали для обозначения мягкого слоя глинистого сланца (*Tonschiefer*), который на воздухе рассыпается на тончайшие слои и разлагается в глинозём. На этом минералогическом значении основана номинация *Faulhorn* (название горы в Бернских Альпах), которая представляет собой обветшалое образование из известняка Юрского периода.

Следующий шаг приводит к развитию значения «недвигющийся с места, вялый». Связь с первоначальным значением гнилости подтверждает усиленное выражение вялости в слове *stinkfaul*. Следует отметить, что значение «*träge* – вялый, инертный» используется не только в отношении людей и животных. Так, орудия, которые было трудно перетаскивать из-за их большого размера, тоже называли *faul*, ср. *faule Mette* – так называли орудие из Брауншвейга в средние века. Особенно знаменитым было выражение *faule Grete des Burggrafen von Brandenburg*, с помощью которого в 1414г. бомбили замки благородных людей во время восстания в Бранденбурге.

Своего рода мостиком для развития значения «быть охваченным гнилью» в значение «инертный, вялый» могло послужить представление о стоячих, мало используемых, вследствие этого подвергающихся гниению водоёмов. Гниению подвергались также и живущие в водоёмах представители флоры и фауны, для обозначения которых подходило обозначение *die Fäulnis* в химическом смысле слова и *Faulheit* в переносном смысле.

В этой связи следует назвать Fauler See – букв. гнилое озеро, расположенное в Бернских Альпах, а также гнилое море (faules Meer) в западном бассейне Азовского моря.

Из курса зоологии известны понятия Faultier – ленивец и Faulvögel – ленивки. И те, и другие являются обозначениями животных, ведущих малоподвижный образ жизни и живущих на деревьях. Название дерева Faulbaum используется не только для обозначения кустарника «крушина», «черёмуха», но и для обозначения жимолости (Alpenheckenkirsche) и рябины (Eberesche).

Во всех этих словах в основе номинации лежит свойство гниения древесины этих кустарников. Назовём также относящееся к классу первоцветов очный цвет полевой (Anagallis arvensis), которое обладает лечебными свойствами, особенно при лечении душевных болезней. Это растение имеет и другие названия: Fuli Lies (Мекленбург), Faule Minna (Anhalt), Fulenzchen, Fulelschen, Faule Magda (Тюрингия), Fäuli Gredl (Австрия), оно получило свое название от того, что распускается только утром, в Швейцарии называется Nüniblüemli или Zehnbüemli, в Швабском диалекте Neunerle.

Дальнейшее развитие значения данного слова привело к переносному значению и было перенесено в область морали: от значения «вялый, не желающий работать» до значения «негодный, фальшивый, плохой». Отсюда появляются выражения: faule Geschäfte – негодные сделки, faules Geschwätz – бесцельная, пустая болтовня, faule Ausreden – фальшивые, пустые отговорки.

В Швейцарии употребительны выражения: fuler Schelm, fuler Chetzer. В Люцерне (город в Швейцарии) известна поговорка: Je näher bi Rom, je fuler der Christ – букв. чем ближе Рим, тем ленивее Христос. Высказывание Себастьяна Франка: «Der Faulsten Sau gehört alweg der größte Dreck» может трактоваться как в прямом, так и в переносном смысле.

Отметим, что слово *faul* является частотным в составе фразеологических единиц, в которых данное прилагательное выступает именно в значении «ленивый», т.е. в переносном смысле. К ним относится и фразеологизм *fauler Strick*. Первоначально оно использовалось в своем прямом значении: гнилая верёвка и не имело никакого отношения к человеку.

Рассмотрим еще несколько фразеологических оборотов, в которых слово выступает в переносном значении, ср.: *faules Ei* (umg.) – *fragwürdige, zweifelhafte, dubiose Angelegenheit* – сомнительная сделка, *ein faules Stück* = *ein arbeitsunwilliger Mensch*, *ein faules Schwein* = *ein arbeitsscheuer Mensch* (umg. abw.), *fauler Zauber* = *Schwindel, Betrug* (в данном выражении имеется в виду обман при игре в карты, т.е. трюк, который можно не заметить, *ein fauler Kompromiss* = *eine schlechte Übereinkunft* (umg., salopp), *fauler Hund* – лентяй, *eine faule Geschichte* – нереальная история, *ein fauler Kunde* = *verdächtiger/zahlungsunwilliger/unzuverlässiger Kunde* – ненадёжный, неплатежеспособный клиент. Что касается происхождения последнего выражения, то, согласно токовым фразеологическим словарям, клиентом мог быть только знакомый человек, известный членам цеха или гильдии, отсюда объяснение этого выражения как человека негодного для ремесла [<http://www.redensarten-index.de/suche>].

Следует отметить, что ни в английском, ни во французском языке нет выражений подобных *faul* в значении *verfault, verdorben*, а также как антоним к слову *fleißig*. В этих языках для обозначения чего-то испорченного используется большей частью слово *rotten, putrid* или *rotti*, для обозначения ленивого человека существуют прилагательные *lazy, idle, slothful*, во французском *paresseux*.

Наиболее частотным обозначением в современном немецком языке является слово *Faulpelz*. Во времена Реформации существовала поговорка: *dies hat er zu Freiburg im faulen Pelz erlernt*. В начале 16 века во Фрейбурге был трактир с названием «Zum faulen Pelz». Тогда о сатире Томасе Шумере говорили: «он научился своему искусству во Фрейбурге в гнилой шкуре». Бурцбах в 1864г. назвал Гейберскую пивоварню «zum faulen Pelz».

В форме сложного слова *Faulpelz* перешло в письменный немецкий язык из швейцарского диалекта. Обозначение *Faulpelz* появилось в результате сокращения швейцарской поговорки: *den Faulpelz haben = auf der Bärehaut liegen*. Исследователи не исключают связи между словами *Faulpelz* и *Bärenhäuter*. Выражение *auf der Bärehaut liegen* появилось в 16 веке и использовалось в отношении слуг военачальников. В основе этого выражения, вероятно, лежат данные из Тацита о том, что германцы накрывали шкурами, а в перерывах между боями бездельничали, валяясь на медвежьих шкурах.

Тем не менее, Шторфер склонен объяснять значение слова *Faulpelz* из слоев плесени, которая покрывает загнившие предметы, в том числе и шкуры.

Происхождение выражения исследователь связывает со Швейцарией, основываясь на подтверждениях об образности алеманнских диалектов [<https://archive.org/stream/WorterUndIhreSchicksale/Storfer>, 116]. В этой связи обозначение ленивого человека можно рассматривать как народную метафору, исходящую от сравнения со слоями плесени, чем указывать на культурное объяснение данного выражения.

В электронных источниках поговорок и пословиц нами в ходе нашего исследования был обнаружен целый ряд фразеологических единиц, вербализующих концептуальный признак «быть ленивым», «предаваться безделью». Найденные фразеологизмы были распределены на фразеологические единицы, выражающие данный признак эксплицитно и имплицитно.

В первой группе в составе ФЕ присутствует прилагательное *faul* в своем переносном значении.

Концептуальный признак «быть ленивым» вербализуется в следующих ФЕ:

- vor Faulheit stinken = sehr faul sein (значение гнили часто связывают с запахом падали (Aas);
- stinkfaul sein = äußerst faul sein;
- stinkend faul sein = sehr faul sein;

Концептуальный признак «предаваться безделью» вербализуется в следующих ФЕ:

- auf der faulen Haut liegen = nichts tun, faulenz;
- (sich) einen faulen /schönen/lauen/Lenz machen = wenig arbeiten, faulenz;
- einen ruhigen Lenz schieben = nichts/wenig arbeiten/faulenz;
- sich auf die faule Haut legen = sich hinlegen, um zu faulenz, nichts tun.

Все названные ФЕ имеют помету: umg. (разг.). Выражение *der faule Lenz* в народной этимологии объясняется как производное от глагола *faulenz*. Глагол *faulenz* состоит из основы *faul-* и суффикса *-enzen*. В результате звукового переосмысления ленивых молодых людей с 15 века в шутку называли *fauler Lenz* [<http://www.redensarten-index.de/suche>]. В данном случае *Lenz* рассматривается исследователями фразеологии как краткая форма имени собственного *Laurentius*. Этим и объясняется происхождение ФЕ, содержащих сочетания: *fauler Lenz*. Также необходимо упомянуть о том, что слово *Lenz* имеет также значение «весна», признанное в современном языке устаревшим, и используется только в поэтическом смысле. Со временем связь между *Lenz* и *Laurentius* была утеряна, в народной этимологии пытались установить связь между этими словами: временем года и именем. При этом и возникли такие ассоциации как весенняя усталость или перенапряжение, которые препятствуют нормальной работе [<http://www.redensarten-index.de/suche>].

Во второй группе представлены ФЕ, объективирующие названные концептуальные признаки имплицитно. Среди них следует назвать:

- «быть ленивым»: *den Hintern nicht hochkriegen = faul, träge sein (umg.)*;

Во ФЕ реализуется метонимический перенос *pars pro toto*: часть-целое, ср. *Hintern – den ganzen Menschen*;

- *keinen Strich tun = nichts tun, faul sein (umg.)*. Выражение происходит из языка художников. Вероятно, в основу выражения легло отсутствие усилий, необходимых для завершения полного взмаха кистью, что обусловило появление в обыденной речи компонента значения *faul* в содержании данной ФЕ.

– *Keinen Schlag tun = nichts tun, faul sein (umg.)*. – Фразеологизм восходит к языку ремесленников. В содержании ФЕ отражена работа кузнеца или плотника, при работе которых незавершенный удар молотом, топором или другим подобным инструментом отождествлялся с бездельем.

– *Sich die Eier schaukeln lassen = sich bedienen lassen, faul sein (umg., salopp)*. – Слово *Eier* разговорным обозначением нейтрального *Hoden*.

– *Sich vor der Arbeit drücken = faul sein, der Arbeit abschwächen*. – Данный фразеологизм восходит к языку охотников и описывает ситуацию, когда дичь ускользает перед глазами охотника.

- *Keinen Handschlag tun = seine Arbeit nicht machen, faul sein (umg.)*

Концептуальный признак «предаваться безделью, лениться» объективируется в следующих ФЕ, ср:

- *ein drittes Ei wachsen lassen = faul sein, nichts tun während der Arbeitszeit (umg., derb, selten)*. *Ei=Hoden*;
- *bräsig sein = träge /langsam/im Denken/ behäbig/phlegmatisch sein (umg., Norddeutschland)*;
- *einen Hänger haben = zeitweilig keine Lust haben zu arbeiten; schlapp/faul sein (umg.)*;
- *einen Durchhänger haben = zeitweilig keine Lust haben zu arbeiten, schlapp/faul/kraftlos/erschöpft sein*.

Отметим, что некоторые из названных ФЕ считаются грубыми. Такая отрицательная коннотация создается за счет наличия в составе фразеологизма неформальных обозначений частей тела человека, ср: *Arsch, Hintern, Ei*. Частотными в морфологическом составе фразеологизмов являются отрицания *kein(en), nicht*. По происхождению многие из проанализированных нами ФЕ восходят к языку ремесленников, в современном немецком языке они употребляются редко.

Проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Прилагательное *faul* в немецком языке прошло сложный путь развития, в ходе которого приобрело переносное значение «ленивый».

2. Первой ступенью на пути изменения значения прилагательного *faul* явилось его применение для обозначения предметов, подвергающихся гниению и было перенесено в область органической химии.

3. Второй ступенью развития и расширения значения исследуемого слова стало его использование в значении «инертный, вялый, негодный», которое впоследствии и привело к появлению нового оттенка значения: ленивый.

4. Частотность использования прилагательного *faul* в составе фразеологических единиц свидетельствует, на наш взгляд, об отрицательной оценке такого отношения к труду в немецком лингвокультурном сообществе.

5. Наличие довольно большого количества фразеологизмов, вербализующих признак «предаваться безделью» и «быть ленивым», отражает ценностные характеристики концепта «труд» и подтверждает типичное для представителей Германии отношение к труду.

6. Семантика фразеологических единиц, описывающих недобросовестное отношение к труду, являются отголоском средневековья и восходит к языку ремесленников, к которым предъявлялись высокие требования в работе.

Исследование не представляется конечным, т.к. изучение данного концепта продолжается с привлечением других номинативных единиц, которые помогут дополнить описание изучаемого концепта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой немецко-русский словарь. В 3т.-Т.1. / Сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева и др.: Под общ. рук-м О.И. Москальской. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз., 1999. – 760с.
2. Зеленецкий, А.Л. Теория немецкого языкознания: Учебное пособие для студ. линг. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. уч. заведений / А.Л. Зеленецкий, О.В. Новожилова. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 400с.
3. Степанова, М.Д. Лексикология современного немецкого языка: Учеб. пособие для студ.высш. учеб. заведений / М.Д. Степанова, И.И. Чернышева. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
4. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. – Leipzig. – VEB Bibliographisches Institut. – 1971. – 372 S.
5. Schmidt, W. Deutsche Sprachkunde / W. Schmidt. – Volk und Wissen Volkseigener Verlag Berlin. – 1972. – 344 S.
6. <https://archive.org/stream/WorterUndIhreSchicksale/Storfer>
7. <http://www.redensarten-index.de/suche>

Материал поступил в редакцию 14.12.16.

ON SEMANTIC TRANSFORMATION OF THE ADJECTIVE *FAUL* IN THE GERMAN LANGUAGE

R.Kh. Karimova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Sterlitamak branch of the Bashkir State University, Russia

Abstract. *The article studies semantic development of the adjective “faul” in German. The analysis involves data from etymological, monolingual explanatory and phraseological dictionaries of the German language. The article demonstrates the way of transformation of the word from its direct meaning to the indirect one as well as describes phraseological units explicitly or implicitly portraying the conceptual features “to indulge in idleness” and “to be lazy”. The results of the study complement the description of axiological, figurative and conceptual components of the concept “labour” and allow us to depict a fragment of the linguistic world-image of German native-speakers.*

Keywords: *meaning, etymology, conceptual feature, phraseological unit, nomination.*

УДК 81

ТЕКСТ В КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ КАК ПОДСИСТЕМА РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.Н. Долженков, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода
Российский государственный социальный университет (Москва), Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы функционирования текста, как полноценной подсистемы речевой коммуникации и, в частности, текста с дискурсивной номинацией в коммуникативной среде. Обосновывается деятельностная определенность текста, как полноценной подсистемы всей целостности коммуникативного акта, то есть в необходимой связи с деятельностью отправителя и деятельностью адресата (реципиента).*

***Ключевые слова:** текст, речевая коммуникация, дискурсивная номинация, адресат, отправитель, коммуникативные деятельности.*

В акте речевой коммуникации словесная номинация оценки речевого поведения партнера по речевому взаимодействию выступает как текст в коммуникативной среде.

Например:

– Really? **You don't know what you're talking about.**

– But I'm curious, and I wouldn't mind finding out [5, p. 71].

(На самом деле ты не понимаешь, о чем говоришь.

А я любопытен и не прочь выяснить, что к чему).

Текст с дискурсивной номинацией, в частности, словесной оценкой речевого поведения партнера (**You don't know what you're talking about**), наряду с коммуникативными действиями по его производству и пониманию, можно считать полноценной подсистемой речевой коммуникации. Текст с дискурсивной номинацией следует с необходимостью осознавать в закономерной связи с деятельностью. Основопологающие черты организации текста, – писал Г.В. Колшанский, – не могут быть раскрыты без обращения к деятельности как родовой категории [3, с. 123]. При этом на первом этапе уже достаточно содержательно рассматривать текст в свете его зависимости от деятельности говорящего, когда текст (высказывание) рассматривается в качестве продукта, в котором воплощено все психологическое содержание деятельности – ее предмет, средства, способ, а также психологические особенности говорящего как субъекта этой деятельности – его ценностные ориентации, мотивация, цели деятельности, условия общения, отношения к партнеру и характер воздействия на него [2, с. 174]. Текст с дискурсивной номинацией оценки речевого поведения партнера по диалогу (например, **«you don't know what you're talking about»**) является продуктом коммуникативной деятельности говорящего и программой развертывания коммуникативной деятельности реципиента. Тем самым семантико-прагматические характеристики словесной оценки речевого поведения партнера по диалогу являются продуктом коммуникативной деятельности говорящего, ориентированной на речевую деятельность адресата как потенциального реципиента.

Однако на последующем этапе представления деятельностной определенности текста он рассматривается как полноценная подсистема всей целостности коммуникативного акта, то есть в необходимой связи с деятельностью отправителя и деятельностью адресата (реципиента) [4, с. 35]. Вместо того, чтобы метить участников акта коммуникации как отправителя и получателя, при порождении коммуникации они упоминаются как коммуниканты [1, с.122]. Для этого имеется достаточно оснований. Во-первых, текст совершенно необходим коммуникации, так как без него координация коммуникативных действий невозможна. Во-вторых, в речевой коммуникации ему присущ статус относительной самостоятельности, и он, будучи произведен в коммуникативной деятельности говорящего с учетом свойств коммуникативной деятельности потенциального реципиента как адресата, может существовать далее отдельно от указанных действий. В-третьих, по субстанции текст отличен от действий, так как его субстанцией являются предметные (акустические или графические) знаки, а субстанцией коммуникативной деятельности являются речепсихические действия и операции.

Вместе с тем, в качестве подсистемы речевой коммуникации, текст определяется, прежде всего, через коммуникацию, как необходимый и особый компонент речевой коммуникации, необходимое функциональное ее звено. Вычленение текста на фоне речевой коммуникации представляет собой существенную и одну из первых процедур в построении деятельностно- и коммуникативно-ориентированных лексикологии, грамматики,

стилистики и лингводидактики, в целом теории языка и лингводидактики.

Если коммуникативные деятельности в компонентном плане состоят из речеспсихических действий и операций, проходящих через различные фазы деятельности, то текст в этом плане характеризуется как некоторое единство предметных (графических или фонетических) знаков, «знаковых тел».

Очевидно, что в каждом тексте реализуются возможности, заложенные в системе языка. Однако сводить сущность текста к реализации возможностей, заложенных в системе языка, в его единицах, категориях и правилах, недостаточно. Недостаточно определять текст только как осуществление возможностей, имеющихся в системе языка, по ряду причин. Среди них укажем на то, что к тексту непосредственное функциональное отношение имеет не система языка, а коммуникативные деятельности. Система языка реализуется в текстах только через коммуникативные деятельности. Иное понимание роли системы языка придавало бы ей статус объекта, содержащего в себе имманентную субъектную активность, возводило бы язык в некоторый самостоятельный субъект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долженков, В.Н. Характеристика актуальной транзакционной модели коммуникации / В.Н. Долженков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 3 (57). – Ч. 1. – С. 120-123.
2. Зимняя, И.А. Лингвopsихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – М., Воронеж: Модэк, 2002. – 432 с.
3. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
4. Сидоров, Е.В. Онтология дискурса / Е.В. Сидоров. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 234 с.
5. Cooper, M.A. Forgive and forget / M.A. Cooper. – New York: Pioneer Communications Network, Inc. 1994. – 188 p.

Материал поступил в редакцию 25.11.16.

TEXT IN COMMUNICATIVE ENVIRONMENT AS A SUBSYSTEM OF VERBAL COMMUNICATION

V.N. Dolzhenkov, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Translation
Russian State Social University (Moscow), Russia

***Abstract.** The article deals with the functioning of the text as a complete sub-system of verbal communication and, in particular, of the text of discursive nomination in a communicative environment. The activities' certainty of text as a communicative act complete subsystem entirety, that is required in connection with the activities of the sender and the addressee's activity (the recipient's), is substantiated.*

***Keywords:** text, verbal communication, discursive nomination, addressee, sender, communication activities.*

УДК 811.11; 81-119

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ В ПИСЬМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Л.В. Ягенич, кандидат педагогических наук, доцент
Институт иностранной филологии,
Таврическая академия КФУ имени В.И. Вернадского (Симферополь), Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности медицинского письменного дискурса, коммуникативные стратегии, которые выбирает ученный для достижения успешной коммуникации. Определены тактики, которыми пользуются врачи в процессе реализации коммуникативных стратегий в письменном дискурсе. Выделены некоторые прагмалингвистические особенности речевого поведения врачей на основании выявления специфики их письменной англоязычной деятельности по коммуникативным стратегиям «презентации» и «научного воздействия на адресата». В рамках рассматриваемых стратегий определены основные иллюстрации и выделены ключевые тактики. В рамках прагмалингвистики коммуникативные стратегии понимаются как часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой используется ряд различных языковых средств для достижения коммуникативной цели. Понимание коммуникативных намерений и осознание интенций дает возможность понять письменное англоязычное поведение врача-ученого.*

***Ключевые слова:** медицинский дискурс, письменный модус, коммуникативные стратегии, тактики, языковые маркеры.*

Коммуникация играет ключевую роль в мировом сообществе. Письменная передача информации экономит время и способствует международному общению. Умение правильно и корректно вести коммуникативную деятельность в соответствующей сфере интересов определяет успех в работе и вообще жизни. Комплексное изучение феномена говорящей личности, ее представлений о языке потребовало вовлечения в сферу лингвистических исследований разносторонних знаний из других наук, прежде всего философии, психологии, логики, социологии, этнографии, семиотики. Человек говорящий, человек общающийся стал предметом изучения и объектом описания многих ученых (В.И. Карасик, А.М. Шахнарович, И.А. Стернин, Н.И. Формановская, Ю.А. Сорокин, Ю.Е. Прохоров, Е.В. Тарасов, Л.А. Шкатова, К.Ф. Седов и др.). В поле наших научных интересов попадает медицина. Это та сфера деятельности человека, которая спасает жизнь людей. Очень важна своевременная поддержка и морального, и физического состояния человека. Бодуэн де Куртенэ говорил: «Сущность человеческого языка – исключительно психическая. Существование и развитие языка обусловлено чисто психическими законами. Слово лечит, слово держит, слово есть определяющим в жизни человека. Речь способна воздействовать на сознание человека таким образом, что делает его доступным к восприятию разнообразных и тончайших оттенков действительности [1].

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей речевого поведения врача с точки зрения функциональной прагмалингвистики. Материалом исследования служит научная письменная речь врачей на английском языке: статьи, монографии, аннотации.

Актуальность рассматриваемой в работе проблемы анализа речевого поведения врача обусловлена важностью изучения моделей речевого поведения представителей различных социокультурных групп, а также вопросов языкового и межкультурного взаимодействия, особенно в связи с тем, что английский язык международный в сфере медицинских инноваций и мировой науки.

Уникальность феномена человека пишущего состоит в том, что он предстает как равноправный субъект совместной речевой деятельности, имеющий свои коммуникативные намерения или интенции, анализирующий текущий коммуникативный процесс со своих собственных позиций и определенным образом проецирующий дальнейшее развитие дискурса [2].

Мысли имеют реализацию в материальные составные человеческого бытия. Поэтому многих ученых интересует проблема правильности письменного изложения, корректности и ясности словесной формулировки мыслей, а также коммуникативного поведения специалистов в определенной сфере. Модель коммуникативного поведения, которая определяется коммуникативными стратегиями в функциональной и скрытой прагмалингвистике, реализуется тактиками, что имеют языковые маркеры.

Говоря о медицинском дискурсе, как и любом другом виде дискурса, необходимо предложить трактовку характеристик дискурса: участники, хронотоп, жанры, темы дискурса, которые также включают в себя определенные модели поведения и ценности. В.И. Карасик выделяет следующие категории дискурса, на которых основано построение любого типа дискурса: 1) участники общения (статусы и роли участников общения); 2) условия общения (время и место общения коммуникантов); 3) организация общения (мотивы, цели и стратегии); 4) способы общения (канал и жанр общения) [3].

Обязательным участником общения в медицинском дискурсе являются врач. Врач – это человек,

использующий свои знания и умения для того, чтобы предупреждать и лечить пациентов, для сохранения и укрепления их здоровья [2]. Поэтому, необходимо выделить языковые маркеры – лексические, грамматические и фонетические особенности речи русскоязычного врача в англоязычном коммуникативной деятельности в сфере профессиональной педагогической и научной деятельности. Само понятие «языковые маркеры» поясняем вслед за Е.С. Кубряковой как маркеры национально-культурного сознания, которые подразумевает включенность национально-культурных знаний не только в денотативно-коннотативную структуру языкового знака, а в структуру языка и его единиц в виде пропозиций и фоновых знаний, принадлежащих этнолингвокультурному сознанию языковой личности. Пропозиция понимается нами как отражающая некие онтологически существующие отношения между предметами или предметом и его свойством и осмысленные как таковые в голове человека [4, с. 138].

В рамках анализа научных статей нами выделены коммуникативные стратегии «презентации» и «научного воздействия на адресата». В рамках выделенных стратегий определены основные иллокуции как понимание и осознание предложенного фактического материала, ключевые тактики в данном модусе это поэтапное четкое изложение результатов исследования. В рамках прагмалингвистики коммуникативные стратегии понимаются как часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой используется ряд различных языковых средств для достижения коммуникативной цели. Мы берем во внимание институциональный научный медицинский дискурс в жанрах: научная статья, монография, диссертация, научный доклад, выступление на конференции, стендовый доклад, научно-технический отчет, рецензия, реферат, аннотация, тезисы... [3] И применяем методики анализа текстов: контент-анализ и дискурс-анализ. При этом в определенных стратегиях и тактиках необходимо выделять языковые маркеры на двух уровнях: лексико-семантическом и грамматико-синтаксическом. Понимание коммуникативных намерений и осознание интенций дает возможность понять письменное англоязычное поведение врача-ученного.

Исследование проблемы языковых маркеров в медицинском дискурсе позволит говорить об успешности и неуспешности достижения коммуникативных целей и интенций, используя язык как систему знаков. Прагмалингвистический подход к анализу медицинского дискурса в сфере образования и науки способствует выделению акмеологической компетенции у врачей, которые работают в университетах, и реализуется она в медико-педагогическом и медико-научном дискурсах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бейлинсон, Л. С. Характеристики медико-педагогического дискурса [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. С. Бейлинсон. – Волгоград, 2001. – 184 с.
2. Жура, В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении [Текст] : диссертация д-ра филол. наук : 10.02.19 / В. В. Жура. – Волгоград, 2008. – 407 с.
3. Карасик, В. И. О категориях дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность : социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. – Волгоград ; Саратов : Перемена, 1998. – С. 185 - 197.
4. Краткий словарь когнитивных терминов. / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во Московского университета, 1996. – 238 с.

Материал поступил в редакцию 21.11.16.

LINGUISTIC MARKERS IN WRITTEN ENGLISH MEDICAL DISCOURSE

L.V. Yagenich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Institute of Foreign Philology,

Taurida College (Academic Unit) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol), Russia

Abstract. *In this article the peculiarities of written medical discourse, communicative strategy which are chosen by scientists for successful communication are considered. Tactics which doctors use for communicative strategy implementation in the written mode are determined. Some pragmalinguistic features of speech behavior of doctors are revealed based on the determination of specifics of their written English-language activities for the communicative strategy of "presentation" and "scientific impact on the addressee". Within the considered strategy, the main illocutions are defined and key tactics are allocated. Within a pragmalinguistics the communicative strategies are understood as a part of communicative behavior or communicative interaction in which a number of various language means is used for communicative purpose. The understanding of communicative intentions and perception of intensions allow to understand written English behavior of the doctor.*

Keywords: *medical discourse, written mode, communicative strategies, tactics, language markers.*

════════════ **Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics** ════════════
 ════════════ **Сравнительно-историческое, типологическое**
и сопоставительное языкознание ════════════

УДК 81.44

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ КАК УСЛОВИЕ
ПРОДУЦИРОВАНИЯ ИРОНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

З.А. Заврумов, кандидат филологических наук, доцент,
 проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала университета
 ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются определяющие условия для продуцирования иронического дискурса. Рассматривается семантический конфликт, возникающий при формировании аномальных высказываний: коммуникативная интенция, нацеленная на комический эффект, предполагает и языковую игру как «лингвистический эксперимент» с нестандартным употреблением лексем и их сочетаний. Безусловно, анализ таких нестандартных употреблений позволяет не только установить креативный потенциал текста, но и выявить периферийные значения слов, которые пока никак не задействованы в узусе и манифестируют компоненты индивидуально-авторской картины мира.*

***Ключевые слова:** иронический дискурс, семантический конфликт, коммуникация, комический эффект, художественный текст, картина мира.*

Художественный текст вовлекает читателя в эстетическую игру, направленную на создание художественного мира, в котором реальный и ирреальный миры сосуществуют. Эксплицитные и имплицитные смыслы, запечатленные художественным текстом, составляют его семантическое пространство как «воплощение мотивов, намерений и интенций его автора; это пространство реконструируемое, соответствующее той ментальной модели, которая создается реципиентом для понимания и интерпретации текста. Экспликация ассоциативных связей позволяет автору донести до читателя необходимую информацию; свободные и индивидуальные авторские ассоциации становятся направленными на читателя, который ощущает их субъективность как основную черту текста» [6, с. 156]. Например, «Тридцать шесть лет оружие пролежало в земле. Его деревянное ложе зацвело молодыми побегами. Из дула торчал георгин» [3, с. 47]. Приведенный фрагмент, в соответствии с коммуникативными авторскими стратегиями, с необходимостью должен вызывать визуальные образы, которые, вступая в специфические прагматические отношения с окружающим контекстом, продуцируют дополнительные иронические смыслы.

Иронический модус повествования является следствием авторской иронической позиции как критической по отношению к реальности, свидетельствующей к тому же об аналитичности его индивидуально-авторской картины мира. Имманентность языковой игры ироническому модусу базируется на амбивалентности человеческой психики, что детерминирует ведущую роль игрового принципа когнитивной деятельности: «Архетип духа может служить и добру, и злу, и это зависит от свободного выбора, т.е. сознания человека; добро может обратиться и во зло» [8, с. 336].

Иронический модус продуцируется посредством реализации субъективной модальности, чему способствует её аксиологическая составляющая. Ирония, как известно, всегда оценочна: сталкивая противоположные оценки в одном текстовом / дискурсивном сегменте, она совмещает эксплицитный и имплицитный планы высказывания. Ирония способна совместить в неожиданном ракурсе в одном контексте разные объекты в отношениях со- и противопоставления, что роднит её с метафорой, которая так же, как и ирония, имеет две и более плоскостей сигнификации.

Приведем пример метафоризации в ироническом контексте, который, помимо прочего, свидетельствует о контаминировании в координатах иронического контекста различных лингвориторических средств: «- Художник должен отдавать себя целиком, – говорила Варя. И вновь на мелководье его души зародился усталый протест» [3, с. 168]. В приведенном фрагменте душа имплицитно сравнивается с водной стихией, что в целом подтверждает наличие тенденции отождествления эмоций и души в целом со стихией огня, воздуха, воды.

В иронии наиболее значительными оказываются семантические отношения, отражающие модификации означаемого языковых знаков и динамический характер связей означаемого и означающего. Безусловно, данный процесс происходит не только в сфере художественного текста как высшем проявлении языковой игры,

но и в повседневном использовании языка, в котором присутствуют игровые моменты. При риске коммуникативной неудачи, сопровождающем любую языковую игру, коммуникативно-прагматический эффект, производимый ею при корректной интерпретации смысла высказывания, довольно значителен. Кроме того, эффективное использование языковой игры позволяет уточнить социокультурный статус продуцента дискурса.

Суть языковой игры состоит в намеренном нарушении конвенционального использования языковых знаков, что, безусловно, предполагает наличие у неё свода собственных правил, которые способствуют рецепции и интерпретации дискурса – «правил нарушения правил» языковой системы. Анна Вежбицкая отмечает облигаторность правил в дефиниции игры: «... (h) they (people) know what they can do they know what they cannot do [11, с. 159]. Так, нарушение лексической сочетаемости в приведенном ниже фрагменте сообщает ситуации комичность, которая, в свою очередь, усиливает иронический смысл, придаваемый повествователем происходящим событиям и характерам: «Арменак подъехал к дому Терматеузовых на рыжем скакуне. Там он *прислонил скакуна к забору* и воскликнул: - Беглар Фомич! *У меня есть дело к тебе!*» [3, с. 62]. Выделенные курсивом лексические сочетания *прислонил скакуна к забору* позволяет ввести и фразу с явно комическим эффектом (У меня есть дело к тебе).

Языковая игра, усложняя смысловую структуру высказывания, прежде всего, манифестирует метауровневое использование языковых знаков, что подтверждает, в том числе, и значимость для коммуникантов сознательного изменения соотношений формы и содержания языковых знаков в контексте. Такой ракурс позволяет рассматривать иронию как многоуровневый когнитивный феномен, в котором реализуются дополнительные онтологические смыслы. Л. Хатчеон подчеркивает, что людическая функция – одна из многих, реализуемых иронией в дискурсе [9], что не позволяет определять основную функцию языковой игры как развлекательную, т.к. ирония как её частный случай отражает социально-властные отношения участников коммуникации. К тому же, языковая игра позволяет также переосмыслить и социально-властные отношения самих персонажей, включенные в иронические контексты (опорные лексемы выделены курсивом): «Но тут ликование кроликов приняло угрожающие размеры. Можно было ожидать, что они немедленно *переизберут Короля* и *посадят* на его *место* *Задумавшегося*» [4, с. 63].

Результатом языковой игры выступает семантическая девиация, реализуемая на разных уровнях языка – от слова до высказывания и текста. Ирония не принадлежит ни к какому уровню, т.к. её формирование и манифестирование в тексте / дискурсе сопряжено с контаминированием разноуровневых языковых средств. Ирония является частным случаем вторичной номинации, по преимуществу семантического процесса, в то время как использование знаков в их прямом значении представляет собой семиотический процесс. Семиотический процесс нацелен на понимание, семантический – как на понимание, так и на интерпретацию. Иронический дискурс / текст всегда предполагает творческое использование языка, в котором языковая игра выступает одним из способов создания иронического модуса. Например, «Рука Фомы Григорьевича, вместо того чтоб показать *шиш*, протянулась к *книшу*, и, как всегда водится, начали прихваливать мастерицу хозяйку» [1, с. 10]. Данный фрагмент из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» свидетельствует, прежде всего, о приоритетности в данном художественном тексте фольклорных традиций с облигаторностью ритмических повторов (шиш – книш <род печёного хлеба>).

Феномен иронии, многообразно интерпретируемый в общегуманитарной научной парадигме, приобретает особый статус в постмодерне, когда становится очевидной невозможность оригинальности и первоизданности в творческом и онтологическом смыслах. Значимым в этом смысловом поле оказывается и явление языковой игры, которое задает вектор провоцирования интеллектуальных усилий реципиента иронического дискурса. Ирония не настаивает на единственном варианте интерпретации дискурса, а позволяет формировать амбивалентный ракурс экспликации предмета изображения. Постмодернистский автор вводит в свой текст иронический метатекст как комментарий, целью которого становится реализация иронической маски трикстера, который способен аннигилировать ожидания читателя, его стереотипы, а также, в конечном счете, рациональность бытия. Иронический дискурс обнаруживает способность к многоуровневому символическому кодированию текста.

Так, С.Д. Довлатов вводит авторский иронический метатекст (выделен курсивом), который в последнем высказывании (выделено курсивом) доведен посредством до абсурда посредством градации высказываний собеседника героя – редактора: «Ну, хорошо, допустим. Тогда скажите мне, что олицетворяют птицы в качестве нравственной эмблемы? Радиоволну или химическую клетку? Хронос или Демос?..

От ужаса я стал шевелить пальцами ног.

- Еще один вопрос, последний. Вы – жаворонок или сова?

Я закричал, поджег бороду редактора и направился к выходу» [3, с. 37]. Разумеется, реципиент адекватно оценивает эту последнюю фразу как языковую игру, прием реализации самоиронии в макроконтексте всего рассказа.

Лингвистический механизм иронии и его результаты имеют амбивалентный характер ввиду неоднозначности оценки и широкого спектра эмоций, обусловленных ироническим воздействием. В целом можно говорить о глобальных сомнениях социума, обладающего ироническим мировоззрением, в наличии абсолютных ценностей, что детерминирует тотальный пессимизм, цинизм, деконструкцию мифов. Ирония в отношении первоисточников становится основой для компилятивности дискурсов, для множественности вариантов развития

событий в повествовании, что свидетельствует о деструктуризации логических причинно-следственных отношений. Например, С. Довлатов, характеризуя социокультурную ситуацию в СССР, даёт как бы взгляд изнутри, придавая иронический смысл происходящему в жизни героев, намеренно лишенных юмора и самоиронии: «К экзаменам Алик и Лора не готовились. Они были слишком увлечены любовью. К тому же антисемитизм усиливался. Зато началась массовая эмиграция. Алик и Лора решили уехать. Таким образом, сразу же решалось несколько проблем. Родители были в отчаянии. Во-первых, дети собирались жениться. И к тому же покидали родину» [3, с. 182].

Вариативность интерпретирования иронических текстов и высказываний позволяет рассматривать их когнитивно-прагматический потенциал в тесной связи с теми фоновыми знаниями, которыми обладает реципиент. Эмоциональное воздействие, оценочность, экспрессивность иронии детерминируют её значимость в структурировании семантического пространства художественного текста.

Ирония, представляющая собой один из основополагающих компонентов эстетической и литературно-художественной систем, определяет структурную организацию художественного текста. Эта важная функция облигаторно реализуется иронией благодаря субъективно-модальному значению, присущему ей и отражающему авторскую оценочную позицию и аксиологическую систему личности в целом. Закономерно пристальное внимание исследователей к параметрированию признаков иронии в художественном тексте с позиций литературоведения и лингвистики, актуальность её изучения возрастает в связи с пониманием онтологического статуса в современной культуре [7; 10].

Такой ракурс понимания иронии позволяет не только выявлять её маркеры в художественном тексте, какими являются, прежде всего, лингвостилистические средства иронии, но и осмысливать иронию как эстетический принцип, позволяющий продуценту текста особым образом репрезентировать фрагменты индивидуально-авторской картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений в шести томах / Н. В. Гоголь. – М.: Гослитиздат, 1959.
2. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов. – М.: Лабиринт, 1997. – 303 с.
3. Довлатов, С. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. I / С. Довлатов / Сост. А.Ю. Арьев. – СПб.: Изд-во «Азбука», 2000. – 400 с.
4. Искандер, Ф. Кролики и удавы. Созвездие Козлотура. Детство Чика: притча, повесть, рассказы / Ф. Искандер. – М.: Эксмо, 2009. – 832 с.
5. Казиева, Д. А. Социетальная функция PR-дискурса в интегрированной коммуникации / Д. А. Казиева, А. М. Казиева // Гуманитарные исследования. – 2015. – №4 (56). – С. 59-62.
6. Кузнецова, А.В. Художественный текст в когнитивной парадигме: семантическое пространство и концептуализация / А.В. Кузнецова // European social science journal. Рига – Москва, 2011. – № 5. – С. 155-161.
7. Штайн, К. Гармония поэтического текста / К. Штайн. – Ставрополь: СГУ, 2006. – 646 с.
8. Юнг, К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / К. Г. Юнг. – М.; Киев : Совершенство; Порт-Рояль, 1997. – 384 с.
9. Hutcheon, L. Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony / L. Hutcheon. – New York: Routledge, 1995. – 248 p.
10. Muecke, D. The Compass of Irony / D. Muecke. – London: Methuen & Ltd., 1969. – 276 p.
11. Wierzbicka, A. Semantics: Primes and Universals / A. Wierzbicka. – Oxford University Press, 1996. – 500 p.

Материал поступил в редакцию 09.01.17.

SEMANTIC CLASH AS CONDITION OF IRONIC DISCOURSE IMPLEMENTATION

Z.A. Zavrurnov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Vice Rector for Research and Development of Intellectual Potential of University
Pyatigorsk State University, Russia

Abstract. *This article deals with the conditions for implementation an ironical discourse. The semantic clash arising when forming anomalous utterance is considered: the communicative intension aimed at comic effect implies also a language game as "a linguistic experiment" with the non-standard applying of lexemes and their combinations. Certainly, the analysis of such non-standard applying allows not only to establish the creative potential of the text, but also to reveal peripheral word meanings which aren't involved in usage in any way and demonstrate components of individual and author's worldviews.*

Keywords: *ironic discourse, semantic clash, communication, comic effect, art text, worldview.*

УДК 1751

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВ МЕНЕДЖЕР И MANAGER В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ф.Ф. Шигапова¹, Г.Н. Салахутдинова²

¹ преподаватель кафедры теории и практики перевода, ² студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия

***Аннотация.** Представленная статья посвящена изучению семантики слова менеджер, заимствованному из английского языка (manager) в русский. Были выявлены сходства и различия семного состава в структуре указанных слов. Авторами была проанализирована частотность употребления слова manager в английском языке и слова менеджер – в русском. Была изучена деривативная способность заимствования. Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности использования результатов исследования в курсах языкознания, теории и практики перевода.*

***Ключевые слова:** ассимиляция, Национальный корпус русского языка, деривативная способность, manager, менеджер.*

Все языки меняются с течением времени, грамматический структура упрощается, происходят изменения в лексическом составе языка, некоторые слова перестают употребляться, так как исчезают их денотаты, другие же под влиянием определенных условий приобретают дополнительные значения, меняется их коннотация, словарный запас языка пополняется заимствованиями. Больше всего лексический состав языка пополняется во время социальных, культурных и научно-технических преобразований, ввиду того что появляются новые понятия, термины, явления. Так во время христианизации Руси, в 988-990 годах, в состав русского языка вошли латинизмы, обогащение русского языка заимствованиями из монгольского языка произошло начиная с 1243 года, когда установилось татаро-монгольское иго, а в 1696-1715, 1715-1725 годах, в период петровских реформ, в язык начали проникать заимствования из европейских языков. На сегодняшний день русский язык испытывает мощное воздействие англицизмов. В первую очередь это связано с процессами глобализации и ведущей ролью США на мировой арене.

Многие исследователи обратили внимание на данное явление. Изучением процесса заимствования занимались такие языковеды как В.М. Аристова, С.А. Беляева, М.А. Брейтер, Э.Ф. Володарская, В.Г. Костомаров, Л.П. Крысин, Т.В. Максимова, Е.В. Маринова, Е.В. Сенько, Ю.С. Сорокин и т.д.

Актуальность нашей работы состоит в изучении выражения этнокультурной идентичности в заимствованиях из английского языка, разностороннем сопоставлении заимствованных слов с их аналогами, что ранее было рассмотрено лишь фрагментарно. Представляется интересным изучить изменение семантической структуры слова при заимствовании и выражение этнокультурная идентичность социума в языке-рецепторе.

Цель нашей работы состоит в сопоставлении лексико-семантического значения указанных единиц английского и русского языков.

Объектом исследования выступает лексико-семантическая структура слов manager и менеджер в английском и русском языках. Предметом изучения являются сходства и различия в лексико-семантической структуре данных слов.

Источниками послужили Национальный корпус русского языка (НКРЯ), и параллельный подкорпус национального корпуса русского языка (ПП НКРЯ).

Практическая значимость нашей работы состоит возможности использования результатов исследования в курсах языкознания, теории и практики перевода.

Словари иностранных слов, вошедших в состав русского языка, и этимологические словари современного русского языка фиксируют факт заимствования слова менеджер в русский язык из английского в XX веке, где manager – суффиксальное производное от глагола to manage управлять, руководить [4, с. 230; 5, с. 507; 6, с. 300].

В свою очередь английское слово to manage, согласно этимологическому словарю современного английского языка, было заимствовано в 1560 году из итальянского языка, где глагол maneggiare означает заниматься делами, в особенности присматривать за лошадьми. Начиная с 1570 года to manage расширило свое значение и начало употребляться экономическом дискурсе [7, с. 544].

В современном английском языке manager является многозначным словом. В словаре OED (Oxford English Dictionary) приведены следующее толкование значений слова: 1) A person responsible for controlling or administrating an organization or group of staff – человек, который отвечает за управление организацией или персоналом; 2) A person, who controls the professional and business activities of performer, sports palyers, musicians – человек, который уполномочен руководит финансовыми делами и продвижением исполнителя, спортсмена, музыкальной группы; 3) A person in charge of activities, tactics and training of a sports team – человек, проводящий

тренировки, обучающий маневрам, тактическим приемам группу спортсменов; 4) A person regarded in terms of their skills in managing resources, especially those of a household – когда слово употребляется с прилагательным, означает человека, который способен правильно использовать ресурсы, продукты, в частности в домашнем хозяйстве; 5) A program or system that controls or organizes peripheral devices or process – программа, которая отвечает за работу внешних устройств или за проведение определенных процессов. 6) (in the Houses of Parliament and the US Senate) a member of a committee appointed by one house to confer with a similar committee of the other house – В Палате Парламента Великобритании, в Сенате США член комитета парламента, который ведет переговоры с комитетом другой палаты. [8, с. 566].

В русском дискурсе слово менеджер актуализирует только два значения, аналогичных, зафиксированным в структуре значения слова manager. В толковом словаре под редакцией Ефремовой, приводятся два толкования слова менеджер: 1) специалист в области управления производством, предприятием; 2) организатор творческой, спортивной и т.п. деятельности какого-л. коллектива или отдельного лица [1, с. 607].

О глубокой ассимиляции слова менеджер в системе русского языка свидетельствует образование новых слов морфологическим способом, путем добавления суффиксов -ский/ -ться. В русском языке корень слова менеджер – менеджер. От слова менеджер по словообразовательным моделям русского языка образованы слова, которые заимствованиями не являются: менеджироваться, менеджерский.

Мы также проанализировали частотность употребления слова manager в английском языке и слова менеджер – в русском. В British National Corpus слово manager зафиксировано 13523 раза. Проведенный анализ частоты употребления слова менеджер в русском языке на основе НКРЯ показал, что слово менеджер в качестве существительного употребляется в 1855 иллюстрациях, прилагательное менеджерский 81 раз, а глагол менеджироваться 1 раз. На основе полученных результатов из BNC, НКРЯ и ПП НКРЯ можно прийти к выводу, что в англоязычном дискурсе слово manager широко используется, в то время как частотность слова **менеджер** в русском дискурсе в 7,5 раз меньше. Слово менеджер функционирует в двух сферах русского дискурса: экономика и технологические изобретения.

Анализ способов перевода английских текстов ПП НКРЯ, содержащих слово manager, показал, что из 432 иллюстраций наиболее часто английское слово manager переводится как управляющий, который использован в 168 (39 %) примерах. Далее использованы лексико-семантические варианты заведующий (17 %), менеджер (8,8 %), директор (7,2 %), администратор (4,3 %), агент (2,8 %), хозяин (хозяйка) (2,8 %), дежурный (2,3 %), антрепренёр (4,3 %), импресарио (1,4 %), режиссёр (1,2 %), жеран (1,1 %), секундант (1,1 %), тренер (1,1 %).

Для достижения адекватного перевода иногда переводчик применяет такой прием как замена частей речи и членов предложения в процессе перевода. Например, *It would be such a pleasure to show him what a manager she was, how everything would go smoothly in her hands, how careful she would be of his earnings – their joint possessions (Theodore Dreiser. The "Genius", book I-II)* [3]. *Вот будет удовольствие показать ему, как она прекрасно управляется с хозяйством, как работа спорится у нее в руках, как бережно она обращается с деньгами — их общим достоянием (Теодор Драйзер. Гений (ч. 1-2) М. Вологов)* [3]. В данном случае переводчик заменяет существительное *a manager* выражением *как она прекрасно управляется с хозяйством* при переводе. Такое преобразование диктуется чисто стилистическими соображениями. Грамматика не запрещает перевести слово manager дословно: *какая она прекрасная хозяйка...* но такой перевод несравненно хуже и менее точнее трансформационного: *... как она прекрасно управляется с хозяйством.*

Проанализировав и сопоставив семантические компоненты значений слов менеджер и manager можно сделать следующие выводы: 1) Семантическая структура заимствованного слова менеджер значительно уже структуры его аналога в английском языке – слова manager. 2) Слово manager функционирует в англоязычном дискурсе в шести значениях. 3) Слово менеджер ассимилировалось в системе русского языка, свидетельством чему является образование новых слов по словообразовательным моделям русского языка.

Лексический состав русского языка в 21 веке стремительно расширяется, пополняется заимствованиями, в основном, из английского языка, что в первую очередь связано с отсутствием барьеров для межкультурных контактов и ролью английского языка в мире как лингва франка. Языковые изменения – это следствия нашего употребления языка, представляющие собой «специальный случай социокультурных изменений» [2, с. 78]. Однако, иноязычное слово не остается неизменным в течение долгого времени, оно постепенно меняется в соответствии с системой языка, происходит процесс ассимиляции. Как показало проведенное нами исследование, заимствованные лексические единицы наделяются в дискурсе новыми ценностно-смысловыми элементами, что свидетельствует об эволюции современного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково - словообразовательный / Сост. Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1233 с.
2. Крысин, Л.П. Этапы освоения иноязычного слова / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. – 1991. – №2. – С. 74-78
3. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] / режим доступа: <http://ruscorpora.ru/> (29.03.15)
4. Попов, М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / Сост. М. Попов. – М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. – 466 с.
5. Чудинов, А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Сост. А.Н. Чудинов. – СПб.: Издание книгопродавца В.И. Губинского, Типография С.Н. Худекова, 1894. – 1004 с

6. Шапошников, А.К. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т. 1. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 584 с.
7. Concise Oxford English Dictionary – Oxford University Press, 2008 – 1007.
8. Weekley, E. An Etymological Dictionary of Modern English / Ernest Weekley – Cambridge University, 1961. – 864 p.

Материал поступил в редакцию 20.12.16.

CONTRAST-BASED ANALYSIS OF *МЕНЕДЖЕР* AND *MANAGER* IN RUSSIAN AND ENGLISH

F.F. Shigapova¹, G.N. Salakhutdinova²

¹ Lecturer of Department of Practice and Theory of Translation, ² Student
Kazan Federal University, Russia

Abstract. *This article deals with the semantics of **менеджер** incorporated from English (**manager**) into Russian. The similarities and distinctions of component structure in the specified words have been revealed. Authors have analysed the usage frequency of word **manager** in English and word **менеджер** in Russian. The derivative ability of borrowing has been studied. The practical importance of research consists in possibility of usage of research results in linguistics, theory and practice of translation.*

Keywords: *assimilation, Russian National Corpus, derivative ability, manager, менеджер.*

Applied and Computational Linguistics
Прикладная и математическая лингвистика

УДК 81

**ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ
В РУССКО-ПОЛЬСКОМ СЛОВАРЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ ***

М. Коздра, кандидат гуманитарных наук, научный сотрудник
Институт русистики, Варшавский университет, Польша

***Аннотация.** Целью статьи является определение принципов лексикографирования в «Русско-польском словаре лексических параллелей». Главным критерием отбора слов является учебно-методическая целесообразность и учет потребностей пользователей. Значения располагаются с учетом актуальности данного значения слова для современной живой русской речи. Словарная статья построена следующим образом: заголовочное слово русского языка с его польскими коррелятами; грамматическая характеристика; толкование; переводной эквивалент; стилистические пометы; иллюстративные словосочетания. Толкования вырабатываются с помощью толковых и двуязычных словарей современного русского и польского языков, электронных корпусов, а также на основании собственной языковой интуиции авторов словаря. В словаре отражение находят неполные, полные и ложные лексические параллели.*

***Ключевые слова:** лексикографирование, русско-польский словарь, лексические параллели, словарная статья, дефиниции.*

1. Введение

Цель данной статьи – **определить принципы лексикографирования в составляемом Русско-польском словаре лексических параллелей (РПСЛП)**¹, а также **представить конкретные примеры, разработанных по этим принципам, словарных статей.**

РПСЛП представляет собой **инновационный современный дидактический словарь**, в котором отражение находят неполные, полные и ложные лексические параллели. **Неполные лексические параллели** – это внешне сходные слова сравниваемых языков, в случае которых можем говорить о совпадении одних и несовпадении других значений. В свою очередь, **полные лексические параллели** – это внешне сходные слова двух языков с полностью совпадающими семантическими структурами или единственным совпадающим значением. **Ложные лексические параллели** являются различными по значениям или совокупности значений словами двух и более синхронически сопоставляемых языков [Дубичинский, Ройтер 2015: 63-65; Dubichynskyi, Reuther 2012: 125].

Процесс лексикографирования в РПСЛП обозначает процедуру:

- отбора заголовочных единиц,
- расположения значений,
- построения словарной статьи,
- дефинирования,
- а также приведения иллюстративных примеров [Дубичинский, Ройтер 2015: 83].

2. Принципы лексикографирования в РПСЛП

2.1. Первый принцип лексикографирования связан с отбором слов для словаря. Главным критерием этого отбора является **учебно-методическая целесообразность**, а также **учет потребностей пользователей.**

Принцип учебно-методической целесообразности и учет потребностей пользователя обозначает, что в словарь включены слова, которые **вызывают частые проблемы в изучении русского языка среди учащихся**, связанные с **интерференцией**, понимаемой как «те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта» [Вайнрайх 1979: 22]. Потребности учащихся изучаются и определяются на основании проводимых научным коллективом **практических занятий со студентами и взрослыми учащимися.** В ходе занятий и уроков, дискуссий и выполняемых упражнений, а также предоставления непосредственной информации учащимися, преподавателем фиксируются слова, которые вызывают **неверные ассоциации**, влияющие на допущение учениками ошибок в продуцируемых ими на русском языке речевых актах. Поэтому в словарь предлагается ввести пары слов, с которыми зачастую сталкиваются учащиеся в процессе изучения русского

языка, например: здание – *zдание*, бабка – *babka*, бабочка – *babeczka*, муха – *tucha*, ковер – *kawior*, лыжи – *łyżwy*, овощи – *owoce*, болван – *bałwan*, поезд – *pojazd*, час – *czas*, чашка – *czaszka*, сливки – *śliwki*, дыня – *dynia*, каша – *kasza*, рогатка – *rogatka*, бурда – *burda*, утечка – *ucieczka*, титул – *tytuł*, тесто – *ciasto*, тачка – *taczka*, сыр – *ser*, страна – *strona*, среда – *środa*, словник – *słownik*, режим – *reżim*, перекур – *przekór*. Все они являются лексическими параллелями, то есть словами, которые **совпадают в плане выражения и являются сходными или несходными в плане содержания** [Дубичинский, Ройтер 2015: 62]. Кроме учебно-методической целесообразности при составлении словаря учитываются также **потребности учащихся**. Именно ученики сами неоднократно обращают внимание на **контрастивную характеристику слов русского и польского языков**, то есть их интересуют, в первую очередь, слова, которые не совпадают по значениям.

2.2. Следующий принцип, существенный в процессе лексикографирования, – это принцип **расположения значений**.

Главным принципом расположения значений в РПСЛП является **актуальность данного значения слова для современной живой русской речи** [Дубичинский, Ройтер 2015: 83]. В связи с этим, слова, употребляемые активно, включаются перед устаревшими, нетерминологические значения конкретных лексических единиц – перед терминологическими, а значения лексем с высокой частотностью – перед значениями, употребляемыми редко. Актуальность данных значений определяется с использованием анализа данных текстовых корпусов, а также частотных словарей². Например, слово *бабки* в значении ‘деньги’ дается перед словом *бабки* в значении ‘игра’, так как *бабки* в значении ‘деньги’ чаще можно встретить в живой речи носителей языка или в русскоязычных текстах. Ниже приводится этот пример.

⚠ **I БА́БКИ**, бабок, *мн.*
см. I, II, III БАБКА

⚠ **II БА́БКИ**, бабок, *только мн.*
разг. деньги: *зарабатывать бабки*
- **forsa; kasa**

⚠ **III БА́БКИ**, бабок, *только мн.*
устар. разг. игра: *играть в бабки*
- **gra w kości**

Кроме того, о высокой актуальности значения ‘деньги’ у слова *бабки* может свидетельствовать его широкая сочетаемость. В *Национальном корпусе русского языка* (НКРЯ) можно найти большое количество примеров слов, которые сочетаются с лексемой *бабки* в значении ‘деньги’, напр. *громадные бабки*; *зарабатывать бабки*; *срубить бабки*; *заколачивать бабки*; *бабки в кармане*; *пропить все бабки*; *бешеные бабки*; *отмывать бабки*; *делать бабки* (НКРЯ).

2.3. Третий принцип лексикографирования относится к **построению словарной статьи**.

Словарная статья в РПСЛП включает в себя:

- заголовочную единицу русского активного словарного запаса с ее польскими соответствиями,
- краткую грамматическую характеристику заголовочной единицы,
- толкование каждого значения русского слова и его польского коррелята,
- переводной эквивалент,
- стилистические, территориальные и другие лексикографические пометы,
- иллюстративные словосочетания лексико-семантических вариантов заголовочной единицы [Дубичинский, Ройтер 2015: 84].

Интерсемемы, то есть совпадающие значения неполных лексических параллелей, обозначаются знаком равенства (=), а **идиосемемы**, то есть специфические значения, отражающие национально-культурное своеобразие слова – звездочкой (*) [Дубичинский, Ройтер 2015: 64].

Пример такой статьи представлен ниже.

БОЛВАН, -а, м

1. *разг. неодобр.* глупый мужчина: *он просто неотесанный болван*

2. *устар.* идол: *поклоняться болванам*

BAŁWAN, -a, m

1. = БОЛВАН 1

2. = БОЛВАН 2

3*. *разг.* фигура из снега; снеговик: *ulepić bałwana*

У русского слова *болван* и польского *bałwan* две интерсемемы – ‘глупый мужчина’ и ‘идол’. Кроме этих двух интерсемем у польского слова существует еще одно значение, которого нет у его русского коррелята – ‘фигура из снега; снеговик’. Это значение является специфическим, присущим только польского корреляту. Оно является идиосемемой, поэтому отмечается в словаре условным знаком – звездочкой.

2.4. Предпоследний принцип лексикографического описания слов в РПСЛП касается **дефинирования заголовочных слов**.

Толкования вырабатываются с помощью **толковых** и **двуязычных словарей** современного русского и польского языков, **электронных корпусов**, а также на основании **собственной языковой интуиции** авторов словаря, понимаемой как «явление, [...] выражающееся в умении продуктивно, минуя логические операции, решать (в устной и письменной речи), что соответствует или чуждо речевым нормам языка» [Ибрагимбеков 1963: 104, цит. по Чибухашвили 2009]. В рамках словаря мы пользуемся **упрощенным вариантом толкований** в соответствии с главной целью словаря и его целевой аудиторией. Учитывается при этом так **научная**, как и **наивная картины мира**. Однако предпочтение отдается «ближайшему значению слова» [Потебня, цит. по Балашова 2006], «повседневным» [Горский, цит. по Балашова 2006], «бытовым» [Стернин, цит. по Балашова 2006] представлениям об описываемом объекте, то есть наивной картине мира. Ее учет в дефинировании слова связан с тем, что толковые словари содержат слишком много энциклопедической информации, научных терминов, а даже ошибки в толковании (чаще всего *ignotum per ignotum*), которые вызывают трудности в понимании значений слов у иностранцев. Ниже приводится пример энциклопедизации дефиниции слова *муха* в выбранных толковых словарях русского языка.

1. *насекомое отряда двукрылых, переносчик возбудителей ряда заразных болезней* (БТСРЯ)
2. *общее название широко распространённых двукрылых насекомых* (ТСРЯ)
3. *насекомое отряда двукрылых* (СТСРЯ)
4. *родовое название двукрылых насекомых с хоботом* (ТСЖВЯ)

Эти дефиниции содержат узкоспециальные термины, например: *отряд, двукрылые, возбудители, хобот*. Следует однако отметить, что в последнее время разрабатываются словари, которые все чаще применяют в толкованиях концепцию наивной картины мира³. В качестве примера можно привести дефиницию *мухи* из *Большого универсального словаря русского языка* под редакцией В.В. Морковкина:

широко распространённое небольшое по размеру летающее насекомое с одной парой прозрачных крыльев (БУСРЯ).

Как можно заметить, авторы БУСРЯ предлагают более простую дефиницию по сравнению с предыдущими. В качестве *genus proximum* (архисемы) остается слово *насекомое*, присуще научной картине мира, но *differentia specifica*, то есть отличительные, дифференциальные признаки, приближаются к наивной картине – ‘распространенное’, ‘небольшое по размеру’, ‘одна пара крыльев’.

Согласно утверждению Анны Вежицкой «семантика – это поиски смысла, а не поиски научного или энциклопедического знания» [Вежицкая 1996: 244, цит. по Чернобров 2012]. Таким образом А. Вежицкая подчеркивает, что особое внимание специалистов должны привлекать также **периферийные компоненты значения слова**⁴, присущие повседневной (наивной) концептуализации мира. Нам близок тот подход, который подчеркивает необходимость учета наивной картины мира в дефинировании слов, поэтому стараемся упрощать толкование максимально. В некоторых дефинициях сохраняем, однако, элементы энциклопедических (научных) знаний. Это касается таких слов, в которых энциклопедические и «наивные» знания о мире образуют органическую связь. Она определяется спецификой переработки памятью человека разностороннего опыта взаимодействия индивида с окружающим его миром [Залевская 1990, цит. по Федурко 2008]. Эти знания создают некий неразрывный *когнитивный конгломерат*. Примером учета разных знаний в дефинировании может послужить толкование значения упомянутой раньше леммы *муха* в РПСЛП.

МУХ/А, -и, ж

1. насекомое: *муха летает по комнате; убить муху*

MUCH/A, -y, ż

1. = МУХА

2*. повязка (галстук) в виде банта: *złożyć muchę do koszuli*

с.м. также **БАБОЧКА**

В дефиниции *мухи* оставляем родовое понятие *насекомое*, хотя оно характерно для научной картины мира, по нескольким причинам. Во-первых, трудно было описать значение слова *муха* с помощью другого

genus proximum. Во-вторых, РПСЛП не является толковым словарем и поэтому нецелесообразно слишком подробно разрабатывать толкование такого рода слов.

2.5. Последний принцип лексикографирования в РПСЛП связан с **приведением иллюстративных словосочетаний**.

Цель иллюстративных словосочетаний состоит в том, чтобы дать необходимый контекст употребления данной лексической единицы [Дубичинский, Ройтер 2015: 86]. Они лучше представляют употребление описываемых лексем в живой речи. Мы стремимся привести такие иллюстративные примеры, которые имеют **лексикографическую ценность** с точки зрения лексического состава описываемых лексем, например, для лексемы *бабки* (в значении *деньги*) дается пример *зарабатывать много бабок*, то есть с глаголом тесно связанным с описываемой лексемой. Для слова *бабка* приводится пример *дрожжевая бабка*, то есть с прилагательным, обозначающим вещество, из которого сделан описываемый объект. Для лексемы *болван* в значении ‘бестолковый, глупый мужчина’ с оттенком разговорности и пренебрежительности – *он просто неотесанный болван*, то есть с прилагательным *неотесанный*, демонстрирующим разговорную окраску словосочетания, а также содержащим компонент негативной оценки.

3. Примеры словарных статей в РПСЛП

Основную часть словаря составляют **неполные лексические параллели**. Например, русское *баба* и польское *baba* совпадают в значениях 1-7 (то есть можем говорить о семи интерсемемах), но один лексико-семантический вариант русского слова *баба* ‘фигура из снега; снеговик’ является специфической, национально-своеобразной, то есть является идиосемемой. В случае идиосемемы дается переводной эквивалент на польском языке. Неполная лексическая параллель представлена ниже.

I БА́Б/А, -ы, ж

1. разг. пренебр. женщина: *толстая баба*
2. разг. старая женщина
3. разг. простая женщина: *глупая баба*
4. разг. неодобр. жена: *баба моего племянника*
5. перен. неодобр. трусливый мужчина: *испугался как баба*
6. детск. бабушка: *моя баба Клара*
7. разг. торговка: *покупать фрукты у бабы на рынке*
- 8*. разг. фигура из снега; снеговик: *снежная баба*

- *balwan*

I BAW/A, -y, ż

1. = БАБА I, 1
2. = БАБА I, 2
3. = БАБА I, 3
4. = БАБА I, 4
5. = БАБА I, 5
6. = БАБА I, 6
7. = БАБА I, 7

Кроме того, даже в совпадающих значениях (интерсемемах) можно выделить мельчайшие, различающиеся в сравниваемых языках, смысловые оттенки лексико-семантических вариантов (семы). В словаре они обозначены знаком сужение (>) или расширение значения (<).

Примером может послужить статья *туалет*.

I ТУАЛЕТ, -а, м

1. помещение: *сходить в туалет*
2. лоток для животных: *купить туалет для собаки*

I TOALET/A, -y, ż

- = ТУАЛЕТ I, 1
= ТУАЛЕТ I, 2

II ТУАЛЕТ, -а, м

гигиенические процедуры: *тратить много времени на туалет*

II TOALET/A, -y, ż

= ТУАЛЕТ II

III ТУАЛЕТ, -а, м

столлик с зеркалом: *причесываться за туалетом*

III TOALET/A, -y, ż

= ТУАЛЕТ III

IV ТУАЛЕТ, -а, м

одежда (чаще женская): *надеть вечерний туалет*

IV TOALET/A, -y, ż

= ТУАЛЕТ IV > только для женщин

Польское слово *toaleta* в значении ‘одежда’ применяется только по отношению к женской одежде. В русском же языке слово *туалет*, хотя тоже чаще всего употребляется, когда речь идет о женском наряде, возможно употребить и в значении мужской одежды. Об этом свидетельствует цитата из произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина:

Хотя бури жизни и порастрепали несколько его туалет, но никто не мог дать более полезного наставления насчет цвета штанов, который мог бы подействовать на сердце женщины с наиболее сокрушительной силой (Салтыков-Щедрин).

В РПСЛП отражение находят также **полные лексические параллели**. Например, русское слово *баба* и польское *baba* идентичны своими семантическими объемами в значении ‘кулич’.

П БА́Б/А, -ы, ж
кулич: *дрожжевая баба*

П ВАВ/А, -у, ż
= БАБА П

Кроме того, в словаре будут учтены также **ложные лексические параллели**. Среди ложных лексических параллелей можно назвать: русское *ковёр* в значении ‘тканое изделие для покрытия пола’ и польское *kawior* со значением ‘продукт питания (чаще как закуска) в виде яиц рыб’.

4. Заключение

РПСЛП представляет собой дидактический словарь, в котором отражение находят неполные, полные и ложные лексические параллели. Неполные лексические параллели – это внешне сходные слова сравниваемых языков, в случае которых можем говорить о совпадении одних и несовпадении других значений. В свою очередь, полные лексические параллели – это внешне сходные слова русского и польского языков с полностью совпадающими семантическими структурами или единственным совпадающим значением. Ложные лексические параллели являются различными по значениям или совокупности значений словами двух и более синхронически сопоставляемых языков.

Принципы лексикографирования в составляемом *Русско-польском словаре лексических параллелей* относятся к: отбору заголовочных единиц, расположению значений, построению словарной статьи, дефинированию, а также приведению иллюстративных примеров.

Основным критерием отбора слов для РПСЛП является учебно-методическая целесообразность, а также учет потребностей пользователей. Расположения значений в РПСЛП определяется актуальностью данного значения слова для современной живой русской речи. Словарная статья в РПСЛП построена следующим образом: заголовочное слово русского активного словарного запаса с его польскими коррелятами; краткая грамматическая характеристика заголовочного слова; толкование каждого значения русского слова и его польского коррелята; переводной эквивалент; стилистические, территориальные и другие лексикографические пометы; иллюстративные словосочетания лексико-семантических вариантов заголовочной единицы. Толкования слов вырабатываются с помощью толковых и двуязычных словарей современного русского и польского языков, электронных корпусов, а также на основании собственной языковой интуиции авторов словаря. В рамках словаря применяется упрощенный вариант толкований в соответствии с главной целью словаря и его целевой аудиторией. Учитывается при этом так научная, как и наивная картины мира. Однако предпочтение отдается наивной картине. Цель иллюстративных словосочетаний состоит в том, чтобы дать необходимый контекст употребления данной лексической единицы.

** Статья является расширенной версией презентации, представленной на Международной научной конференции «Русский язык XXI столетия – истоки и перспективы», организованной Институтом русистики Варшавского университета, прошедшей в Варшаве с 15 по 16 сентября 2016 года.*

Примечания

¹ Словарь создается с 2016 года научным коллективом Института русистики Варшавского университета в составе: проф. Владимир В. Дубичинский, к.ф.н. Михал Коздра, к.ф.н. Магдалена Куратчик в рамках Лаборатории лексикографических исследований того же института.

² Нами учитываются данные Словарей, созданных на основе Национального корпуса русского языка, в том числе Нового частотного словаря русской лексики О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова (НЧСРЛ).

³ Примером такого словаря может быть БУСРЯ.

⁴ Их называют также несигнификативными, стереотипными, факультативными, ассоциативными, вероятностными, слабыми и коннотативными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Словари и корпуса

1. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка. – 2000. – Ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург.
2. БУСРЯ – Большой универсальный словарь русского языка. – 2016. – Ред. В. В. Морковкин. Москва.
3. НКРЯ – Национальный корпус русского языка, <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 4.01.2017).
4. НЧСРЛ – Новый частотный словарь русской лексики – О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров, <http://dict.ruslang.ru/> (дата обращения 4.01.2017).
5. СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка. – 2005. – Ред. Т. Ф. Ефремова. – Москва.
6. ТСЖВЯ – Толковый словарь живого великорусского языка. – 1978. – Москва.
7. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка. – 1994. – С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва.

Монографии и статьи

1. Балашова, Е. А. К вопросу об отражении наивной картины мира в лексикографии и лексикологии / Е. А. Балашова // *Philological studies*. №2. 2006. URL <http://philologicalstudies.org/dokumenty/2006/vol2/14.pdf> (дата обращения 4.01.2017)

2. Вайнрайх, У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Перевод с англ. и комментарии Ю. А. Жлуктенко; вступит. ст. В. Н. Ярцевой. – Киев, 1979.
3. Вежбицка, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицка. – Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М, 1996.
4. Горский, Д. П. Роль языка в познании // Д. П. Горский. – Мышление и язык. – М, 1957.
5. Дубичинский, В. В. Теория и лексикографическое описание лексических параллелей / В. В. Дубичинский, Т. Ройтер. – Харьков, 2015.
6. Залевская, А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование / А. А. Залевская. – Воронеж, 1990.
7. Ибрагимбеков, Ф. А. «Чувство языка», его возможности, развитие и методика исследования / Ф. А. Ибрагимбеков // Тезисы докл. II съезда общества психологов. – Вып. I. Общая психология. – М. 1963.
8. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике: [в 4 т.] / А. А. Потебня. – М, 1958-1985.
9. Салтыков-Щедрин, М. Е. Губернские очерки / М. Е. Салтыков-Щедрин // Собрание сочинений в двадцати томах. – Том 2. URL: <http://e-libra.ru/read/350434-tom-2-gubernskie-ocherki.html> (дата обращения 4.01.2017).
10. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж, 1979.
11. Федурко, Ю. В. Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс. Автореферат диссертации. 2008. / Ю. В. Федурко. – URL: <http://cheloveknauka.com/identifikatsiya-neznakomogo-slova-kak-sinergeticheskiy-protsess#ixzz4UscVGmGI> (дата обращения 4.01.2017).
12. Чернобров, А. А. Научная и «наивная» картины мира: культурологический, лексический и текстологический аспекты / А. А. Чернобров // Сибирский педагогический журнал. – № 7. – 2012. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-i-naivnaya-kartiny-mira-kulturologicheskiy-leksicheskiy-i-tekstologicheskiy-aspekty> (дата обращения 4.01.2017).
13. Чибухашвили, В. А. Функциональные особенности языковой интуиции и условия ее использования в речевом развитии школьников / В. А. Чибухашвили // Вестник Тамбовского университета. – Серия: Гуманитарные науки. – Выпуск № 4. – 2009. – Том 72. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnye-osobennosti-yazykovoy-intuitsii-i-usloviya-ee-ispolzovaniya-v-rechevom-razvitii-shkolnikov> (дата обращения 4.01.2017).
14. Dubichynskiy, V. Lexical parallels: definitions, types, examples (Russian, German, English, Spanish). / V. Dubichynskiy, T. Reuther. – 2012. URL: http://www.ruslang.ru/doc/melchuk_festschrift2012/Dubichynski-Reuther.pdf (дата обращения 4.01.2017).

Материал поступил в редакцию 09.01.17.

PRINCIPLES OF LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION IN THE RUSSIAN-POLISH DICTIONARY OF LEXICAL PARALLELS

M. Kozdra, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor
Institute of Russian Studies, University of Warsaw, Poland

Abstract. *The purpose of this paper is to determine principles of lexicographical description in “The Russian-Polish dictionary of lexical parallels”. The main criterion for the selection of words is an educational and methodological practicability and needs of users. The meanings are being located, taking into consideration the relevance of the word meaning for modern living Russian speech. The dictionary entry is structured as follows: the Russian entry with its Polish correlates; grammatical characteristics; definition; translation equivalents; stylistic labels; illustrative phrases. Definitions are being developed based on monolingual and bilingual dictionaries of modern Russian and Polish languages, electronic corpuses, as well as on the basis of own linguistic intuition of the dictionary’s authors. The dictionary encompasses partial, full and false lexical parallels.*

Keywords: *lexicographical description, Russian-Polish dictionary, lexical parallels, dictionary entry, definitions.*

**Languages of Peoples of European, Asian,
African countries, Aborigines of America and Australia**
**Языки народов зарубежных стран Европы, Азии,
Африки, аборигенов Америки и Австралии**

УДК 811.521

РЕМАТИЧЕСКИЕ НАРЕЧИЯ В СТРУКТУРЕ АРГУМЕНТАЦИИ НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

С.В. Чиронов, кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков
Московский государственный институт международных отношений, Россия

***Аннотация.** В статье с опорой на корпусные данные рассматривается группа наречий, маркирующих переход к новому тезису в монологическом высказывании на японском языке. Выделяются единицы, различные по признакам указания на новую и старую информацию, происхождения нового тезиса, его соответствия или конфликта с имеющимися установками, а также стратегических целей коммуниканта. Новизна анализа заключается в использовании единой методики описания, а также установлении связей между внутренней семантикой наречий и прагматикой их употребления.*

***Ключевые слова:** японский язык, лингвистическая прагматика, наречие, аргументация, старая и новая информация, данные корпуса, сочетаемость.*

1. Среди разнообразных функций наречий в высказывании наряду с выражением категорий объективной (типичным образом – вероятностной) и субъективной (в том числе оценочной), а также иллюкативной (т.е. касающейся реализации интенций говорящего субъекта) модальности можно выделить и такую, как разметка аргументативной структуры в рассуждении определённой протяжённости. Не подпадая в строгом смысле под категории иллюкативности или оценочности, этот дискурсивный функционал проявляется на микроуровне – в соединении минимальных элементов высказывания таким образом, чтобы потом (в том числе за счёт формируемых на этом этапе пресуппозиций) они давали в итоге полновесный, «подкованный» или «начинённый» элементами субъективного отношения говорящего речевой акт. В данном смысле эти единицы можно сравнить с дорожными знаками, по которым – если попытаться картографировать движение мысли – движется к требуемому результату и автор высказывания, и его интерпретатор. Аналогия с дорожными знаками верна ещё и в силу количественной ограниченности элементов, о которых идёт речь, а также чёткой определённости прагматической функции каждого, воспроизводящего, по сути, один из конвенциональных мысленных ходов.

Тем не менее, несмотря на очевидную важность как с познавательной, так и с практической точки зрения (а именно, в повышении качества преподавания и перевода), данные единицы пока трудно назвать достаточно изученными, в частности, для случая японского языка, где им посвящено лишь несколько исследований. В недавней работе [6] мы уже рассматривали один из подклассов данной общности – наречия и близкие к ним единицы большей протяжённости (адвербиалы), фиксирующие логический шаг от стадии перебора некоего количества аргументов к стадии формулирования вывода. В настоящей статье мы остановимся на другом подмножестве единиц – тех, что регистрируют переход говорящего от одного тезиса к другому в процессе рассуждения: *kaette*, *gyaku-ni*, *mushiro*, *sorekoso*, *yohodo*, *isso* (примерный перевод – *как раз, скорее, тем более, напротив*). С учётом широко упоминаемой тенденции японских наречий к ограниченной сочетаемости с грамматическими показателями модифицируемого предиката, или, иными словами, к ограниченным возможностям появления в определённых типах высказываний или их частей (клауз) данной группе наречий, сопровождающих (маркирующих) комментарийную часть высказывания, его смысловой фокус, можно дать рабочее название рематических. В общем виде представляемый ими логический ход можно представить как сдвиг к вновь выдвигаемой говорящим пропозиции P1 от некоей P0, более ранней, уже присутствующей в дискурсе как озвученная реальным (или воображаемым) собеседником, универсально принятая либо же автоматически формирующаяся в силу действия ментальных фреймов и как таковая подразумеваемая говорящим. В китайском языке таким функционалом обладает наречие *jiu* [23; 24].

В наших рассуждениях мы отталкиваемся от уже проведённого анализа японских и зарубежных авторов. Мин Чиён, объединяя *isso*, *mushiro* и *kaette* в единую категорию «наречия выбора», сравнивает их перекрёстно, а также из статистики грамматического оформления концовок предложений с вхождениями наречий выделяет типичные ситуации их употребления [20]. Различия в контекстах употребления исследуют Ё. Ямаока

и Чон Чанхо [17; 22], пресуппозициях – Т. Абэ [8]. Не стремясь оспорить или верифицировать эти данные, мы попытаемся построить единую схему описания так, чтобы увязать особенности употребления с внутренней семантикой слов. Для наблюдения за ситуациями употребления используются данные открытого корпуса [11]. В анализе вклада наречий в структуру высказывания мы опираемся на модель актуального членения предложения, выдвинутую В. Матезиусом и модернизированной У. Чейфом [1; 3]. В классификации утвердительных высказываний мы основываемся на положениях [5].

2. Наиболее ясный случай смены тезиса представляет собой ситуация употребления *kaette*, где ожидания субъекта P0 корректируются фактом объективной реальности P1 (показательно, что наиболее частотное сочетание справа – **逆効果 = обратный эффект**). Прототип такого высказывания – констатация или репортаж об уже имевшем место событии, которое воспринимается субъектом как данность, не вызывает каких-либо сомнений и не подвергается проблематизации. Говорящему предельно ясно, что происходит – даже если речь идёт не о физических явлениях, а о трактовке событий, которую он без особых эмоций и нажима, авторитетно и весомо доводит до сведения собеседника. Встречающиеся примеры высказываний кроме констатаций – суждения, касающиеся возможности события, т.е. принадлежащие сфере объективной модальности (оформлены показателями вероятности, эвиденциальности). Речевые акты, где востребованы такие высказывания – предостережения и увещания, прогнозы – могут осложняться такими риторическими фигурами, как наводящий вопрос:

村岡氏の選対幹部は「中央の大物と呼ぶと、かえって票が逃げていったようだ。党の悪いイメージとダブるのだろう」とポツリ // Окамура, ответственный за выборы, лишь проронил: «Мы звали шишек из центра [P0 = ЭТО ДОЛЖНО БЫЛО ПОМОЧЬ ВЫИГРАТЬ], но, **наоборот**, недосчитались голосов, это только усугубляет негативный образ партии» (газета «Майнити» 16.04.2001), ср. その真相解明を放棄するような姿勢では、今後の北朝鮮との関係にかえって災いの種を残すことになりはしないだろうか // Если мы прекратим требовать выяснения истинных обстоятельств дела [P0 = ТОГДА, ВОЗМОЖНО, ОТНОШЕНИЯ НАЛАДЯТСЯ], не посеет ли это, **напротив**, семена новых бед в наших отношениях с Пхеньяном? (газета «Ниигата ниппо» 6.05.2001), ср. тжк. 良いじゃないですか。えくぼ。わたしはかえってうらやましい. Что ж в этом плохого – ямочки на щёчках? [P0 = 3-Е ЛИЦО СЧИТАЕТ, ЧТО ЭТО НЕКРАСИВО] Мне наоборот даже завидно (блог сайта «Яху» 2005) [11]

3. По речевому окружению *kaette* несколько похоже не *gyaku-ni*. Разница в том, что в первом случае новый тезис (P1) аннулирует старый (P0), во втором же между проводится сопоставление двух ситуаций по противоположному параметру, обе из них при этом остаются истинными. С прагматической точки зрения интересны те случаи, когда антонимические отношения выстраиваются между параметрами не фактической, а собственно речевой ситуации. Отсутствие отрицания P0 в таком случае исключает возможность конфликтного истолкования высказывания, а наречие выступает в функции коннектора:

「冷フェロモン」とは、どんなフェロモンなのか。「熱フェロモン」とは逆に、「ベッドの中では冷感症」な女? いや、そりゃダメだ。// И что такое «холодный феромон»? «Горячий феромон» значит, что, **наоборот**, в постели объект фригиден. Нет, что-то здесь не так... (У.Накамура «Что ты в ней нашёл» 2003), ср.: この日も二塁、三塁と盗塁を成功させ、昨季チームを全米一に導いたヤンキースのトリー監督をうならせた。「イチローをどう抑えるかって? 逆に教えてほしいくらいだ // В тот день он украл две базы, чем заставил взречь тренера «Янкисз», выведшего команду на вершины американского бейсбола в прошлом сезоне: «Как работать с Итиро?» [P0 = ВЫ СПРАШИВАЕТЕ У МЕНЯ] Да это я, наоборот, хочу у вас спросить!» («Подвиги Итиро» 2001) [11]

4. Различия между *kaette* и *mushiro* проявляются в нескольких аспектах. Прежде всего, говорящий не делает однозначного выбора в пользу P1 перед P0, а лишь склоняется в сторону P1, ср. англ. *rather*, рус. *скорее*. Более того, как таковой, этот «дрейф» всегда предполагает в каком-то смысле метаязыковое употребление, попытка найти более адекватное языковое выражение своей мысли, тогда как с *kaette* мы обязательно находимся в сфере объективной модальности. Так же, как и в случае *kaette*, P1 выдвигается как новая информация, неожиданная с точки зрения предшествующего рассуждения (это верно подмечает Чо Эсук [21]). Однако в сочетании с упомянутой градуировкой предпочтений это может быть речевая уловка, преследующая стратегию убедить адресата, минимизируя давление на его социальное «лицо». Эта тактика проявляется тем более выпукло, когда альтернативы – P0 (а их может быть несколько [20]) лишь смутно угадываются из контекста или вообще наличествуют исключительно условно – в таком случае на прагматическом уровне наблюдается синонимия с элементами сравнительной конструкции, несущими в речи функции создания эффекта расплывчатости высказывания – служебным именем (*но*) *hoo*, а также показателем *yori*, отягощённым выделительной частицей *wa* (возможна и комбинация с ними). Как нечто новое, как будто не до конца обдуманное самим субъектом, проблематизируемое, экспериментальное P1 вводится в речевые акты предложения, совета, комиссивах, выражениях воли и желания. В предположениях, констатациях в таком полутверждение-полурассуждение ощущается неокончателность:

同じ努力をするんだったら省庁の数をむしろふやす方向でやればもっと効果は出るということを、私は申し上げたかったわけでありませう // Я просто хотел сказать, что если уж действительно действовать с умом, [P0 – ПО ИДЕЕ ЭТО ДОЛЖНО ПРИВЕСТИ К СОКРАЩЕНИЮ АППАРАТА] то больший эффект скорее будет, когда мы увеличим число ведомств (парламентская стенограмма 1978).

Обратим внимание на различные типы условности, которые «работают» с *kaette* и *mushiro* в наших примерах. С *kaette* в корпусе значительно преобладает показатель абсолютной условности *to* (121 вхождение), примеров с временно-условным *-tara* 17, показателем объективно-логической условности (*re*)*ba* 20, а гипотетической условности *nara* – 0. С *mushiro* эти цифры дают сильный крен в сторону от фактивности к виртуальности: 38, 6, 24 и 13 соответственно.

5. Относительно малоисследованным является *sorekoso*, рассматриваемое в общих чертах Х. Кагэямы [9, с. 38-39] с точки зрения контраста тезисов, который также может быть представлен в наших терминах как замена P0 на P1. Особенность данного слова – в том, что P1 здесь составляет уже старую информацию, которая подаётся как правильное решение, несмотря на колебания самого субъекта, его адресата или иных участников дискурса относительно возможности другой альтернативы, ср. рус. как раз. Видимо, за счёт «истории» таких «метаний» P1 получает сильную эмоциональную окраску, либо положительную, либо отрицательную. Например, в парламентских речах за наречием следуют такие характеристики, как *ペテン師 = жулик, 大風呂敷 = раскатали скатерть-самобранку / чего изволите, 銀行甘やかしの法案 = законопроект избалует банки*. Негатив смягчается риторическими увёртками вроде оборотов *断定せざる／言わざるを得ない = не могу не назвать / не сказать...*, восприятие которых колеблется от неискренности до издевательства. Повышен градус и положительных оценок, где часты интенсификаторы со значением истинности ([7]) *shin-no, hontoo-ni = воистину, действительно*:

今度はこのベースが違うというのなら、これはもう全然話にならぬ。これはもう、これこそペテンですよ。何のために四十年後の保険料はこんなに上がりますと書くのですか。// *А если теперь к нам применяется различная база, то это уже вообще никуда не годится. Это, если хотите знать, как раз и есть жульничество. Зачем тогда через 40 лет вы так поднимаете плату?* (там же 1984) [P0 = ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ВЫДАТЬ ЗА ЖУЛИКОВ НАС, КТО ЗАДАЁТ ВОПРОСЫ]

Интенсивность, порой даже ожесточённость оценок объясняется стоящей перед говорящим важной и сложной задачей убеждения адресата, ведь характерный контекст употребления наречия – накалённая полемика. Суть этого накала – в необходимости опровергнуть логику собеседника, показав, что из P0 следует именно P1. Поэтому прежде чем высказать своё суждение Г снабжает свою речь «убойными» риторическими приёмами, например, прямым противопоставлением и отрицанием тезиса противника:

健全なスポーツは、本来痛みを伴わない。むやみに痛みを伴うスポーツにはこれこそ構造改革が必要だ // *Здоровый спорт никакой болезненности и не предполагает. Если спорт у вас начинает сопровождаться страданиями – тогда его-то и надо реформировать* (газета «Киото симбун» 21.11.2001, веч.) [P0 = СПОРТ НУЖДАЕТСЯ В РЕФОРМЕ; А ОНИ ВСЕГДА БОЛЕЗНЕННЫ]

6. Несколько иное звучание получает использование в рематическом контексте наречия *yohodo*. Мы уже останавливались на его употреблении в эвиденциальном контексте, где в ассерцию высказывания входит не только наличие (косвенной) входящей информации в подтверждение версии Г, но и высокая степень признака, на который такая информация указывает [4]. Как справедливо указывают авторы работ по данному наречию, возможно также его употребление в протазисе условного предложения (типичный контекст – «если признак только не совсем сильный, то условие не выполняется») [12; 14; 15; 19]. В употреблении, интересующем нас сейчас, тоже присутствует сема пропорциональности: в данном случае P0, вводимое ранее в дискурсе, усиливает убеждение Г в верности P1, которое имелось у него и ранее:

私にとっては、実体験としてある意味ですごく恐ろしい部分の、環境に対してはよほど配慮しなくちゃいけないんだという一つの経験になっているのです // *Для меня это было в чём-то даже нечто страшное* [P0 = содержание испытанного] *как реальный опыт, это опыт, который убеждает, что вот уж с экологией надо считаться* (парламентская стенограмма 2001)

В данном случае высказывание следует отнести к типу репортажа о собственных эмоциональных переживаниях. В контексте убеждения допустимо сочетание *yohodo*, которое за счёт количественной семы интенсифицирует непосредственно предикат рематической части (с выраженным оценочным компонентом [13]), с *mushiro* и *isso-no-koto*. При этом, хотя в целом вводимый ими (и соответствующий их сфере действия) кусок посвящен представлению новой информации, оценочный предикат с *yohodo* по сути представляет собой уже «заложённое» требование и отодвинуто от фокуса ремы группой с (*no*) *hoo*:

むしろいっそのこと盛岡どまりの新幹線を早くやってあげようなんて言ってあげた方がよほど親切なんです。今日そういうことも言えないままでしょう // *Уж тогда лучше сказали бы, что проведёте скоростную ветку в Мориоку – вот это было бы приятно людям. Но на это мы не способны* (там же 1981)

Такого рода примеры с «расставленными по местам» несколькими рематическими наречиями аргументативного значения напоминают принцип «скрытой грамматики» китайского языка – где факультативно появление каждого из набора грамматических показателей в определённой позиции, а также их комбинаций [2]. В японском языке такое возможно в основном с прагматическими и лишь небольшой частью грамматических показателей.

7. В случае *isso* P1 представляет собой новую, неожиданную информацию, однако, она подаётся не с окончательной убеждённостью, как с *kaette* и *yohodo*, а на этапе продолжающихся сравнений, рассуждения. Стратегия говорящего двуедина – помимо задачи убедить адресата аргументация, сопровождающая высказывание,

а также подчеркнутая риторичность (подчеркивание сравнения с (*no*) *hoo*) преследуют цель прийти к собственному окончательному выводу, то есть несут активный когнитивный характер. Отчасти, очевидно, этому способствует отношение субъекта к P1. Данный аспект затрагивает Мин Чиён, указывая на «решительность» выбора в пользу нового тезиса [20]. Чон Чанхо также на основе исследования примеров из художественной литературы отмечает, что наречие появляется в тех контекстах, где субъект Г махнул на себя рукой, отдался на волю событий или эмоций, и фраза тогда получает оттенок отчаяния, безразличия к развитию ситуации [22]. Обращение к более широкой выборке показывает, что в манипулятивных контекстах такая позиция говорящего на деле может быть лишь позой, тактической уловкой, производимой в рамках стратегии, направленной на изменение ситуации в свою пользу, в таких контекстах, где P1 негативно оценивается самим говорящим. Предлагаемый выбор, который не удовлетворяет его же проponenta, не только не является «наименьшим из двух зол» (эта схема рассуждения фиксируется в семантическом фрейме наречия *doose*, где недостижимость желаемого состояния вызывает раздражение и отчаяние говорящего [6]), но даже и оптимальным, предлагается с вызовом, назло. Совет, предложение, комиссив, характерное употребление в которых отмечает Мин Чиён, приобретают тогда «двойное дно» претензии, осуждения и отказа, свидетельствующее о незавершённости коммуникативной трансакции. Эта подоплёка высказывания проглядывает и в частотности таких элементов, как маркер раздражения *too* = *уже, уж (я не знаю)* (как левее, так и правее в тексте), аспектуальный показатель *-te shimau* (законченное, безвозвратное, часто – негативное действие или событие). Жёсткость высказывания происходит от конфликта между P0 и P1, перечёркивающим его логику:

老健では「人手が少なく、手間のかかる処置が必要な人は無理」と断られる。福喜さんは、栄養は鼻に通した管から取り、糖尿病の薬の点滴を受けていた。十日余りで二十五か所に電話し、九か所を訪問したが、受け入れ先は見つからなかった。「いっそ、家に連れて帰って、自然に死なせようかと思う」と愚痴をこぼすと、主治医は「薬物さえ与えなければ(罪にはならない)」と答えたという。// В приюте от него отказались – нам, мол, сложные, требующие ухода не нужны, рук и так не хватает. А у Фукуки питание через трубочку идёт в нос, а и капельницы с инсулином. За 10 дней позвонила в 25 мест, сходила в 9, но так и не смогла никуда пристроить [P0 = НАДО ПРИСТРОИТЬ СТАРИКА]. «Уж лучше тогда придём домой – и я сама его укокошу» – *ворчу* вот так, а лечащий врач в ответ: «Ну, если медикаментозного воздействия не будет, так и не накажут» (газета «Йомиури» 6.08.2001; комиссив скрывает под собой запрос совета), ср.: 文化行政というものを、文部省、特殊法人も含めて期待するという立場からすれば、あと、何ですか、まとめれば九つになるんですか八つになるんですか、そんなものもういっそのこと全部一つにしてしまうたらどないですか。一つにするとということを文部省が言って、一つにしてしまうたらもう減らしようがないじゃないですか。// И после объединения управляющих органов в сфере культуры [P0], что там, получается, остаётся 8-9 структур? Ну тогда уж давайте объединим все в одну, раз и Минкульт так хочет (парламентская стенограмма 1981; под видом предложения высказывается сомнение и критическое отношение), ср. также: 「実際に来るのは代理ばかり。いっそ『市長』を名称から外したらどうか」// Приезжают всегда только заместители. Уж тогда, может, лучше убрать «мэрские» из названия мероприятия? (газета «Асахи» 7.08.2001)

В непобудительных контекстах *isso* приближается к *kaette*, с той разницей, что здесь в большей мере проблематизируется P2. Судя по данным корпуса, этот вариант употребления значительно реже:

眼鼻、口、何一つ欠点のない人形のような美しさののだが、整いすぎたのがいっそ気味が悪い。// Нос, глаза, рот, всё безупречно, как у куклы [P0 = ЭТО ДОЛЖНО РАДОВАТЬ], но оттого ли, что всё слишком аккуратно, ощущение, *напротив*, зловещее. (М. Ёкомидзо «Анатомическая школа» 1996)

Оба варианта, впрочем, можно обобщить на базе схемы <чем P0, так уж лучше P1, так будет P2>, где P1 – новая, а P2 – старая информация (как с *yohodo*). При этом, хотя подразумеваются и P1, и P2, но вербализуется лишь какой-либо один из них, который в таком случае и сопровождается *isso*.

Элемент сопоставления двух тезисов в *isso* делает его трудноразличимым с выражением сравнения *issoo*, как фонетический вариант которого оно возникло [16], впоследствии обособившись на функционально-семантическом уровне. К тому же, и на слух долгота не всегда чётко улавливается. Основное различие всё-таки в том, что *issoo* сопровождает сравнительную степень как таковую и в этом качестве употребляется в различных типах высказываний, где сравниваются два предмета, при происхождении не замена, а, наоборот, усиление тезиса (в частности, распространены примеры с интенсификацией комиссива). *Isso* же всегда сопровождает отказ от одного тезиса в пользу другого:

来年3月の最終報告までに政府が地元を説得するのはいっそう難しくなった。// До выхода финального доклада в следующем марте правительству теперь будет ещё сложнее убедить местные власти [P0 = И БЫЛО СЛОЖНО] (газета «Асахи симбун» 25.12.2005)

8. Проведённый анализ показал, что наречия, маркирующие введение ремы в аргументативных контекстах, поддаются описанию на основании общей схемы, предполагающей движение мысли говорящего от тезиса P0 к другому – P1. Сравнение единиц может производиться в зависимости от параметров P0 и P1, а также коммуникативной ситуации. Ключевое значение имеет тезис P1, характеризуемый помимо новизны («-» для *sorekoso*, *yohodo*), фактивности («+» для *kaette*, «-» для *mushiro*) отношением субъекта – например, негативное в *isso*, эмоциональное в *sorekoso*, степенью принятия тезиса – например, неполное в *mushiro*), а также степенью конфликтности с P0 («-» для *gyaku-ni*). Все упомянутые характеристики напрямую влияют на круг возможных

употреблений единиц. Последние же, как было показано, таким образом могут быть заданы через набор параметров, а не просто списком – как, например, выражения воли, желания, призыва, просьбы, совета, вероятности для *isso*, воли, совета, констатации для *mushiro* и т.д. [20]

Как было показано, данные единицы, хотя и подразумевают соединение двух тезисов, но отличны от союзов в силу того, что фиксируют не сам способ соединения, а отношение говорящего к элементам движущейся ткани его рассуждения. Это представляется нам более важным признаком, нежели формальный, касающийся сферы действия – охватывая она всё предложение (союз, вводное слово в русистике) или, например, группу сказуемого. В этом смысле более актуальным для данного типа единиц представляется деление случаев употребления на «экстраклаузальные», когда сферой действия является вся рематическая часть высказывания, и «инфраклаузальные» у Ё. Ямаоки [17]. Функционально – отражая движение мысли говорящего в его динамике – отличаются эти наречия, относимые иногда к «выделительным» [10], от выделительных частиц типа *dake*, *koso*, вводящих статичные пресуппозиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матезиус, В. О так называемом актуальном членении предложения / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок. – М., Прогресс, 1967. – С. 161-166.
2. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя / Тань Аошуан. – М., Языки славянской культуры, 2002. – 896 с.
3. Чейф, У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения / У. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 11. – М., Прогресс, 1982.
4. Чиронов, С.В. Модальные наречия эвиденциальной семантики в японском языке / С.В. Чиронов // Достижения вузовской науки. Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции г. Новосибирск, 2 февраля, 19 февраля 2016 г. – С. 225-234
5. Чиронов, С.В. Иллокутивность и субъективная модальность в монологической речи (микрорисследование) // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Вып.14. М. Ключ-С», 2016. С. 219-231.
6. Чиронов, С.В. Наречия в аргументативной структуре высказывания на японском языке. Доклад на международной научно-практической конференции «Японский язык и методика преподавания японского языка» / С.В. Чиронов. – ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, 28-29 октября 2016 г.
7. Чиронов, С.В. Наречия истинностной характеристики: прагматический потенциал (по данным корпуса японского языка) / С.В. Чиронов // Актуальные вопросы современной науки. Сборник научных трудов. – Вып. 42. – ЦРНС, Новосибирск, 2015. – С. 197-208.
8. 安部朋世, アベトモヨ. ムシロ・ドチラカトイエバ・カエッテの分析 // 千葉大学教育学部研究紀要. (Абэ Т. Анализ выражений *mushiro*, *dochira ka to iu to*, *kaette* // Записки пед. факультета ун-та Тиба) 2011. – № 59. – С. 241-245.
9. 景山弘幸. 並置と迂言 (1): *Poor as he is*, *he is happy* // 札幌大学総合論叢. (Кагэяма Х. Аллокация и эвфемизм (1): *Poor as he is*, *he is happy* // Сборник работ университета Саппоро) 2011. – №31. – С. 31-43.
10. 工藤浩. 叙法副詞の意味と機能—その記述方法をもとめて—// 国立国語研究所報告71. 研究報告集3 (Кудо Х. Значение и функции наречий – в поисках методики описания. Доклады Национального института японского языка. – 1982. – № 71-3. – С. 45-92
11. 現代日本語書き言葉平均コーパス (Взвешенный корпус письменных источников современного японского языка) [Электронный ресурс] URL= http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата доступа 27.12.2016)
12. 杉浦滋子. 「よほど」の意味と用法 // 言語と文明 (Сугиура Дз. Значение и употребление *yohodo* // «Язык и культура», № 12) – 2014. – №12. – С.1-19.
13. 田和真紀子. 程度副詞の評価性をめぐって「宇都宮大学教育学部紀要」(Тава М. Оценочное значение в наречиях степени // Записки педагогического факультета университета Уцуномия) 2011. – № 1-61. – С. 25-36.
14. 茶谷恭代. 現代日本語の副詞の研究: 副詞「よほど」における程度性・評価性・叙法 (Тятэкэ Я. Скалярный, оценочный и модальный семантические компоненты наречия *yohodo*. Дипломная работа. Токийский институт иностранных языков) (Электронный ресурс) URL = http://repository.tufs.ac.jp/bitstream/10108/77763/2/dt-ko-0177_jp.pdf (дата обращения 25.01.2016)
15. 茶谷恭代. 副詞「よほど」の意味と用法// 言語・地域文化研究. (Тятэкэ Я. Значение и употребление наречия *yohodo* // Исследования по лингвистике, культурологии и регионоведению). – 2005. – Вып. 11. – С. 103-124.
16. デジタル大辞泉(Электронный словарь Дайдзисэн) [Электронный ресурс] URL= <http://www.daijisen.jp/digital/> (дата доступа 30.12.2016)
17. 山岡萬健, 趙慧欣. 接続表現における意味と用法の研究: 「かえって」について // 岡山理科大学紀要. В, 人文・社会科学 (Ямаока М., Чо Хехён. Значение и употребление коннекторов – *kaette* // Записки политехнического университета Окаяма, серия Б – гуманитарные и общественные науки) 1994. – №29. – С. 1-13.
18. 渡辺実. 比較副詞「よほど」について: 副用語の意義・用法の記述の試み (二) // 上智大学国文学科紀要. (Ватанабэ М. О сравнительном наречии *yohodo*: опыт описания значения и употребления (2) // Записки филологического факультета университета София) 1987. – №4. – С. 39-52.
19. 金賢珍. 日韓両言語の程度副詞と共起する名詞について (Ким Хёнчжин. Именные коллокации японских и корейских наречий степени) [Электронный ресурс] URL= <http://www.lang.nagoya-u.ac.jp/bugai/kokugen/tagen/tagenbunka/vol15/kimh5.pdf> (дата доступа 13.12.2016)
20. 関根英. 類義表現に関する一考察: 選擇の意味を表す副詞「いっそ、かえって、むしろ」を対象に. 「日本語文学」(Мин Чиён. Исследования синонимов японского языка. На примере наречий выбора *isso*, *kaette*, *mushiro*). «Ильбон мунхак» – 2011. – №53. – С. 65-86

21. 趙愛淑. 韓日語副詞「むしろ」와「오히려」의 意味研究「日本研究」(Чхо Эсук. Семантические исследования. Японские и корейские наречия – mushiro, ohiryeo. «Ильбон ёнгу») 2011. – № 48. – С. 263-281.
22. 정창호. 부사 [寧ろ] 와 [いっそ] 의 적절한 사용 법칙에 대해서-[尾崎紅葉] 의 작품을 통해서 //일본학연구. Чон Чхано. О правильном употреблении наречий mushiro и isso – на примере произведений Одзаки Коё «Ильбонхак ёнгу» – 2003. – № 13. – С. 59-74.
23. 陳建明. 日本語と中国語の比較に関わる程度副詞の分類について. (Чэнь Цзяньмин. О классификации сравнительных наречий в японском и китайском языке. Сборник работ филологического факультета Осацкого префектурального университета) 2015. – №33. – С. 203-211.
24. 王愛武, 陳月吾. 副詞としての中国語「就」の使い方について //福井工業大学研究紀要.(Ван Айу, Чжэн Юйу. Об употреблении китайского наречия *jiu*. Записки политехнического университета Фукуи) 2003. – №2-33. – С. 101-107.

Материал поступил в редакцию 09.01.17.

RHEMATIC ADVERBS IN THE ARGUMENTATION STRUCTURE IN JAPANESE

S.V. Chironov, Candidate of Philological Sciences,
Head of Department of the Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages
Moscow State Institute of International Relations, Russia

Abstract. *This paper envisages, based on the corpus data, a group of adverbs marking transition to a new thesis in the course of a monological utterance in Japanese. The entities considered vary in such features as referring to new or old information, origins of the new thesis, its compliance or conflict with the existing attitudes, and strategic aims of the communicant. The novelty of the analysis lies in using an integrated descriptive method, as well as in establishing links between the internal semantics of the adverbs and the pragmatics of their usage.*

Keywords: *Japanese, linguistic pragmatics, adverb, argumentation, old and new information, corpus data, collocations.*

Для заметок

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 1 (7), январь / 2017

Адрес редакции:
Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 13.01.2017 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 78.